

СКИОЫ

Книгоиздательство „Скифы“.

Редактировали:

Андрей Бѣлый.

Р. В. Ивановъ-Разумникъ.

С. Д. Мстиславскій.

Обложка и марки работы

К. С. Петрова-Водкина.

СЖИВОУ

СБОРНИКЪ

2

1918

Оглавленіе.

	СТР.
Ивановъ-Разумникъ.	
<i>Поэты и революція</i>	1
Андрей Бѣлый.	
„ <i>Пѣснь Солнценосца</i> “	6
Николай Клюевъ.	
<i>Пѣснь Солнценосца. СТИХИ</i>	11
Сергѣй Есенинъ.	
<i>Стихословъ. ПОЭМЫ:</i>	
<i>Товарищъ</i>	15
<i>Усѣ.</i>	19
<i>Пѣвущій зовъ</i>	22
<i>Отчаръ</i>	25
Петръ Орѣшинъ.	
<i>Дулейка. Дѣдъ-Краснобай. СТИХИ</i>	29
Андрей Бѣлый.	
<i>Война. Стихотвореніе</i>	35
<i>Родина. Стихотвореніе</i>	36
Андрей Бѣлый.	
<i>Котикъ Летаевъ. Романъ (Окончаніе).</i>	37
Николай Клюевъ.	
<i>Избавныя пѣсни. СТИХИ</i>	104
Евгеній Замятинъ.	
<i>Островитяне. Повѣсть.</i>	119

	СТР
Сергѣй Есенинъ.	
<i>Подъ отчимъ кровомъ.</i> СТИХИ.	164
Алексѣй Ремизовъ.	
<i>Gloria in excelsis.</i> Разсказъ.	180
Алексѣй Ганинъ.	
<i>Причастье Тайны.</i> СТИХИ	188
Алексѣй Ремизовъ.	
<i>Слово о побѣдѣ Русской Земли</i>	194
Ивановъ-Разумникъ.	
<i>Дѣя Россіи.</i>	201

СКИЮЫ

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ.

Поэты и революція.

1.

Отчего это такъ случилось: въ дни революціи стали громко звучать только голоса *народныхъ* поэтовъ? И притомъ „народныхъ“ въ смыслѣ не только широкомъ, но и узкомъ: Клюевъ, Есенинъ, Орѣшинъ — поэты народные не только по духу, но и по происхожденію, недавно пришедшіе въ городъ съ трехъ разныхъ сторонъ крестьянской великой Россіи, съ поморья, съ поволжья и „съ рязанскихъ полей коловратовыхъ“. Такъ вотъ: почему, спрашиваю я, только ихъ голосъ громко прозвучалъ въ „грохотъ громовъ“ великой революціи, которую такъ усердно стараются сдѣлать малой всѣ мѣщане отъ обывательщины и отъ социализма?

Клюевъ — первый народный поэтъ нашъ, первый, открывающій намъ подлинныя глубины духа народнаго. До него, за три четверти вѣка, Кольцовъ вскрылъ лишь одну черту этой глубинности, открылъ передъ нами народную поэзію земледѣльческаго быта. Никитинъ, болѣе блѣдный, Суриковъ, Дрожжинъ, совсѣмъ уже поэтически безпомощные — вотъ и всѣ наши народные поэты. Клюевъ среди нихъ и послѣ нихъ — подлинно *первый* народный поэтъ; въ болѣе слабыхъ первыхъ своихъ сборникахъ и во все болѣе и болѣе сильныхъ послѣднихъ — онъ вскрываетъ передъ нами не только удивительную глубинную поэзію крестьянскаго обихода (напримѣръ, въ „Избяныхъ пѣсняхъ“), но и тайную мистику внутреннихъ народныхъ переживаній („Братскія пѣсни“, „Мірскія думы“, „Новый псаломъ“). И если не онъ, то кто-же могъ откликнуться изъ глубины народа на грохотъ громовъ и войны и революціи?

На войну онъ откликнулся почти никѣмъ не понятымъ „Бесѣднымъ наигрышемъ“, въ которомъ такъ удивительно вскрылъ стародавнюю народную правду объ исконной борьбѣ „земли“ съ „железомъ“. Рядъ не менѣе глубокихъ стихотвореній на ту же тему въ „Мірскихъ думахъ“ (а также и въ кругѣ стиховъ „Земля и железо“

въ первомъ сборникѣ „Скифы“) — были единственнымъ подлиннымъ дуновеніемъ поэзіи среди безчисленныхъ виршей о войнѣ, надуманно вымученныхъ даже знаменитѣйшими нашими поэтами, за исключеніемъ двухъ-трехъ.

И на революцію отозвался онъ хоть немногими, но глубокими и подлинными строками. „Пѣснь Солнценосца“ по глубинѣ захвата далеко превосходитъ все написанное до сихъ поръ о русской революціи. Ибо революція для Клюева, народно-глубиннаго поэта — не внѣшнее только явленіе, онъ переживаетъ ее изнутри, какъ поэтъ народный; за революціей политической, за революціей соціальной онъ предчувствуетъ и проводитъ революцію духовную. И, стремясь къ послѣднимъ достиженіямъ, онъ зоветъ „на бой“ за первыя приближенія.

Есенинъ — много моложе Клюева, пути его еще впереди; но почти все, сказанное здѣсь о поэзіи революціи, можно повторить и о немъ, о его поэтическомъ творествѣ. На войну онъ отозвался „Маршей Посадницей“ — первой революціонной поэмой о внутренней силѣ народной, написанной еще въ тѣ дни (сентябрь 1914 года), когда почти всѣ наши большіе поэты — исключеній мало! — восторженно воспѣвали внѣшнюю силу государственную. И цѣлый кругъ поэмъ („Товарищъ“, „Пѣвущій зовъ“, „Отчаръ“) явились въ дни революціи единственнымъ подлиннымъ проявленіемъ народнаго духа въ поэзіи — ибо и этотъ поэтъ чувствуетъ и принимаетъ революцію изнутри, а не извнѣ. Пути его, повторяю, еще впереди; но и въ дни революціи стоялъ онъ впереди другихъ, болѣе знаменитыхъ, но имѣвшихъ меньше права на поэтическое слово. Ибо право это — не берется талантомъ, а дается подлиннымъ внутреннимъ чувствомъ поэта.

Орѣшинъ — давно уже пробовалъ свои силы (въ „Завѣтахъ“ 1913 года), но только съ революціей силы эти окрѣпли; онъ написалъ длинный рядъ „революціонныхъ“ стихотвореній (напечатаны въ петербургскихъ „эсъ-эровскихъ“ газетахъ). И онъ подлинный народный поэтъ, но, сравнительно съ предыдущими — безмѣрно менѣе сложный по формамъ поэтическаго творчества. Клюевъ не только „народный поэтъ“, но и бессознательный угонченѣйшій техникъ; Есенинъ въ позднѣйшихъ своихъ вещахъ идетъ по этому же пути обогащенія формы. Форма же эта всегда является отраженіемъ и проявленіемъ сущности духа. Клюевъ — поморье, Орѣшинъ — поволжье, съ его бурнымъ революціоннымъ вихремъ, не проникающимъ однако вглубь явленія. Если у Клюева революція духовная, соціальная, политическая сплетены въ одинъ космическій вихрь, если у Есенина глубоко и исконно переплетены въ вихрь революція духовная и политическая, то Орѣшинъ захваченъ лишь одной стороною этого

вихря—революціей соціальною. Но въ этомъ кругѣ вихря—переживанія его искренни, переживанія его подлинны, и настолько же искренне и подлинно его поэтическое творчество. Вотъ почему о революціи имѣеть право слагать свои простыя пѣсни онъ—и не имѣють этого права неизмѣримо болѣе знаменитые поэты, революціонныя стихосложенія которыхъ о „Землѣ и Волѣ“ читаешь порою съ тѣмъ же стыдомъ, съ какимъ раньше читалъ ихъ же воинственныя версификаціи.

Подлинность переживаній—вотъ то малое (и великое), что дало силу голосамъ народныхъ поэтовъ въ дни революціи. И знаменательно то, что почти всѣ „городскіе поэты“ такъ же постыдно провалились на революціи, какъ и на войнѣ. Кто, кромѣ народныхъ поэтовъ, сказалъ о войнѣ сильное слово, которое хоть немного запомнится? Не Бальмонтъ, не Брюсовъ, не Сологубъ, а развѣ только (въ поэмѣ „Война и Миръ“) единственный небездарный футуристъ, Маяковский, ломовой извозчикъ поэзіи. Еще два-три подлинныхъ большихъ поэта нашихъ—молчали; ихъ слова—вперед; быть можетъ еще не скоро, черезъ годы, подлинныя переживанія ихъ воплотятся въ звукъ и слово. Такъ о войнѣ; такъ и о революціи. Кто о ней сказалъ въ поэзіи подлинное слово, кромѣ народныхъ поэтовъ?

И, повторяю—знаменательно, что лишь у нихъ оказалась подлинность поэтическихъ переживаній въ дни великой революціи. Ихъ устами *народъ* изъ глубины Россіи откликнулся на „грохотъ громовъ“. Отчего же были въ эту минуту закрыты уста большихъ нашихъ городскихъ поэтовъ, а если и были открыты, то непереносно фальшивили? Не потому ли, что устами этими откликался не великій народъ, а мелкодушный мѣщанинъ, *Обыватель*?

2.

Мы издавна знаемъ: поэту—нѣтъ отзвука, онъ—гласъ вопіющаго въ пустынѣ, святая святыхъ его — смѣшно и никчемно для „толпы“, и часто надъ нимъ „ругается слѣпой и буйный вѣкъ“. Самъ же онъ, поэтъ, откликается „на всякій звукъ“, онъ внемлетъ и „грохоту громовъ“ войны и мирной „пѣснѣ дѣвы за холмомъ“, онъ идетъ дорогою свободной, куда влечетъ его свободный умъ... Относится это, конечно, лишь къ „великому“ поэту. Но вѣдь всякій подлинный поэтъ—всегда поэтъ великій, хотя бы въ узкой области своего дарованія.

Все это такъ, но надо договорить до конца и вторую половину „истины о поэтѣ“: часто самые великіе изъ нихъ бываютъ не только въ жизни, но и въ своей поэзіи, малодушно погружены „въ заботахъ суетнаго свѣта“; часто поэтъ и въ жизни и въ поэзіи—ничтожный

всѣхъ „межъ дѣтей ничтожныхъ міра“; часто при „грохотѣ громовъ“ онъ именно въ поэзи первый „къ ногамъ народнаго кумира“ кланитъ свою голову...

Пришла война—кто первый склонилъ голову къ ногамъ кумира войны? Пришла революція—кто первый передъ нею преклонился? Придетъ „контръ-революція“—кто первый „пѣтушкомъ, пѣтушкомъ“ побѣжитъ за ея дрожками, на которыхъ поѣдутъ Городничій и Хлестаковъ подъ охраною Держиморды? Все онъ же, подлинный поэтъ, великій въ маломъ, малый въ великомъ. Великіе въ великомъ—не преклонятся, не пойдутъ; но много-ли ихъ?

Слишкомъ чутокъ поэтъ и не можетъ не откликаться „на каждый звукъ“; часто слишкомъ слабъ онъ, и сила стихіи его увлекаетъ; въ силѣ видитъ онъ красоту—и сила красоты его покоряетъ. Война, высшее проявленіе государственной силы, заставляетъ его слагать ей гимны; революція, высшее проявленіе силы народной, покоряетъ его своей власти. Многие ли поэты и художники сумѣли не склонить своей головы передъ міровой войной нашихъ дней? Многие ли изъ нихъ устояли противъ вихря духовно чуждой имъ революціи?

Ибо надо признать откровенно: громадному большинству нашихъ поэтовъ стихія революціи чужда и враждебна. Демократія для нихъ—„толпа“, исконный ихъ врагъ; бурный и тяжелый путь революціи слишкомъ труденъ для нихъ, слишкомъ непосиленъ; испытанія въ грозѣ и бурѣ революціи не могъ выдержать почти ни одинъ изъ нихъ. Я знаю, есть исключенія; но, еще разъ,—много ли ихъ?

Я знаю еще и другое: всѣ поэты считаютъ себя подлинными революціонерами духа; для нихъ всякая внѣшняя революція слишкомъ „мелка“, слишкомъ матеріальна; они смотрятъ „глубже“, они видятъ дальше, они неудовлетворяются малымъ. Опять спрошу: многие ли изъ поэтовъ *имѣютъ право* на такое оправданіе? Ибо для громаднаго большинства—доля правды здѣсь покрыта густымъ слоемъ либо самообмана, либо лицемерія.

Въ первые дни революціи всѣ поэты и художники стали вдругъ революціонерами. Тягостное это было зрѣлище и постыдное. Ибо слишкомъ хорошо чувствовалось, что лишь немногіе и немногіе изъ нихъ имѣли на это право. Перьевъ еще не истунили, которыми писали они дифирамбы войнѣ, еще голоса и восторженнаго выраженія лица не измѣнили, съ которыми славословили міровую бойню—и сразу запѣли гимны революціи, хвалу красному Интернационалу, славословіе народу..

А гдѣ же были они, когда тотъ же народъ преступно и бессмысленно обрекался на гибель въ теченіе трехъ лѣтъ? Во всей Европѣ нашелся только одинъ, хотя и второстепенный, но подлинный

художникъ слова, не пріавшій братскаго самоистребленія народовъ. Это былъ Ромѣнъ Ролланъ, возросшій на русской закваскѣ толстовства. Прибавьте къ нему двухъ-трехъ англичанъ, нѣмцевъ и итальянцевъ— и итогъ будетъ почти полонъ. Два-три русскихъ поэта—подлинныхъ, большихъ поэта—хранили упорное молчаніе, тѣмъ болѣе краснорѣчивое, чѣмъ больше дифирамбовъ раздавалось вокругъ.

И они же хранятъ молчаніе теперь, во время революціи; они чувствуютъ, они знаютъ, что если не могли они воспѣвать войну за сотни верстъ отъ окоповъ и смерти, то еще труднѣе, еще непереноснѣе—быть Тиртеями тыла революціи, славить или поносить революцію, будучи лишь безвольными зрителями ея. Ахъ, много, слишкомъ много у насъ тыловыхъ Тиртеевъ и войны, и революціи, но отраднo знать, что хоть нѣсколько подлинныхъ художниковъ молчатъ въ эти минуты стаднаго „тылового“ поэтическаго творчества.

И какъ разъ эти художники впоследствии первые *будутъ имѣть право* говорить и о войнѣ, и о революціи. Ибо глубоко переживаютъ и собираютъ они въ своемъ молчаніи тѣ чувства, которыя тыловые поэты спѣшно расточаютъ въ легковѣсныхъ словахъ.

А всѣ остальные? Остальные—Тиртеи войны, „умѣренной“ революціи и всего того, что пріемлетъ *Обыватель*, міровой мѣщанинъ. Это онъ говоритъ устами даже большихъ нашихъ поэтовъ, столь духовно малыхъ въ своемъ поэтическомъ величіи. И отраднo знать, что устами подлинныхъ народныхъ поэтовъ говоритъ глубинная сила земли, которой въ будущемъ вѣчная уготована побѣда.

Ивановъ-Разумникъ.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

„Пѣснь Солнценосца“.

1.

„Утенокъ“ былъ „гадокъ“.

И утки клевали утенка; „утенки“ рождались; такого уродца, какъ „гадкій утенокъ“ ¹⁾ не видѣли утки; и былъ онъ противенъ утиному миру не оттого, что противенъ онъ былъ, напримѣръ, для людей, а оттого, что онъ не былъ утенокъ: онъ былъ — лебеденокъ

Дѣти — Ангелы.

Но появляется Фрейдъ и порочить дѣтей; въ освѣщеніи Фрейда всѣ дѣти — преступники; еслибы клевета на дѣтей распространилась надолго, то отнесли бы мы къ дѣтямъ, какъ къ гадкимъ утятамъ Родись среди насъ богатырь (такъ, какъ въ сказкѣ у Пушкина), мы, пожалуй, дадимъ ему имя: „Звѣрушка“. Только мать будетъ знать, что она — „родила богатыря“; ей подскажетъ ея материнское сердце Бабы старья, Бабарихи — всѣ мы: Парки, старья бабы, бормочуть, пророчуть и глазятъ всѣхъ „гадкихъ утятъ“: и отъ вѣка до вѣка такъ водится; царство утокъ — всеильно.

Ихъ жертвы стоятъ передъ нами; обруганный нѣкогда Пушкинъ, обруганный Лермонтовъ, — Гоголь, Толстой, Достоевскій, Бѣлинскій, Бетховень, Сократъ, Микель-Анжело: всѣмъ доставалось! Бранили, щипали, травили, сжигали и гнали ихъ всѣхъ. На всѣхъ „Фрейдъ“ поименно указывалъ. „Ты — Звѣрушка. И ты“.

Всѣхъ утиное стадо щипало.

Но величайшаго среди всѣхъ оно распяло.

2.

Грядущее издали слышно.

Но громъ серафической молніи, бьющій надъ нами, ужасень: гѣмъ не менѣе громъ серафической молніи онъ; этотъ громъ — извѣщеніе:

¹⁾ Сказка Андерсена „Гадкій утенокъ“

онъ — за грѣхи; но и въ немъ — упованіе; былъ Мессія предвѣщенъ, не въ кущѣ эдемской, а въ боляхъ работы; лучше-ли жить въ Раю, чтобы Мессіи намъ не было? Нѣтъ: лучше намъ пострадать, чтобъ исполнить задачи судьбы.

Льдистые края, которыми восхищаются издали, при подъемѣ на нихъ угрожаютъ намъ гибелью; лучше трудъ восхожденій съ опасностью жизни, чѣмъ сонъ подъ периною: все равно — измѣняется міръ: смерть найдетъ насъ вездѣ.

Когда все вокругъ рушится, это вовсе не значитъ, что рушится міръ; представленья о мірѣ намъ надо расширить, для цыпленка вхожденіе въ міръ сопровождается трескомъ разбитаго купола неба; но этотъ куполъ — яичная скорлупа: въ „небѣ“ — много небесъ; паденіе неба вокругъ означаетъ, что новое небо восходитъ

3.

Красота—въ глубинѣ. глубина не раскроется въ мигъ, но — зрѣтъ въ вѣкахъ; угловатости творчества христіанской культуры вывѣтвляють изъ времени великолѣпіе башенъ романскаго стиля и полифонныя, оживальныя арки готическихъ храмовъ, гремятъ фугой Баха. И лебеди-храмы распластаны крыльями.

Глубина красоты въ мигъ рожденія ужасаетъ. Нарциссъ въ материнской утробѣ навѣрно ужасенъ пуристу; неужели ему не родиться поэтому? Неужели его умертвить до рожденія?

Надъ колыбелью великихъ младенцевъ стоитъ возмущеніе, страхи, обиды, хотя часъ рожденія предрѣшенъ; негодующіе принимаютъ его; почему же они негодуютъ?

Они не *узнали* младенца: еслибы онъ родился Нарциссомъ, — пожалуй; но... материнскіе крики и кровь... Фи! Ужасно!

Всѣ читали эклогу Виргилія о рожденіи дитяти. Всѣ ругали Распятаго.

Не узнали младенца эклоги Виргилія — въ Немъ.

4.

Величайшій младенецъ родился въ звѣриныя ясли: прекрасный, „культурный“, его ожидающій міръ — не далъ мѣста ему.

Величайшій младенецъ перекликается съ временемъ нашимъ: голоса величайшихъ сыновъ человечества (лебедей) возвѣщали его; мы ихъ гнали; потомъ украшали ихъ бюстами письменный столъ, провеличали грядущее, отдали въ переплетъ ихъ творенья, читали, что грома къ намъ крадутся „на голубиныхъ шагахъ“, что слѣпительна молнія (гдѣ?)...

Въ промежутокъ межъ громомъ и молніей написали по книгѣ „о молніи“...

Грянули громы (отъ молніи громъ отстаеть): міровая война, революція, грохоты великолѣпныхъ обломковъ, разруха, „трусъ“, „гладъ“, впереди — что еще?

Это все есть: „Покайтесь! Приблизилось Царствіе Божіе! Ясли ищите въ нихъ Кто-то лежитъ“.

5.

Утиное стадо испугано.

Если найдетъ оно ясли,—надъ ними поднимется гомонъ.

Утиное стадо читало о рухнувшихъ зданьяхъ, лавинахъ, пожарахъ, безуміи міра, грядущихъ, предпосланныхъ Радости, — сорокъ ужъ лѣтъ; читая, оно говорило себѣ: „Это — сказки: *какъ будто*“.

Оно въ громѣ бѣжитъ.

Всѣ грома — очистительны. — „Полноте“, отвѣчаютъ, „на улицѣ грязь“. Но развѣ въ грозахъ нѣтъ ливня?

Такъ гроза человѣчества, ураганъ, все метущій и зрѣвшій въ вѣкахъ — не вызываетъ въ насъ мысли, что нынѣ завѣсою ливней закрытъ мигъ рожденія... въ ясли: грядущей культуры; что маги прошли за звѣздой (сорокъ лѣтъ ужъ идутъ) и пастухи отвѣчаютъ на пѣсни вѣковъ славословіемъ, перемогающимъ милліоны убитыхъ, терзаемыхъ, поднимающихъ руки „горѣ“ —

— пастухи славословятъ Звѣзду.

6

— „Левъ пришелъ“, говоритъ Заратустра, „мои дѣти ужъ близко“. И тучею голуби окружаютъ его. Другой магъ идетъ въ горы: искать тамъ младенца.

Пастухи перекликнулись съ магами

Но жрецы храмовъ Митры (ученые, охранители „кельтовъ“ культуры), надѣвши очки, не понимаютъ: не видятъ сквозь муки рожденій — зари; были глухи они къ предупрежденіямъ грома и извѣщеніямъ о молніи: хохотали они.

Грянулъ громъ: убоялись они.

А пастухи слышатъ явственно. гласъ „хлада тонка“

7.

Слышитъ Клюевъ, народный поэтъ, что — заря, что огромное, громное солнце восходитъ надъ „бѣлою Индіей“

И страна моя, Бѣлая Индія,
Преисполнена тайнъ и чудесъ

И его не пугаетъ гроза, если ясли младенца — за громомъ. Дитя-
Солнце родится. И маги Европы, и гласъ пастуховъ перекликнулись:

Три огненныхъ дуба на пупѣ земномъ
Отъ нихъ мы три желудя Солнца возьмемъ
Лазоревымъ—облачный хворостъ спалимъ,
Павлиньимъ—грядущаго даль озаримъ,
А красное солнце—милльонами рукъ
Подыдемъ надъ Міромъ печали и мукъ.

8.

Цѣнности видѣній утонченѣйшихъ маговъ Европы — Монбланъ —
перевернуты чашей сердечной въ глубинахъ сознанья народа:

Пылающій китъ взбороздитъ океанъ
Звонарь преисподній ударитъ въ Монбланъ...
На каменный зыкъ отзовутся Міры
И Демоны выйдутъ изъ адской норы.

Уже они вышли: и жерла орудій рвутъ жизни.

Въ потиръ отольются металловъ пласты,
Чтобъ солнца вкусили народы-Христы.

Если русскій народъ — „богоносецъ“ то „богоносецъ“ не въ томъ
вовсе смыслѣ, что вынесетъ изъ души боготворенье: кумиръ; богоно-
сецъ онъ, если сердца его — ясли: а въ ясляхъ — Христось, соеди-
нитель народовъ

Пастухи вѣдь слышали первые: „Миръ на землѣ и человѣкамъ бла-
говолѣнье“ — и вѣсть пастуховъ пзъ народа передаетъ Клюевъ намъ:
да, Народы — Христы, если сердца станутъ въ нихъ, какъ ясли Хри-
стовы. Онъ — все просвѣщаетъ.

9.

Мы — рать солнценосцевъ, на пупѣ земномъ
Воздвигнемъ стобащенный, пламенный домъ:

Китай и Европа, и Сѣверъ и Югъ
Сойдутся въ чертогъ хороводомъ подругъ;
Чтобъ Бездну съ Зенитомъ въ одно сочетать
Имъ Богъ — воспріемникъ, Россія же — мать.

(Сердце Клюева соединяетъ пастушечью правду съ магической мудростью; Западъ съ Востокомъ; соединяетъ воистину воздыханія четырехъ сторонъ Свѣта. И если народный поэтъ говоритъ отъ лица ему вскрывшейся Правды Народной, то прекрасенъ Народъ, приподнявшій огромную правду о Солнцѣ надъ міромъ — въ часъ грома... Воскреснемъ: „Воистину“...

Андрей Бѣлый.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВЪ.

Пѣснь Солнценосца.

Три огненныхъ дуба на пупѣ земномъ,
Отъ нихъ мы три желудя-солнца возьмемъ:
Лазоревымъ — облачный хворостъ спалимъ,
Павлиньимъ — грядущаго даль озаримъ,
А красное солнце — мильонами рукъ
Подыдемъ надъ Мiромъ печали и мукъ.
Пылающій китъ взбороздитъ океанъ,
Звонарь преисподній ударитъ въ Монбланъ,
То колоколь нашъ — непомѣрный языкъ,
Изъ рѣкъ бичеву свилъ Архангеловъ ликъ.
На каменный зыкъ отзовутся Мiры,
И Демоны выйдутъ изъ адской норы,
Въ потиръ отольются металловъ пласты,
Чтобъ солнца вкусили народы-Христы.
О, Демоны-братья, отпейте и вы
Громовыхъ сердець, поцѣлуйной молвы!
Мы — рать солнценосцевъ, на пупѣ земномъ.
Воздвигнемъ стобашенный, пламенный домъ:
Китай и Европа, и Сѣверъ и Югъ
Сойдутся въ чертогъ хороводомъ подругъ,
Чтобъ Бездну съ Зенитомъ въ одно сочетать
Имъ Богъ — воспріемникъ, Россія-же — мать.

Изъ пуна вселенной три дуба растутъ:
Премудрость, Любовь и волхвующій Трудъ...
О, молотъ-вѣдунъ, чудотворецъ-верстакъ,
Вамъ ладанъ стиха, въ сердцѣ сорванный макъ:
Въ вашъ яростный умъ, въ многострунный языкъ,
Я пчелкою-рифмой, какъ въ улей проникъ,
Дышу восковиной, медыню цвѣтовъ.
Сжигающихъ Индій и Волжскихъ луговъ!..

Верстакъ — Назареть, наковальня — Немвродъ,
Ихъ слилъ въ пѣснозвучье родимый народъ:
„Вставай подымайся“ и „зелень мой садъ“ —
Въ кровавомъ окопѣ и въ полѣ звучать...
„Вставай, подымайся“ — старуха поетъ,
Въ потемкахъ телѣга и петли воротъ;
За ставней береза и вѣтеръ въ трубѣ
Гадаютъ о вѣщей народной судьбѣ...

Три желудя-солнца достались намъ —
Засѣвный подарокъ взалкавшимъ полямъ:
Свобода и Равенство, Братства вѣнецъ —
Живительный выгонъ для ярыхъ сердецъ;
Тучнѣйте отары голодныхъ умовъ,
Прозрѣнй телицы и кони стиховъ!
Въ лѣсахъ дикихъ гривъ, звѣздныхъ рунъ и вымянь
Крылатые боги раскинуть свой станъ,
По струннымъ лугамъ потечетъ молоко,
И пѣвчей калиткою стукнетъ Садко:
„Пустите Баяна — Рублѣвскую Русь,
Я Тайной умоюсь, а Пѣсней утрусъ,
Почестному пиру отвѣшу поклонъ,
Румянѣе яблонь и краше иконъ:

„Здравствуешь Волюшка-мать,
Божьей Земли благодать,
Бѣлая Меря, Сибирь,
Ладоги хлябкая ширь!

Здравствуйте Волховъ-гусларь,
Степи Великихъ Бухарь,
Синій Моздокскій туманъ,
Волга и Стенькинъ курганъ!

Чай стосковались по мнѣ,
Красной, поддонной веснѣ,
Думали — злой водяникъ
Выщербилъ пѣсенный ликъ?

Я-же — въ избѣ и въ хлѣву
Ткаль золотую молву;
Сиринъ мнѣ вѣсти носилъ
Съ плахъ и безкрестныхъ могилъ.

Рушайте-жь лебедь-судьбу,
Въ звонъ осластите губу,
Кіева сполохъ-уста
Пусть возсіяютъ, гдѣ Мста.

Чмокъ городовъ и племень
Въ ликѣ моемъ воплощень,
Я — пѣсноводный женихъ,
Русскій, яровчатый стихъ!“

— — —
* * *

Двѣнадцать мѣсяцевъ въ году,
Посланецъ бурь — Февраль:
Онъ полуночную звѣзду
Перековалъ на сталь.

И сталь поетъ ясна, остра.
Какъ половодный ледъ.
Не самоцвѣтовъ ли гора
Изъ сумрака встаетъ?

То огнепальное чело,
Очей грозовой пылъ
Того, кто адское жерло
Слезюю угасилъ,

Чей крестный потъ и сѣрыи кусъ
Лучистѣй купины.
Онъ — воскресенный Іисусъ
Народъ родной страны.

Трепещетъ адъ гвоздиныхъ ранъ,
Терноваго чела...
Въ глухой степи, гдѣ синь-туманъ,
Пылають купола.

То кровью выкупленный край,
Земли и Воли градъ.
Многоплеменный каравай
Подѣлять съ братомъ брагъ.

Литва — съ кряжистымъ Пермьякомъ,
Съ Карелою — Туркменъ;
Не сломать штыкъ, чугунный громъ,
Ржаного Града стѣнь,

Не осквернять палящій ликъ
Свободы золотой...
Красноголосый вѣчевикъ —
Ликуй, народъ родной!

Алмазный плугъ подыметъ ярь
Волхвующихъ бороздъ.
Овинъ — пшеничный государь
Въ вѣнцѣ изъ хлѣбныхъ звѣздъ.

Его сермяжный манифестъ —
Предвѣчности строка...
Кто палъ, неся кровавый крестъ,
Земля тому легка.

Тому овинная свѣча,
Какъ Спасу, зажжена...
Моря мірскаго калача
Безъ берега и дна.

Въ нихъ погибають корабли:
Неволя, Лихо, сглазъ, —
То Царь Морской — Душа Земли
Свершаетъ брачный плясъ.

Николай Клюевъ.

СЕРГѢЙ ЕСЕНИНЪ.

СТИХОСЛОВЪ.

*Помяни меня каплями дожде-
выми, яко стрѣлами пронизаема.*

Даніиль Заточникъ.

Товарищъ.

Онъ былъ сыномъ простаго рабочаго,
И повѣсть о немъ очень короткая.
Только и было въ немъ, что волосы, какъ ночь,
Да глаза голубые, кроткіе.

Отецъ его съ утра до вечера
Гнулъ спину, чтобъ прокормить крошку;
Но ему дѣлать было нечего,
И были у него товарищи: Христось да кошка.

Кошка была старая, глухая,
Ни мышей, ни мухъ не слышала,
А Христось сидѣлъ на рукахъ у Матери
И смотрѣлъ съ иконы на голубей подъ крышею.

Жилъ Мартинъ, и никто о немъ не вѣдалъ.
Грустно стучали дни, словно дождь по желѣзу.
И только иногда за скуднымъ обѣдомъ
Училъ его отецъ распѣвать марсельезу.

„Выростешь,—говорилъ онъ,—поймешь...
Разгадаешь, отчего мы такъ нищи.“
И глухо дрожалъ его щербатый ножъ
Надъ черствою горбушкой насущной пищи.

Но вотъ, подъ тесовымъ
Окномъ—
Два вѣтра взмахнули
Крыломъ;
То съ вешнею полымью
Водъ
Взметнулся Россійскій
Народъ...

Ревутъ валы.
Поетъ гроза!
Изъ синей мглы
Горятъ глаза.

За взмахомъ взмахъ,
Надъ трупомъ трупъ;
Ломаетъ страхъ
Свой крѣпкій зубъ.

Все взлетъ и взлетъ,
Все крикъ и крикъ!
Въ бездонный ротъ
Бѣжитъ родникъ...

И вотъ кому-то пробилъ
Послѣдній, грустный часъ...
Но вѣрите, онъ не сробѣлъ
Предъ силой вражьихъ глазъ!

Душа его, какъ прежде,
Безстрашна и крѣпка,
И тянется къ надеждѣ
Безкровная рука.

Онъ не задаромъ прожилъ,
Недаромъ мять цвѣты;
Но не на васъ похожи
Угасшія мечты...

Нечаянно, негаданно съ родимаго крыльца
Донесся до Мартина послѣдній крикъ отца.

Съ погасшими глазами, съ пугливой синью губъ
Упалъ онъ на колѣни, обнявъ холодный трупъ.

Но вотъ приподнялъ брови, протеръ рукой глаза.
Вбѣжалъ обратно въ хату и сталъ подъ образа.

„Исусъ, Исусъ, ты слышишь? Ты видишь? Я одинъ!
Тебя зоветь и кличетъ товарищъ твой, Мартинъ...”

Отецъ лежитъ убитый, но онъ не палъ какъ трусъ!
Я слышу, онъ зоветь насъ, о вѣрный мой Исусъ!

Зоветь онъ насъ на помощь, гдѣ бьется русскій людъ,
Велитъ стоять за волю, за равенство, за трудъ!”

И ласково пріемля
Рѣчей невинныхъ звукъ,
Сошелъ Исусъ на землю
Съ непоколебимыхъ рукъ.

Идутъ рука съ рукою,
А ночь черна, черна!..
И пыжится бѣдою
Сѣдая тишина.

Мечты цвѣтутъ чадеждою
Про вѣчный, вольный рокъ.
Обоимъ нѣжить вѣжды
Февральскій вѣтерокъ.

Но вдругъ... огни сверкнули...
Залаялъ мѣдный грузъ...
И палъ, сраженный пулей,
Младенецъ Исусъ.

Слушайте:
Больше нѣтъ воскресенья!
Тѣло его предали погребенью:
Онъ лежитъ
На Марсовомъ
Полѣ.

А тамъ, гдѣ осталась Мать,
Гдѣ Ему не бывать
Болѣ,
Сидитъ у окошка
Старая кошка,
Ловить лапой луну...

Ползаетъ Мартинъ по полу:
„Соколы вы мои, соколы,
Въ плѣну вы,
Въ плѣну!“
Голосъ его все глуше, глуше,
Кто-то давить его, кто-то душить,
Палить огнемъ.

Но спокойно звенить
За окномъ,
То погаснувъ, то вспыхнувъ
Снова,
Желѣзное
Слово:
„Рре-ес-пуу-ублика!“

1917 г.
Мартъ.

Усѣ.

Не бѣлы снѣга по-надъ Дономъ
Заметали степь синимъ звономъ,
Подъ крутой горой, чтоль подъ тыномъ,
Разставалась мать съ вѣрнымъ сыномъ.

— Ты прощай, мой сынъ, прощай чадо,
Знать пришла пора, ѣхать надо!
Захирѣлъ нашъ долъ по-надъ Дономъ,
Подъ пятой Москвы, подъ полономъ!

То не водный звонъ за путиной —
Бьетъ копытомъ конь надъ осиною.
Подъ краснѣву дремь, подъ сугредокъ
Отвѣчалъ ей сынъ напоследокъ:

— Ты не стой, не плачь на дорогу —
Зажигай свѣчу, молись Богу.
Соберу я Донъ, вскручу вихорь,
Полоню царя, сниму лихо!

Не рѣка въ бугоръ била пѣной —
Вынималъ онъ ножъ съ подколѣна,
Отрѣзалъ съ губы усъ чернявый,
Говорилъ слова надъ дубравой:

— Ужъ ты мать моя, голубица.
Сбереги ты усъ на божницѣ;
Окропи его краснымъ звономъ,
Положи его подъ икону.

Чикаль-ухаль онъ подъ туманомъ,
Подымалась пыль за курганомъ.
А она въ отвѣтъ, какъ не рада:
— Ужъ ты сынъ ли мой, мое чадо!

* * *

На крутой горѣ подъ Калугой
Повѣнчался Усъ съ синей вьюгой.

Лежить онъ на снѣгу подъ елью,
Съ веселá-разгула, съ похмелья.

Передъ нимъ все знать, да бояры,
Въ рукахъ золотыя чары.

— Не гнушайся ты Усъ, ни злобуй,
Подымись, хоть пригубь, попробуй.

— Нацѣдили мы винъ красносокыхъ
Изъ грудей изъ твоихъ высокихъ.

— Какъ пьяна съ нихъ твоя супруга,
Бѣлокосая дѣвица вьюга.

Молчить Усъ, не кинетъ взгляда.
Ничего ему отъ земли не надо.

О другой онъ землѣ гадаетъ
О другихъ небесахъ вздыхаетъ.

* .. *

Заждалася сына дряхлая вдовица,
День и ночь горюя, сидя подъ божницей.
Вотъ прошло, проплыло ужъ второе лѣто,
Снова снѣгъ на полѣ, а его все нѣту.

Подошла, взглянула въ мутное окошко.

— „Не одна ты въ полѣ катишься дорожка!“

Свищетъ соколь-вѣтеръ, бредитъ тихимъ Дономъ.

— Хорошо-бъ прижаться къ золотымъ иконамъ...

Сѣла и прижалась, смотритъ кротко, кротко...

— На кого-жь похожъ ты, свѣтлоглазый отрокъ?

„А!“ — сверкнули слезы надъ увядшимъ усомъ,—

— Это ты, о сынъ мой, смотришь Исусомъ!

Радостью свѣтитъ она изъ угла.

Пѣсню запѣла и гребень взяла.

Ликъ ея старческой ласковъ и строгъ.

Встанетъ, присядетъ за печь, на порогъ.

Вечеръ морозный, какъ волкъ, темнобуръ.

Кличетъ цыплятъ и нахохленныхъ куръ.

— Цыпушки-цыны, свѣтъ пѣтушокъ!..

Крѣпокъ въ рукѣ роговой гребешокъ.

Стала, уставилась лбомъ въ темноту,

Чешетъ волосья младенцу Христу.

1914 г.

Пѣвущій зовъ.

Радуйтесь!
Земля предстала
Новой купели!
Догорѣли
Синія мятели,
И змѣя потеряла
Жало.

О, Родина,
Мое Русское поле,
И вы, сыновья ея,
Остановившіе
На частоколѣ
Луну и солнце, —
Хвалите Бога!

Въ мужичьихъ ясляхъ
Родилось пламя
Къ миру всего міра!
Новый Назаретъ
Передъ вами.
Уже славятъ пастыри
Его утро.
Свѣтъ за горами...

Сгинь, ты, англійское юдо,
Расплещися по морямъ!
Наше сѣверное чудо
Не постичь твоимъ сынамъ!

Не познать тебѣ Фавора,
Не услышать тайный зовъ!
Отуманеннаго взора
На устахъ твоихъ покровъ.

Все упрямѣй, все напраснѣи
Ловить ротъ твой темноту.
Нѣтъ, не дашь ты правды въ ясляхъ
Твоему сказать Христу!

Но знайте,
Спящие глубоко:
Она загорѣлась,
Звѣзда Востока!
Не погасить ее Ироду
Кровью младенцевъ...

„Пляши Саломея, пляши!“
Твой ноги легки и крылаты.
Цѣлуй ты уста безъ души,—
Но близокъ твой часъ расплаты!
Уже всталъ Іоаннъ,
Изможденный отъ ранъ,
Поднялъ съ земли
Отрубленную голову,
И снова гремятъ
Его уста,
Снова грозятъ
Содому.
— Опомнитесь!

Люди, братья мои люди,
Гдѣ вы? Отзовитесь!
Ты не нуженъ мнѣ, безстрашны,
Кровожадный витязь.

Не хочу твоей побѣды,
Дани мнѣ не надо!
Всѣ мы—яблони и вишни
Голубого сада.

Всѣ мы—гроздья винограда
Золотого лѣта.
До кончины всѣмъ намъ хватитъ
И тепла, и свѣта!

Кто-то мудрый, несказанный,
Все себѣ подобя,
Всѣхъ живущихъ грѣетъ пѣсней,
Мертвыхъ—сномъ во гробѣ.

Кто-то учить насъ и просить
Постигать и мѣрить.
Не губить пришли мы въ мѣръ,
А любить и вѣрить!

1917.
Апрѣль.

Отчарь.

1.

Тучи—какъ озера,
Мѣсяцъ—рыжій гусь.
Пляшетъ передъ взоромъ
Буйственная Русь.

Дрогнулъ лѣсъ зеленый,
Закипѣлъ родникъ.
Здравствуй, обновленный
Отчарь мой, мужикъ!

Голубья воды—
Твой покой и свѣтъ,
Гибельной свободы
Въ этомъ мѣрѣ нѣтъ.

Пой, зови и требуй
Скрытые брега;
Не сорвется съ неба
Звѣздная дуга!

Не обронить вечеръ
Краснаго ведра;
Могутныя плечи—
Что гранить гора.

Подъ облачнымъ древомъ
 Привыкъ ты къ громамъ;
 Синѣютъ напѣвы
 По звѣзднымъ горамъ.

Небесныя дщери
 Куделятъ кремникъ;
 Училъ тебя вѣрѣ
 Сѣдой огневикъ.

Онъ далъ тебѣ пику,
 Грозовый ятагъ,
 И силой Аники
 Отмѣтилъ твой шагъ.

Заря, какъ волчиха,
 Съ оскабленнымъ ртомъ;
 Но гонишь ты лихо
 Двуперстнымъ крестомъ.

Протянешь ли руку,
 Иль склонишь ты ликъ,
 Кладешь ей краюху
 На желтый языкъ.

И чуется звѣрю
 Подъ радугой словъ:
 Алмазныя двери
 И звѣздный покровъ.

О чудотворецъ!
 Широкоскулый и красноротый,
 Пріавшій въ корузлыя руки
 Младенца нѣжнаго,—
 Укачай мою душу
 На пальцахъ ногъ своихъ!

Я сынъ твой,
 Выросшій какъ ветла,
 При дорогѣ,
 Научился смотрѣть въ тебя,

Какъ въ озеро.
Ты несказаненъ и мудръ.

По сѣдинамъ твоимъ
Узнаю, что былъ снѣгъ
На поляхъ
И поёмахъ.
По глазамъ голубымъ
Слаблю
Красное
Лѣто.

4.

Ахъ, сегодня весна,—
Ты взыгралъ какъ потокъ!
Гладить волны челнокъ
И поетъ тишина.

Слышенъ Волховскій звонъ,
И Буслаевъ разгуль,
Закружились подъ гуль
Волга, Каспій и Донъ.

Синегубый Уралъ
Выставляетъ клыки,
Но кадятъ Соловки
Въ его синій оскаль.

Всѣхъ зовешь ты на пиръ,
Тепля кличь, какъ свѣчу,
Прижимаешь къ плечу
Нецѣлованный мѣръ.

Святъ и миренъ твой даръ,
Синь и пѣсня въ рѣчахъ,
И горитъ на плечахъ
Необъемлемый шаръ!..

Закинь его въ небо,
 Поставь на столпы!
 Тамъ звѣзднаго хлѣба
 Златятся снопы.

Тамъ голодъ и жажда
 Въ корняхъ не поютъ,
 Но зрѣетъ однаждыный
 Свѣтъ ангельскихъ юртъ.

Тамъ съ вызвономъ блюда.
 Прохлада куста,
 И рыжій Іуда
 Цѣлуетъ Христа.

Но звонъ поцѣлуя
 Деньгой не гремитъ,
 И цѣпь Акатуя
 Тропа передъ скитъ.

Тамъ дряхлое время,
 Бродя по лугамъ,
 Все русское племя
 Сзываетъ къ столамъ.

И слава отвагу
 И гордый твой духъ,
 Сыченою брагой
 Обносятъ ихъ кругъ.

Сергей Есенинъ.

1917.
 Юнь.

ПЕТРЪ ОРЪШИНЪ.

Дулейка.

Въ камышахъ шишикаетъ шишига:
— Не купайся, сгинешь за копейку!
Даль шишигѣ хлѣба я ковригу,
А шишига мнѣ дала дулейку.

На дулейкѣ только заиграю,
Всѣ поля, вздохнувъ, заколосятся;
Потемнѣетъ нива золотая,
Зашуршитъ — и сны ей тутъ приснятся.

Позабудутъ странники убоги
Долгій путь къ Угоднику Николѣ,
Соберутся, сядутъ при дорогѣ
Во широкомъ златозвонномъ полѣ.

Я возьму чудесную дулейку,
Заиграю звонкимъ переливомъ...
— „Ой, ходила туча-лиходѣйка
По роднымъ невыхоженнымъ нивамъ.

— Ой, гуляли буйныя ватаги,
Русь ковали въ тяжкія оковы...
— Ой, гуляли хмельные отъ браги
По полямъ опричники цареvy.

— „Ой, томились пойманныя птахи
По родному, радостному краю...
Отрубали голову на плахѣ
Всенародно парню-краснобаю.

— Ой, взгляните, люди, за покосы:
Не столбы-ли висѣлицы видно?..
Ой, не волкъ-ли пьетъ Господни росы,
Не сѣдой-ли плачется ехидно?“

Зашумѣло вырѣвшее просо,
Распахнула зорюшка шубейку.
Положивши голову на посохъ,
Хвалятъ слезно странники дулейку.

Въ камышахъ шишикаетъ шишига:
— Не купайся, сгинешь за копейку!
Далъ шишигѣ хлѣба я ковригу,
А шишига мнѣ за то — дулейку.

Дѣдъ-Краснобай.

Въ старой избѣ по бревнамъ пѣшкомъ тараканы ходятъ,
Рыжая насѣдка подѣ столомъ безпрестанно клохчетъ.
Въ темной божницѣ малая лампадка на исходѣ—
Къ вечеру свой огонекъ румяный погасить хочетъ.

Старая печь подѣ сажени думаетъ красную думу.
Скоро-ли хозяйка пироги съ грибами печь станетъ?
Тошій мурлыка мудро застѣнному внемлетъ шуму,
Нечего стало украсть мурлыкѣ въ темномъ чуланѣ.

Два хомута облѣзлыхъ на длинномъ гвоздѣ повисли.
Слушаютъ хмуро, какъ на дворѣ пѣтухи горланятъ.
Дѣдъ на полатахъ, какъ молитвы, собираетъ мысли,
Стараго дѣда, знайте, одна только смерть обманетъ.

Въ малую дверь-потемки сходятся сваты и свахи.
Дѣдъ имянинникъ нынѣ, никто не уйдетъ безъ чая.
Мимо окошекъ въ зарѣ красныя носятся птицы,
Гдѣ-то гармонь съ колокольчикомъ реветъ, какъ шальная.

Осень глядитъ пустымъ въ запотѣлыя окна глазомъ,
Чинно сидятъ сытые гости вокругъ самовара.
Пахнетъ зажаренной уткой, потомъ и дегтемъ—разомъ.
Густо валить розовый паръ съ мясного развара.

День погуляютъ всласть, а завтра и зубы на полку.
А завтра голодъ будетъ пучить ледащее брюхо.
Знаю: въ темномъ лѣсу краше сѣролапому волку—
Волку въ лѣсу всегда приготовлена Божья краюха.

Дѣдъ-краснобай древнихъ, замятныхъ держится правилъ.
Дѣдъ за столомъ сидитъ въ бѣлыхъ, какъ облака, волосьяхъ.
Много въ поляхъ на пашнѣ дѣдушка силы оставилъ,
Въ шумныхъ и темногривыхъ, какъ стадо коней, колосьяхъ.

Дружно гуторятъ красные бородатые гости:
Матка-земля, бають, вся отойдетъ въ руки народа...
Разопрѣли отъ чая старыя дѣдовы кости,—
Слушайте: много изъ жизни знаетъ бѣлобородый.

Зори надъ хатами вяжутъ широченныя сѣти,
Иконостасомъ встали небесъ изваянныя стѣны.
Сытымъ гостямъ за столомъ въ золотомъ полусвѣтѣ
Два часа битыхъ дѣдъ побаску гуторилъ безъ смѣны.

..

..Цѣлуйте цвѣтъ земли, какъ крестъ въ зажженномъ храмѣ,
Молитесь на лѣса съ заливами озеръ,
И помните, молясь,—Христосъ слѣдитъ за нами
Съ косматыхъ облаковъ, съ высокихъ Синихъ горъ.

Тяжелые сосцы земли обѣтованной
Готовы напоить сиротъ и бѣдныхъ вдовъ.
Молитесь на поля, на рѣки-океаны,
На медленный полетъ бѣлесыхъ облаковъ.

Свѣтла степная ширь за Волгой и за Дономъ.
Кадятъ сѣдую мглу сибирскіе лѣса;
Въ безвѣстныхъ хуторахъ заздравнымъ перезвономъ
Звенить желѣзная крестьянская коса.

Не взрыть и не вскопать сѣдую землю плугомъ,
Ковшомъ не выхлебать весь хмѣль озерныхъ минъ...
И все-жъ изъ-за земли бранимся мы другъ съ другомъ,
На мать и на отца съ ножомъ выходить сынъ.

Кошунственно горятъ расплавленныя свѣчи
Подъ теменью сосны, надъ ветхостью могилъ.
Не звѣзды падаютъ—но злыя стрѣлы мечетъ
Изъ зорь заржавленныхъ Архангелъ Михаилъ.

Надъ Волгой черезъ тѣсь не Разина-ли руки
Изъ ада тянутся—въ запекшейся крови?
Осмыслится-ли грѣхъ въ туманный часъ доуки,
Христовы слова: „прости“ и „не гнѣви“?

За Волгу черезъ синь не руки-ль Пугачева
Закинуты съ мольбой въ заоблачную даль?
Въ нескошенныхъ поляхъ, какъ зарево, багрова
Темнѣющей земли Великая Печаль.

Не черепъ ли царя пустымъ, какъ яма, окомъ
Сквозь толщу мать-земли глядитъ за облака?
Молитесь на зарю въ безбрежїи широкомъ.
Въ покосную страду—на образъ мужика.

Иамученную Русь покрыли зори-стяги,
Изрубренъ на щепы въ деревнѣ казематъ.
Не пахарь-ли стоитъ въ заплатанной сермягѣ
Съ измызганнымъ хребтомъ у свѣтлыхъ Божьихъ Вратъ?

Застольные пиры мы смѣнимъ на вериги,
Ненужные мечи—на выкованный плугъ;
Откроются и намъ заоблачныя книги,
Въ засѣянныхъ поляхъ—пророчество лачугъ.

Цѣлуйте каждыи комъ земли нераспыленной,
Молитесь въ облака и ржавый черноземъ...
Подъ мѣсяцемъ сѣдымъ въ молитвѣ тихозвонной
Двужильную соху всемірно воспоемъ!“

Старому дѣду нынѣ удалась ловко побаска,
Тихо вздыхали за самоваромъ добрые гости,
Въ старой избѣ отъ дыма махорки мутно и вязко,
Только лампадка въ углу тлѣючи, пощадушки проситъ.

Гдѣ то теленокъ протяжнымъ надрывается мыкомъ,
Въ зоряхъ гармоника старая, звонкая тонетъ;
Мудрый Пикола въ божницѣ съ затуманеннымъ ликомъ
Думу мужицкую думаетъ въ убогой иконѣ

Душу омылъ дѣдъ, какъ росой, теплымъ праведнымъ словомъ,
Матка-изба съ сѣрой паклей въ пазахъ чудилась раемъ...
Крыта изба золотымъ, нерукотворнымъ покровомъ,
Огненный стягъ надъ избой—нетлѣнень и негораемъ

Пахотный гомонъ въ полѣ окрыляетъ скорбную душу,
Тяжкое бремя возносить въ лучезарное небо;
Мощь хлѣбороба цѣпи несокрушимыя рушить,
Радуетъ душу поле звономъ косматаго хлѣба.

Яростный плугъ спину могучую благостно горбитъ,
Съ именемъ Господа подъ плугомъ терпѣть не больно,
Свѣтомъ заоблачнымъ свѣтятся бездонныя скорби,
Въ древнихъ лѣсахъ-дебряхъ туманится звонъ колокольный

Вѣскимъ зерномъ на просторѣ наливаются злаки,
Въ нѣдрахъ земныхъ новыя копятся людямъ богатства.
Мысли народа—подъ солнцемъ кровоглазыя маки,
Думы народа на волѣ—Вѣковѣчное Братство,

Въ свѣтлыя дали уходятъ—идутъ странники-гости,
Пряча въ суму свою мягкаго хлѣба ковриги.
Дѣдъ-краснобай пятый годъ въ гробу лежитъ—на погостѣ,
Мудрымъ умомъ по звѣздамъ читаетъ небесныя книги.

II Орѣшникъ.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

В о й н а.

Разорвалось затишье грозное.
Взлетаетъ въ высь громовый вопль племень.
Закручено все близкое, родное,
Какъ столбъ песковъ, въ дали иныхъ временъ.

А я?.. А я?.. Былое—безъ отвѣта..
Но гдѣ оно? И нѣтъ его... Ужель?..
Невыразимья, зовутъ иныхъ земель
Тамъ волны набѣгающаго свѣта.

Родинѣ.

Рыдай, буревая стихія,
Въ столбахъ громового огня!
Россія, Россія, Россія—
Безумствуй, сжигая меня!

Въ твои роковыя разрухи,
Въ глухія твои глубины,—
Струять крылорукіе духи
Свои свѣтозарные сны.

Не плачьте: склоните колѣни
Туда—въ ураганы огней,
Въ грома серафическихъ пѣній
Въ потоки космическихъ дней!

Сухія пустыни позора,
Моря неизливныя слезъ—
Лучомъ безглагольнаго взора
Согрѣетъ сошедшій Христосъ

Пусть въ небѣ—и кольца Сатурна.
И млечныхъ путей серебро,—
Кипи фосфорически бурно
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихія,
Безумствуй, сжигая меня,
Россія, Россія, Россія—
Мессія грядущаго дня!

Андрей Бѣлый

АНДРЕЙ БЪЛЫЙ.

КОТИКЪ ЛЕТАЕВЪ

(Первая часть романа „Моя жизнь“).

Окончаніе.

*Начало романа —
въ первомъ сборникѣ Сказки.*

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ренессансъ.

Ему и больно, и смѣшно,
А мать грозить ему въ окно

А Пушкино

Изъ кроватки

По утрамъ изъ кроватки смотрю. на букетцы обой
Я умѣю скашивать глазки (смотрѣть себѣ въ носикъ). и стѣны
бывало, снимаются — прилипаютъ мнѣ къ носику; пальчикомъ протыкаю
ихъ: легко и воздушно сквозь стѣны проходить мой пальчикъ; туда
бы просунуть головку: стѣна непроглядна.

Моргну: —

— перелетаютъ всѣ стѣны на мѣсто; и тамъ онѣ — тверды. Дѣй-
ствительность, обстающая мнѣ меня, — такова: отвердѣваетъ она; изош-
ряюся въ опытахъ: передвигаю дѣйствительность; пятилѣтіе обстааетъ
меня опытомъ; мнѣ въ трехлѣтіи опытовъ не было; были строгіе строи.
Я — художникъ дѣйствительности: въ трехлѣтіи я художникъ „тре-
чен то“: копирую строи; четырехлѣтіе — „кватроченто“; и новые опыты
жизни встаютъ и вопросъ перспективы (смѣшеніе зрѣнья) мнѣ
живъ; вспоминаю картины за нами стоящей вселенной; все кто-то
тамъ меня ждетъ; все оттуда моргаетъ: синѣющимъ окомъ —

изъ

желтолиловаго центра: подъ вѣками.

„Онъ“ — придетъ и возьметъ: уведетъ; времена на исходѣ.

Я каждое утро жду встрѣчи. Въ окнѣ: —

— снѣгометы бѣло и неяро
летятъ переносными стаями: легколистая снѣгопись серебрѣтъ на
окнахъ.

Тысячелѣтія древняго міра у меня за спиной.

И — подкрадутся: тысячелѣтія древняго міра — въ тихій часъ, за спиной; какъ хотѣлось бы мнѣ обернуться — подсматривать: тысячелѣтія древняго міра; у меня за спиной — все, бывало, дрожитъ; и, какъ будто, грохочетъ: провалъ въ иной міръ; и міры меня ждутъ, — у меня за спиной: тысячелѣтія древняго міра подкрались —

— повертываюсь

— вмѣсто пролома

въ стѣнѣ — этажерочка (та же!) стоитъ себѣ, и на ней — строй солдатъ оловянные гранадеры мои серебрятся мнѣ лицами... васильковыя стѣны — за ними —

— тысячелѣтія древ-

няго міра гремятъ за стѣпой: всѣ предметы смѣщаются; и — удивляюся я, что я — „Я“: все вывернуто наизнанку; и — я смѣстился съ себя; все развилось преждевременно. развилось — ненормально... —

— и ненормально я развить...

Пятилѣтній, я зналъ уже. —

— земля — шаръ; громъ — скопленіе электричества, американецъ гуляетъ подъ нами; и — кверху ногами... —

— Мамочка, бывало, цѣлуется; вдругъ заплачетъ она; и — откинетъ меня:

— „Онъ не въ меня. онъ — въ отца“..

Начинается про меня разговоръ; и — разгорается споръ. говорятъ о летаевскихъ — лбахъ, носахъ, подбородкахъ, раскосо поставленныхъ глазкахъ; мнѣ позоръ: у меня — летаевскій лобъ, —

— всѣ Летаевы свѣтло-

нравные, благородные люди. —

— позоръ: у меня раскосо по-

ставлены глазки

Плачу я подъ окномъ — въ горизонтъ, а горизонтъ — ясновзоренъ. на стеклѣ, вотъ на той сторонѣ, поуспѣлися точки алмазиковъ: а вотъ на этой — плаксиво расплющился носикъ (развѣ я виноватъ?); за алмазиками краснорѣчиво перелетаютъ снѣжинки; и — каждая — множится: вертитъ, чертитъ спирали; и — новый алмазикъ у самага носика развѣ я виноватъ, что —

— умѣю показывать я цѣпкохвостую обезьяну въ зоологическомъ атласѣ: и — двутробку съ львнивцемъ?

Развѣ я виноватъ, что я слышу отъ папы

— „Дифференціалъ, интегралъ?“

Изъ снѣжинокъ мнѣ розовѣетъ ужь домъ Старикова, саночки — прочеслись; и знакомой фигуркой стоитъ — городской Горловасовъ

Развѣ я виноватъ, что я — знаю —

— папа мой въ перепискѣ съ Дарбу;

Пуанкаре его любитъ, а Вейерштрассе не очень; Идеаловъ былъ въ Лейпцигѣ съ.. эллиптической функцией; очень ею доволенъ, живетъ съ ней и ходитъ: о ней разговаривать.

Удивляется ясноглазое небо (днемъ оно — ясноглазо), оно — строитъ мнѣ тучи: и — образуются строи, образование — мѣняетъ мнѣ все..

Знаю я —

— придетъ Притатаенко: Притатаенко-Головаецко, — круглоусый, курносый, маловласый, обглоданный; придетъ Василисимовъ благодарить насъ за что-то, и — пальцами повергѣтъ на животикѣ; мамочка зазѣваетъ, они — уморивши ей мухъ, остужаютъ намъ воду..

Папа мамѣ на это.

— „Оставь!“

— „Василисимовъ, знаешь ли, умница.. Василисимовъ, знаешь ли, онъ — написалъ диссертацию: о сходимости несходимыхъ рядовъ“...

— „А что онъ скучноватъ, такъ вѣдь онъ и не Блещенскій: это Блещенскій срораетъ отъ пьянства. Василисимовъ — вычисляетъ“...

И — ужь крадутся — у меня за спиной, изъ пролома въ стѣнѣ (меня ждуть!); и повертываюсь — головастый Брабаго съ великолѣпнымъ Нелѣповымъ склепнымъ голосомъ спорить п... ковыряетъ въ носу; папа съ ними уже интегрируетъ; и — попли: конгруэнты. —

— все смѣстилося, все — пошло наизнанку: преждевременно развилось, и — ненормально ужасно; громыхаютъ булыжники словъ: а — Брабаго сидитъ, а — Брабаго молчитъ: это-то и есть — математика, папа мой — математикъ.

— „Онъ не въ меня: онъ — въ отца“!

Это кажется мнѣ ненормальнымъ: и — странный миръ поднимается во мнѣ — изъ меня набѣгаетъ во мнѣ — на меня самого. —

— Какъ же такъ?

Кто тутъ „Я“? Я — не я: я — не Котикъ Легаевъ! —

— это - то

зотъ и есть преждевременно развиваемый математикъ: второй математикъ..

Гуще снѣжныя хлопья: и — гуще. повалили, посыпали. настояще, кипящие бѣлояры, ничего не видно за стеклами, а уже — рѣдѣетъ,

рѣдѣегъ, и — чистого; оборвались всѣ снѣга; пооткрывались надъ улицей синія шири; пооткрывались за крышами свѣтлокрылые блески; въ синей шири проносятся облака-бѣлоцвѣты; и уходятъ въ стеклянной прозрачности красноперыми гребнями.

Тамъ — возженіе блесковъ; тамъ — блески надъ блесками; я — ничего не пойму: —

— и утекаю на кухню: къ Дуняшѣ; она — молодая, красивая жарко она принимается: обнимать, цѣловать — въ лобикъ. въ глаза и въ губки, мнѣ стыдно.

Развѣ я виноватъ, что мнѣ весело въ кухнѣ? Городовой Горловасовъ былъ у насъ недавно на кухнѣ, въ тулупѣ; и съ — двусмысленной рожицей на носу, онъ продѣлалъ намъ безтолочь: полъ толочъ сапогами толоки раздавались мнѣ послѣ: полъ толочъ Горловасовъ: —

— расторгнулся онъ красными кумачами: паяцы его покупатели: —

— вонъ - вонъ - вонъ: —

— онъ, онъ, онъ! —

— городской Горловасовъ поставиваетъ тамъ знакомой фигуркою: изъ башлыка торчитъ его носъ — на перекресткѣ Арбата.

.

„Молодой человекъ“.

Утро: девять часовъ: а не то — половина десятого, самосыпную искрой трещитъ самоваръ.

Я — и папа.

Онъ ѣдетъ на лекціи.

Лекціи — линія листиковъ, и по линіямъ листиковъ — лекцій — летаетъ взглядъ папы; папа водить по нимъ большимъ пальцемъ; защелкавъ крахмаломъ сорочки, свирѣпо онъ рывкаетъ:

— „Аа .. Такъ-съ!“

— „Такъ-съ“...

Это — и к с и к и, и г р е к и, з е т п и, т а к с и к и; таъниковъ я встречалъ на бульварѣ.

Думалъ я: —

— изъ лекционныхъ тетрадоочей „и к с и к и“ пророслаютъ росткомъ: зеленѣющимъ, лепечущимъ листикомъ — изъ набухающей почки; деревянѣютъ жердями; и горчатъ себѣ послѣ... оставленнымъ молодымъ человекомъ при Университетѣ

для папы —

— папа сѣветъ ихъ сѣточкой, при помощи карандашка, на бумагѣ; и — согрѣваетъ дыханіемъ; сѣточка начинаетъ расти, зеленѣть. . —

— и выгоняется „молодой человекъ“, развиваемый папою: такъ выводятся въ парникахъ: огурцы!..

„Молодой человекъ“ — просто выросшій иксикъ. „молодой человекъ“ ходитъ къ намъ; и молодой человекъ соглашается съ папою — „Вы, молодой человекъ, вотъ еще почитайте“, — старается папа.

И „молодой человекъ“ соглашается тотчасъ-же: — „Я, Михаилъ Васильевичъ, ужъ давно собираюсь“...

Папа же его перебьетъ:

— „Почитайте вы о сходимости несходимаго ряда“ .

— „Вотъ-вотъ именно: о сходимости ряда“...

— „И о прочихъ рядахъ“...

— „И о прочихъ рядахъ“...

И не то наша мамочка.

— „Вотъ бы, Лизочекъ ты мой, почиталъ: о сходимости несходимаго ряда...“

— „Ну, нѣтъ: ни за что!“

Университетъ мнѣ извѣстенъ; извѣстенъ оставленный тамъ „молодой человекъ“; университетъ — палинъ домъ; молодой человекъ — палинъ служащій, какъ и „педелъ“ съ медалью, Скворцовъ; онъ, бывало, все ходитъ съ бумагой, и у него — бакенбарды; „молодой человекъ“ — чиномъ ниже: —

— папа съ нимъ очень вѣжливъ и добръ: говоритъ ему „вы“ и не „тыкаетъ“, какъ меня и какъ мамочку; папа вѣжливъ съ прислугой, а мамочка говоритъ ей все „ты“; и поэтому мамочка —

— проходя чрезъ столовую видитъ: „молодой человекъ“ тамъ сидитъ, перебираетъ неловко руками и ими, краснѣя, мнетъ шляпу, привстанетъ отвѣсить поклонъ, станетъ вовсе малиновымъ; мы бросаемся съ папой спасать его: тащу ему — сломанный слоникъ, а папа ему поднесетъ стаканъ крѣпкаго чая: „молодой человекъ“. все бывало, дрожащею, потной рукою, мѣшаетъ въ немъ сахаръ; другою рукою держитъ слоника; я хочу его звать съ собою — подъ столъ: разставляя со мной кубики.

Меня поражаетъ рисунокъ: —

— широкая, черная ваза поднята съ подставки оваломъ; она — полуэллипсисъ; полукругъ. куполь храма, — я знаю; а полуэллипсисъ поражаетъ меня: и мнѣ хочется плакать, смѣясь —

— на овалѣ вазы гирлянда изъ скачущихъ дяденекъ: клинобороденькихъ, желтокарныхъ; выразительно приподнявъ факелы, изъ нихъ двое откинулись, мечадиски: всѣ — съ хвостиками... —

— Это — было Нѣтъ — было ли? —

— отъ вазы; и не могу оторваться отъ вазы; всѣ дяденьки въ черномъ: они — въ темнотѣ; темнота — корридоръ: желтокаріе дяденьки — всѣ! — побѣгутъ въ корридоръ съ факелами, — изъ странъ, гдѣ я былъ до рожденія, корридоръ, начинаясь отсюда, кончается въ комнаты; желтокаріе дяденьки не нагнали меня (это было... когда-то); мой дяденька (всѣ зовутъ его Ершъ) съ клинообразной бородкой къ намъ ходитъ съ портфелемъ подъ мышкой: у него тамъ припрятанъ и дискъ; онъ жпветъ — въ полуэллипсисѣ.

Косякъ пурпура — на стѣнѣ; и — косякъ на полу; папа что-то тамъ чертитъ на листикахъ: побормочетъ, почертитъ, привстанетъ: и — разогнувшись, ревнетъ:

„Глядя на лучъ пурпурнаго заката

Краснокрылые косяки — на стѣнахъ; краснокрылое облако — въ окнахъ, тамъ — закатъ, на который глядятъ; и съ которымъ уходятъ въ никогда не бывшее образомъ; образъ, память о памяти, встанетъ и вотъ

— Афанасій Васильичъ Летаевъ, присяжный повѣренный (дядя Ершъ) къ намъ покажется изъ темнаго перехода, выдвинувъ ястребиный отточенный носъ, — клинобородый, язвительный, желтокарій, — въ золотыхъ очкахъ; изъ Окружного Суда отобѣдать, и на столовыхъ тарелочкахъ возникаютъ ломтики пекливаннаго хлѣба, и я думаю: —

— Окружной Судъ — окружность: окружность и шаръ суть гармоніи полуэллипсисъ — ваза..

И — падаютъ въ комнаты легкотѣнные темена. Дядя Ершъ будетъ съ папою долго гоняться въ пурпуровыхъ заревыхъ косякахъ отъ

угла до угла; папа — кряжистый, невысокий, темнорылый, курносый, — очки подпереть двумя пальцами и живоглядно уставится снизу вверх на Ерша, полуприсядет; вызоветъ память о прошломъ, и — точно хочетъ подпрыгнуть:

— „Ты бы, Ершикъ, да знаешь ли, Ершикъ. ты бы имъ, братецъ мой, показалъ“..

Думаю: дядя Ершъ изъ портфеля повнимаетъ теперь свои диски (гармонии сферы) ..

А кареный дяденька, закусивши кусокъ бороды, какъ привскочить на ципочкахъ на черномъ фонѣ пьянино; зафыркаетъ носомъ на папу

— „Ухъ, ухъ, ухъ!“

— „Я, я, я...“

— „Ухъ, да онъ!“

— „Да она!“

— „Ухъ, да я!“

Преображеніе памятью — чтеніе за прежнимъ стоящей, не нашей вселенной. —

— я жду —

— изъ подъ желтаго дядина пиджака выиснегся быстро бьющій, мохнатенький хвостикъ; думаю — будетъ пляска, и жду — вотъ ужъ схватятъ подсвѣчки, и разставивши уморительно руки, припустятся другъ за другомъ подпрыгивать, какъ... —

— фигурки мной виданныхъ желтокоричневыхъ дяденекъ; изъ подсвѣчниковъ вылетятъ пламенки —

— и въ блестящихъ ритмахъ забьетъ страна ритма, гдѣ пульсъ ритма блесковъ — мой собственный, бьющій въ странѣ танцевъ ритма и образующій мнѣ проходъ въ иной міръ; существа иной жизни свободно пройдутъ къ намъ въ квартиру. дяденька появился уже, и онъ, знаю, — юморъ: все его поведеніе таково, какъ будто бы онъ старался изъ воздуха сдѣлать „Ю“, или его изваять горельефной гирляндой; „ю-ю-ю“ — юкаетъ онъ, бывало, очками; еслибъ все начертанія носѣдали бѣ изъ воздуха — на кусочекъ бумаги то былъ бы рисуночекъ —

— черной вазы, которую бы размахисте окаймили гирляндой — клинобородые дяденьки съ факелами, мечами и дисками

Я впоследствии узнаю хорошо здание Окружного Суда... съ полукруглымъ эллипсомъ на крышѣ

Музыка

Музыка — растворение раковинъ памяти и свободный проходъ въ иной мѣръ: и — открылось мнѣ —

— все, вездѣ: ничего! —

— мнѣ и грустно, и

весело, я ищу подъ подушкою, подъ диваномъ, подъ кресломъ; но подобія — пусты —

— все, вездѣ ничего! —

— безъ глазъ моргало мнѣ

въ душу; и комнаты — какъ акваріумъ, окна — выходы въ небывшее никогда; можно изъ нихъ выплывать; и — черпать гармонию безподобнаго космоса; память о памяти — такова; она — сладкій ритмъ, она — садилась въ пѣянино; водилась въ пѣянино, и раздавалась — намъ въ комнаты.

Я однажды увидѣлъ, какъ старый настройщикъ снялъ черную крышку пѣянино, открылись — мѣры молоточковъ, бѣжали; и настучали мелодію —

— „Да-да-да!“

— „Да-да!“

— „Все — я-я!“ —

— Такъ этотъ старый настройщикъ — настроилъ на бытіе — бытіе; „все течетъ“ Гераклита соединилось съ Парменидовскимъ постоянствомъ въ пѣягорову гармонию сферы; и открылся мнѣ путь —

— къ идеальному міру Платона! —

— Подъ руладой

сизжу: нѣмой мальчикъ, и — плачу; и пытаюсь все ручкой поймать мою свободу въ „да — да“; несутся багровыя окна, а изъ багровыхъ расколовъ блистаетъ мнѣ золотомъ

— „Ты — былъ сирь.. Пришелъ — „Я!“

Впечатлѣнія

Впечатлѣнія первыхъ миговъ мнѣ — записи блестящихъ, трепещущихъ пульсовъ, и записи — образуютъ; въ образованіяхъ встаетъ — что бы ни было; оно — образовано, образованія — строи Образование мѣняетъ мнѣ все —

— молниеносность съчтется и образуется ткань съче-
ній, которая отдается обратно, напечатляясь на душѣ вы-
рѣзаемымъ героглифомъ, и —

— я теперь — запись'

Но точки моихъ впечатлѣній дробятся —

— душою моею! —

— и риза міра
колеблется (я потому ее не колеблю); по ней катятся звѣздочки за-
конами пучиннаго пульса, и безболѣзненно гонится смыслъ —

— любого

душевнаго взятія, то есть, понятіе —

— метаморфозами крас-
норѣчиваго блеска, гдѣ точка, понятіе, множится многимъ смысломъ
и веригъ, чертитъ мнѣ звенья —

— кипящей, горячей, летящей, свер-
лящей спирали. объясненіе — возженіе блесковъ, пониманіе — блески
надъ блесками, образованіе блеска блесками, гдѣ ритмъ пульса блес-
кѣвъ—мой собственныи, бьющій въ странѣ танцевъ ритма и отражае-
мый образомъ, какъ память о памяти.

Впечатлѣніе — воспоминаніе мнѣ; воспоминаніе — музыка сферы; вос-
поминанія меня обложили; воспоминанія — ракушки; вспоминая, я ра-
кушки разбиваю, и прохожу черезъ нихъ въ никогда не бывшее
образомъ, вызываніе образовъ прежде бывшаго — припоминаніе той
страны, по образу и подобію коей прежде бывшее было; припомина-
ніе — творческая способность, мнѣ слагающая проходъ въ иной міръ,
преображеніе памятью прежняго есть собственно чтеніе: за прежнимъ
стоящей, не нашей вселенной; впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ, то есть,
память, есть чтеніе ритмовъ сферы, припоминаніе гармоніи сферы,
она — музыка сферы: страны, гдѣ —

— я жилъ до рожденія! Вспоминаю
возникаютъ во мнѣ соотвѣтствія —

— и въ мимическомъ жестѣ (не въ
словѣ, не въ образѣ) встаетъ память о памяти, пересѣкая орна-
менты мнѣ въ собственный жестъ мой въ странѣ жизни ритмовъ
тамъ былъ до рожденія я.

Память о памяти такова; она — ритмъ, гдѣ предметность от-
сутствуетъ; танцы, мимика, жесты — раствореніе раковинъ памяти и
свободный проходъ въ иной міръ.

Воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ — мои танцы; эти танцы — пролеты въ
небывшее никогда, и тѣмъ не менѣе существе; существа иныхъ жизней
теперь вмѣшались въ событія моей жизни; и подобія бывшаго мнѣ
пустые сосуды; ими черпаю я гармонию неподобнаго космоса.

Помпуйъ захаживалъ рѣдко, являясь въ панины именины въ Михайловъ день, въ ноябрѣ.

Я въ послѣдствіи вспоминалъ этотъ день. многогогая вѣшатка наполнилась шубами: грохотала столовая, туго набитая профессорами и членами всевозможнѣйшихъ обществъ; поминутно звонили — входили: сѣдые и молодые сюртучники; то, бывало, войдетъ полногрудая дама; съ ней плоская дѣвочка (дѣлая низкіе книксены); то — неславный пиджачникъ, то — „Левъ“, молодой человекъ, перекрахмаленный: щелкаетъ грудью; и папа усадить: полногрудую даму, пиджачника, „перекрахмаленнаго щелкача“ за уставленный закусками столъ; то появится модница: сѣрое тонное платье съ огромнымъ турнюромъ, въ боа, въ мѣховой шляпченкѣ, съ наперсточекъ; и — съ огромнѣйшимъ токомъ; приходилъ даже разъ многобитый нахаль съ поздравленіемъ папѣ; и былъ нами не принятъ; приходилъ попечитель Учебнаго Округа: графъ Капнистъ; приходили тогда и иные къ намъ — именитые гости; кудрокрылый, сѣдой Николай Алексѣевичъ Умовъ, присылающій тортъ: преогромный калачъ; Алексѣи Николаевичъ Веселовскій, блистающій голубыми глазами и важно текущій межъ стульями; Матвѣй Михайловичъ Троицкій, написавшій „Науку о духѣ“: въ синемъ форменномъ фракѣ, съ огромной звѣздой: улыбчивый, бѣлосусый и потирающій руки; садился за стулъ; и нѣжно плакался голосомъ и замыкался въ свое самодушіе надъ кускомъ пирога. Очень грузный и пышущій дымомъ Сергѣй Алексѣевичъ Усовъ, хрипя и махая рукой, подымалъ бурю смѣха. онъ подмигивалъ мнѣ; я глядѣлъ все на родинки; и — однажды воскликнулъ:

— „А скажи-ка мнѣ, мамочка: почему это выросла земляничка у „крестнаго“ на лицѣ?“...

На меня замахали руками. Сергѣй Алексѣевичъ не растерялся, и — прохрипѣлъ на весь столъ:

— „Это — что... Вотъ однажды къ лицу поднесли мнѣ младенца... А онъ, знаете, ротъ открылъ, да и тянется, тянется... Чуть не схватилъ меня губками“...

— „Это — что“...

И Сергѣй Алексѣевичъ Усовъ, намазавъ французской горчицей кусокъ, перевернется на стулѣ проявить свое быстродушіе перекиднымъ разговоромъ; и бросаетъ имъ всѣмъ неизмятое миѣніе; онъ — возжаривалъ миѣнія; и пускалъ ихъ волчками; и миѣніе начинало кружиться: и — возвращалось обратно, онъ его убиралъ; многоносое любопытство стояло, когда изъ дверей появляется, круглѣя чистѣйшимъ

билетомъ — къ намъ Тертій Филипповичъ Повалихинскій, котораго называли они „парижаниномъ“, и который былъ „маминъ шаферъ“: онъ, бывало меня приподниметь и мягко посадить себѣ на животъ (я его надавлю); въ это время мнѣ почему то казалось, что прячется онъ, что его укрываетъ Москва (вся Москва!); и я думалъ: хорошо ли стираютъ тамъ пыль подъ диваномъ, гдѣ прячется Повалихинскій (прячутся — подъ диваномъ: и всѣ это знаютъ!); должно быть, стирали, потому что Тертій Филипповичъ Повалихинскій непосредственно изъ подъ дивана являлся къ намъ завтракать такимъ надушеннымъ и чистымъ; похахатывалъ, бралъ меня на животъ и разжевывая своими какъ сливы, губами, кусокъ имениннаго пирога, увлекательно передавалъ впечатлѣнья о завтракѣ съ профессорами Сорбонны и сказанной „пикулѣ“ (путалъ я: спичъ и пикули).

Вотъ тогда-то къ намъ появлялся и Помпуль, въ наушникѣ, и съ какими то трубными звуками —

— „Бу-бу-бу: по штатиштичешкимъ даннымъ... бу“... —

— онъ входилъ: въ полосатомъ и желтомъ, съ двумя желтыми баками, какъ подобаетъ расхаживать „англичанину“, побывавшему въ Лондонѣ и сломавшему ось пролетки (я напрасно боялся его: онъ былъ нѣжной души человекъ); появлялся онъ подъ-даннымъ, то есть: съ Анной Петровною Помпуль; Христофоръ Христофоровичъ былъ вѣрноподаннымъ Анны Петровны, которую называлъ кто-то даннымъ: то есть, Помпулу даннымъ; онъ садился за столъ, пережевывалъ свой кусокъ пирога (съ рисомъ, съ рыбой, съ вязигою) и рассказывалъ: —

— какъ ему вырвалъ врачъ-
вмѣсто дуплистаго зуба — здоровый и крѣпкій: —

— а во мнѣ
начинается: —

— вращеніе набухавшаго смысла: въ никуда и въ ничто, которое все равно не осилить мнѣ въ водоворотномъ грохотѣ словъ, темнодонныхъ, бездонныхъ среди илясокъ ножей на тарелкахъ, въ тарарыканьѣ передвигаемыхъ стульевъ —

— набуханіе смысла, гонимаго „свѣточами“ всевозможныхъ отраслей знаній, имена которыхъ впоследствии видывалъ я напечатанными жирнымъ шрифтомъ во всѣхъ повременныхъ изданияхъ: —

— и проходилъ я въ гостинную, гдѣ стояли столбы коромысломъ сигарнаго миѣня: въ папиросицу, въ пепелицу и въ красныя кресла, отдѣланныя американскимъ орѣхомъ, гдѣ тоже

сидѣли все свѣточи, но... откушавше свой пирогъ и опроставше мѣсто; не понимаю и тутъ: смыслъ всего темень мнѣ; но понимаю я жесты движенія горластаго дымогара; и уплотняя словами тѣ жесты внѣ ихъ яснящихъ значеній, я бы выразилъ ихъ приблизительно такъ, еслибъ могъ выражаться: —

— умозрѣніе, вышлетаяся, виснетъ словами и дымомъ изъ славнаго рта; и сплетается съ умозрѣніемъ; многозрѣніе умозрѣній осядетъ на креслахъ табачною копотью, ставъ всезрѣніемъ мнѣнній; и отлагаются въ воздухѣ блѣднорѣчивые, стылые стразы; скучаютъ и, поглядѣвъ на часы, гость за гостемъ, приподымаясь, кричатитъ, говоритъ:

— „Мнѣ пора“...

И отправляется подъ карнизы имперскаго зданія: —

— поддер-

живать грузы тамъ.

.

Вотъ, бывало, Покровъ; вотъ уже замелькали снѣжиночки, Пелагея Семеновна Мозгова заказала себѣ выѣздное, зеленое платье; князь Носатинскій не купается: въ Университетѣ готовится бунтъ; и Михайловъ день катится: на саняхъ изъ метелицы.

Жду я — Помпула: будетъ онъ говорить намъ о зубѣ.

.

Повалихинскій, Помпуль и Усовъ — еще мнѣ не люди, а ощупи: космосовъ... Гуманизма; пріоткрываютъ завѣсу они; указуютъ они... на зарю: оттого-то они предстаютъ мнѣ впервые въ эпоху, когда отъ меня отступаютъ куда то: мои стародавние бреды; и начинаетъ блистать — р е н е с с а н с ѣ...

Я впоследствии ихъ узнаю, какъ людей; но впервые они вырастаютъ изъ сумрака титанически изсѣченными въ камнѣ на поргалѣ огромнаго Зданія: Гуманности и Свободы; тамъ они мнѣ висятъ: каріатидами Вѣчности — въ дочеловѣческихъ формахъ; они мускулистой рукою сжимаютъ увѣсистый свѣточъ: и ударяютъ противниковъ просвѣщенія: мраморнымъ пламенемъ.

Перевивы орнаментовъ, арабески, гирлянды и вазы, полныя каменныхъ виноградинъ — дары; и они предлагаютъ ихъ мнѣ: я предчувствую не оправданы на меня ихъ надежды; увы — отвернутся они отъ меня; и поэтому я —

— съ опасеніемъ созерцаю. —

— каріатиды подъѣздовъ, орнаменты грузныхъ карнизовъ, и — статуи: бюстъ Ломоносова черенъ и строгъ; я его гдѣ-то видѣлъ.

Снова образа.

Вотъ подобіе моей жизни съ Райсой Ивановной: —

— еслибъ могъ я сказать, то сказалъ бы я такъ. —

— передъ нею проходитъ настройщикъ, снимаетъ рояльную крышку; блистаютъ міры молоточковъ; и разливадается море руладой рояля, —

— гдѣ, какъ соль, растворяются желтыя плитки паркета и начинаютъ кидаться волнами о стульчикъ, откуда склоняюсь —

— и вижу: —

— самую подводную глубину — съ двумя докторами. докторъ Пфефферъ и Доріоновъ въ образахъ, покрытыхъ щетиною рыбохвостыхъ свиней мелодически плаваютъ тамъ на серебряныхъ плавникахъ и лысынами старательно роютъ подводный песочекъ: —

— вмѣсто кресель — кораллы тамъ; вмѣсто столиковъ — гроты; и вмѣсто пепельницъ — перламутры; тамъ брызжутъ фонтанчики: словомъ — акваріумъ: —

— тамъ залегаютъ въ пескахъ аксолотль, дядя Вася; подъ переливными дишкантами, на глубочайшихъ басахъ, Артемъ Досифѣевичъ Доріоновъ, гамъ, упирая подъ боки кулаки, припустился рѣзво за бриллиантовой рыбкой; и не догнавши пускаетъ пузырьки кроворотою мордою; и — потомъ: онъ винтами подносится къверху, чтобы высунуть мокрый носъ, имъ уставиться на меня и добродушно побрызгать алмазнымъ фонтанчикомъ, перевернуться и нѣжиться розовѣющимъ животомъ —

— и потомъ: —

— онъ низринется въ темноводныя заросли: залегать въ этихъ заросляхъ и разгрызать слизняковъ... —

— Такъ слагались мнѣ звуки, бывало: темнѣетъ; и я просѣдаю — во мраки съ кроваткой и спинкой, Райса Ивановна издали зачитала подъ лампой; дремотно; въ рѣсницахъ развернуты лучики: бѣлоснѣжными блесками крылій; тамъ — лебеди — звуки: переливаются по лазури они; ничего не пойму: —

— то серебряный старичекъ, въ парикъ, въ лепестистомъ небесномъ камзолѣ бѣжатъ по аккордамъ на туфляхъ, смѣясь, и плача, и на ходу принимается кушать печеное яблоко онъ; мнѣ — старинно, смѣшно; я его узнавалъ и потомъ

На аккордѣ споткнется и бухнетъ сразмаху — онъ въ мраки молчаній; и упавая, рассыплется гранями горныхъ хрусталинокъ и дишкантовою фугой..

А то разразится изъ ночи весенняя буря; изъ сѣдопѣнныхъ дождей зеленѣетъ намъ молнья. —

— мнѣ все кажется, что я — въ воздухѣ, на распластанныхъ крыльяхъ; переливаюсь въ лазуряхъ (и — струнно; и — струйно); и перья, какъ пальцы, сіяньемъ проходятъ по нимъ; я... заснулъ.

.....
Это все выросло изъ звуковъ кипѣло, гремѣло, рыдало, носилось, блистало..

.....
Елка.

Еслибы всему тому — смѣрзнутья, то ретивые ритмы бы стали вѣтвями; а бьющіе пульсы — иглинками; тамъ стояла бы елочка; всѣ мелодійки изъ нея выростали игрушкой; изъ трепещущихъ, блещущихъ звуковъ сложились бы нити и бусы; а изъ кипящихъ, летящихъ аккордовъ — хлопущки; застрекотали бы ломкими бусами хрустали дишкантовъ; а басы бы надулись большими шарами изъ блесковъ; да, мелодія — елочка, гдѣ дишканты — канитель, а объясненіе звуковъ — возженіе блесковъ надъ блесками; Доріоновы, рыбы, гоняются тамъ за оуѣшками; риза міра — тамъ; и риза міра колеблется.

Если сѣсть въ уголокъ и прищурить глаза, — разрастается все это звучно; и трепещущій, блещущій міръ возстаетъ; и гоняются краснорѣчивые блески въ яснѣйшихъ спираляхъ; и сѣдинится въ ясностяхъ старецъ; и весь онъ — алмазный.

.....
Помню я. —

— самозвучныя половицы скрипѣли; тамъ отъ меня запыривались: стучались; въ столовую озабоченно пробѣгали: Раиса Ивановна, мама и папа: съ пакетами; разставлялись тамъ кресла; и думалъ я, что губастыя рожи, а рапы, ужъ тамъ: учреждаютъ „вертепъ“; я не спалъ въ эту ночь; къ вечеру собирались къ намъ гости; дѣти Вѣтвиковы подразнили меня передъ запертой дверью; явился мой папа; и распахнулъ быстро дверь: — въ эту комнату блесковъ, гдѣ въ сіяющей ясности, изъ свѣчей и вѣтвей рисовались мнѣ блага и цѣнности... неописуемыхъ, непонятнѣйшихъ формъ; и уже заиграли кадрили; и уже откуда-то ворвались къ намъ губастыя рожи (двѣ маски); и самъ папа мой переряженный появился за ними въ енотовой шубѣ; и — въ бумажной коронѣ; велѣлъ взяться за руки; ходилъ вокругъ „елки“; мы ходили за нимъ. Послѣ я присѣлъ въ уголокъ и

смотрѣлъ на алмазную куколку, Рупрехта; бѣлоглавая, все-то она тамъ глядѣла изъ нитей — задумчивымъ взоромъ; какъ память о памяти; мнѣ казалось, что на мигъ явилась та самая Древность, въ сѣдинахъ; казалось: человѣкоглавое серебро — растечется; и встанетъ. огромный старикъ, весь въ алмазахъ; отслужить обѣдню; тутъ меня приподняли къ нему; и я самъ оторвалъ отъ вѣтвей мою куколку, Рупрехта.

Рупрехтъ.

Рождество прошло быстро.

Хлопнули всѣ хлопучки. И орѣхи разгрызены; и бусы раздавлены, золотая картонная рыбка расклеилась: пополамъ; уцѣлѣлъ только Рупрехтъ.

Я поставлю на печку его: на меня онъ уставится съ печки; онъ уставится. черезъ кресла, на столъ, на паркетъ, ковры. Я поставлю подъ кресло его: и — глядитъ изъ подъ кресла. Я его уберу: его — нѣтъ; почиваетъ въ кардончкѣ; но все ждетъ его: умывальники, кресла, шкафы межъ собой говорятъ.

— „Ушелъ Рупрехтъ“ .

Наша квартира есть память о той сторонѣ, гдѣ я не былъ; въ ней — не бывшее никогда оживаетъ; и Касьяново — въ ней; на этажеркѣ фарфоровый пастушекъ разговорился съ пастушкой... о Рупрехтѣ (гдѣ-то онъ?): а ужъ Рупрехтъ алмазится издали: онъ ихъ видитъ; онъ — помнить: нѣтъ, онъ никогда не забудетъ.

Будетъ, будетъ: —

— показивать одиноко въ огромнѣйшихъ комнатахъ, вмѣшиваясь въ событія нашей жизни; онъ — покажется здѣсь; и — покажется тамъ; и даже пройдетъ по Арбату, замѣшавшись въ толпѣ: его видѣли въ кондитерской Флейша; и въ булочной Бартельса; можетъ быть, это — онъ; а можетъ быть, — это папа (у папы огромная шапка и шуба: у Рупрехта — тоже); можетъ быть, никакого и не было Рупрехта... —

— Вотъ онъ, вонъ одиноко стоитъ тамъ на полкѣ; и слушаетъ слухи о Рупрехтѣ, и слушаетъ онъ мои мысли о немъ.. Былъ ли онъ на Арбатѣ? Этого не расскажетъ онъ мнѣ: никогда не расскажетъ.

Мишъ.

Куколка затерялась моя; но я вѣрю въ нее; мнѣ Раиса Ивановна лепчетъ, что бѣгаетъ вечерами мой Рупрехтъ — по замерзшимъ носамъ.

надираетъ носы; въ пустой комнатѣ, тамъ, — онъ стоитъ, половицею скрипитъ; и недавно насыпалъ серебряныхъ рыбокъ: въ почтовые ящики.

Я прошу показать эти рыбки, настаиваю, а Раиса Ивановна меня увѣряетъ, что онъ бѣгаетъ въ вислоухой енотовой шубѣ и въ шапкѣ изъ котика; и я забываю про рыбокъ.

И — начинаемъ мы говорить, что... —

— за Арбатомъ кончается все (знавая, что не такъ это; и всетаки — вѣрится); „Безбардисъ“ — послѣднее торговое учрежденіе; санки, конки, прохожіе, какъ только вылетятъ за Арбатскую площадь — у Безбардиса стараются повернуть; и вернуться обратно, чтобы имъ не низвергнуться... —

— Подъ тротуарами, за Безбардисомъ, —

— на кубовомъ небѣ! —

— все свѣчечки, свѣчечки, свѣчечки; и горятъ себѣ, точно звѣзды: это свѣчки огромной, разросшейся елки, которою —

— елкою! —

— міровой старикъ, Рупрехтъ, точно звѣздными небесами, подпираетъ... Арбатъ.

.
Помнится: —

— разъ идемъ по Арбату; навстрѣчу намъ — папа; путаясь въ полахъ огромной енотовой шубы съ полуизорваннымъ рукавомъ — набѣгаетъ на насъ онъ, толкая локтями прохожихъ, — въ огромнѣйшемъ мѣховомъ колпакѣ, изъ подъ котораго выставляется вѣточка ледорогихъ сосуллекъ — на огромномъ серебряномъ усѣ; надъ усомъ торчитъ красный носъ; на носу — два очка; и это все — добродушно ушло въ шерсть мѣха (и точно не папа, а... Рупрехтъ); глядитъ — и не видитъ; вмѣсто елочки прижимаетъ къ груди очень туго набитый портфеликъ; за папой вдогонку — съ угловъ, переулковъ, съ Арбата, отставая, перегоняя и полозьями натываясь на тумбы, несутся извозчики; хлопаютъ рукавицами и кричатъ:

— „Михаилъ Васильевичъ“...

— „Баринъ“...

— „Со мною“...

— „Не дорого“...

— „На Моховую на улицу“...

— „Довезу васъ скорехонько“..

Мы — кидаемся къ папѣ.

Какое тамъ!

Развѣ папа насъ видитъ? У него запотѣли очки: онъ стремительно пробѣгаетъ, толкая прохожихъ и насъ — полуизорваннымъ рукавомъ своей шубы: со сворой извозчиковъ.

И вечерѣетъ Арбатъ.

По вечерамъ — тихолюдень Арбатъ (не такой, какъ теперь), быстроцвѣтные огонечки моргаютъ; синѣютъ всѣ сглыля ясности, оплотнѣвая въ туманность; туманность — чернѣетъ.

Папа бѣжалъ къ „Безбардису“.

И вотъ думаю: —

— что онъ, и свора извозчиковъ будутъ скоро низвергнуты: въ никуда — за „Безбардисомъ“; и снова появится папа — изъ-за „Безбардиса“, съ кардонками; пзъ кардонокъ намѣ выложить всѣмъ: явства, сласти, подарки; совсѣмъ папа Рупрехтъ; и оба они... какъ поны

Музыка научила, играя, выращивать сказки; и выросли всѣ сказки — еловою порослью: уголь кресла — скала; и на него я вскарабкаюсь; я на немъ — великанъ; и мнѣ зеркало — водопадъ.

„Рупрехты“ —

— это вотъ... какъ —

— жизнь во мнѣ звука; но жизнь звука во мнѣ — не моя: принадлежитъ она міру звука, который ко мнѣ опускается: мной играть, какъ бы... клавишемъ; переживши тотъ звукъ, пережилъ я его не въ себѣ, а въ существѣ страны звука, въ которую былъ приподнять — не вовсе, а до открытой возможности (двери!) подсмотреть звуковую квартиру со всѣми домашними принадлежностями комнатъ звука; я ихъ не успѣлъ рассмотреть; и по образу и подобію копіи комнатъ въ моемъ впечатлѣніи тотчасъ же сфантазировалъ образъ; и этотъ образъ себѣ начинаю рассказывать я; и разсказикъ мой — сказочка; мои сказочки, собственно говоря, суть научныя упражненія въ описаніи и наблюденіи впечатлѣній, которыя отмираютъ у взрослыхъ; впечатлѣнія эти живутъ и во взрослыхъ; но живутъ за порогомъ обычнаго кругозора сознанія; сознаніе взрослога занято кругомъ иныхъ впечатлѣній: въ нихъ втянуто; потрясеніе иногда, отрывая сознаніе отъ обычныхъ предметовъ, погружаетъ его въ кругъ предметовъ былыхъ впечатлѣній; и — возвращается дѣтство.

Только этотъ возвратъ — по иному.

Игрушки — аккорды; на аккордахъ мы ходимъ; аккордами входимъ въ тайныя комнаты смысла.

Мы съ Райсой Ивановной безбоязненно отворяли всѣ двери: и --- проходили по всѣмъ звуко-комнатамъ; двери намъ открывались; и выходили намъ „Рупрехты“.

Прохождение комнатъ — игра: мы, играя, — вернемся.

Не папинъ. не маминъ.

Университетскіе „люди“, бывало, со страхомъ косились на мамочку: со страхомъ ходила къ ней въ спальню по вечерамъ Афросинья кухарка: со счетною книгою; мамочка примется: уличать Афросинью, а папочка примется: выручать Афросинью, а Афросинья-кухарка молчить: и на меня покосится (будутъ ужасы въ кухнѣ!): папочка, — крадется съ толстымъ томикомъ къ дверной щелкѣ: подслушивать мамочкины недовольства кухаркой, чтобы потомъ, въ нужный мигъ, повыскакивать изъ-за двери — спасти Афросинью:

— „Знаешь ли, Лизочекъ, — оставь ее!“

А пока же скрипитъ половицею у пріоткрытой оцъ двери, виденъ: мамочкѣ, мнѣ и Афросиньѣ-кухаркѣ: просунутый папинъ носъ; и на немъ — два очка.

Мама хмурится; Афросинья-кухарка смѣлѣетъ...

Дрожу я: —

— будетъ, будетъ намъ крикъ; Афросинья, — она на весь домъ прошипитъ намъ котломъ; и разговоры подымутся — съ тетей Дотей и бабушкой...

— „Михаилъ Васильичъ: чудакъ, эгоистъ!“

— „Не въ свой дѣла суетъ носъ“...

— „Мнѣ онъ портитъ прислугу“...

Черезъ два часа послѣ другіе уже разговоры:

— „Михаилъ Васильичъ чудакъ: идеалистъ!“

„Свѣтлая, гуманная личность“...

— „Простякъ онъ, ребенокъ“...

Самое страшное начинается мамочка, разгасяся. меня оттолкнетъ отъ себя; и со слезами въ глазахъ обращается къ бабушкѣ:

— „Тоже съ Котомъ вотъ: преждевременно развиваетъ ребенка; воспитаніе ребенка, — это дѣло мое: знаю я, какъ воспитывать... Накупаетъ все англійскихъ книжекъ — о воспитаньи ребенка... Ерунда одна... Нѣтъ, подумайте: пятилѣтнему показывать буквы... Больше-любый ребенокъ... Мало мнѣ математики: вырастетъ мнѣ на голову тутъ второй математикъ“...

— „Ахъ, да что ты“...

— „Да что вы“...

Я же тутъ, уличенный въ провинности, начинаю дрожать; одиночество нападаетъ: все кажется хрупкимъ.

Опасения, какъ бы я не сталъ „вторымъ математикомъ“ — одо-
лѣваютъ меня; мнѣ ужасно, что я — большелобый: поменьше бы лобикъ
мнѣ: хорошо еще, что мнѣ локоны закрываютъ глаза; ихъ откинуть —
все кончено: страшная, ненормальная выпуклость, — лобъ — выдается
упорно: и лобъ — расширяется: у меня громадная голова; она —
шаръ.

Воспоминаніе о „жарѣ“ и „шарѣ“ (я „шарился“ въ „жарѣ“) —
опять нападаетъ; сиротливо мое бытіе: въ безпредѣльности я — одинъ,
окруженный печами, отдушиной, трубами, изъ которыхъ за мною по-
лѣзутъ: меня взять отъ мамочки; тамъ живутъ — „математики“: папа
водится — съ очень странной компаніей. преждевременно развитой,
угрожаетъ она развивать и меня: преждевременно: и мнѣ ка-
жется: —

— „преждевременное развитіе“ ужъ со мною случилось,
когда-то; я откуда-то „развивался“; и „преждевре-
менно“ выгнался: оспливать пустоту и упадать (нападаетъ
„старуха“ тамъ) въ нашихъ комнатахъ: снова свился я съ
трудомъ; неужели же мнѣ развиться и — выгнаться вонъ...
уже я просѣдаю во тьму.

Но это все — вечерами...

А утромъ: —

— съ папой легко мнѣ и просто: передъ уходомъ на „лекціи“
обнимаетъ меня; согрѣвая мнѣ ручки отверстіемъ бородатаго-усатаго
рта, онъ мнѣ шепчетъ:

— „Котинька, повторяй-ка, голубчикъ, за мною: Отче нашъ, Иже еси
на небесѣхъ“...

И я повторяю:

„Отче нашъ, иже еси“...

— „На небесѣхъ“..

— „Небесѣхъ“...

Не проснулась бы мамочка!

Я люблю очень папочку; а вотъ только. онъ — учить; а грѣмъ мнѣ
учиться (это знаю отъ мамочки я)... Какъ же такъ? Кто же правъ?
Съ мамочкою мнѣ легко. хохотать, кувыркатся; съ папочкой мнѣ
легко: затвердить „Отче нашъ“, съ мамочкою оба боимся мы: придутъ
„математики“; съ папочкою выручаемъ мы „молдыхъ людей“
и прислугу.

Грѣшникъ я: грѣшу съ мамочкой противъ папочки; грѣшу съ папочкой противъ мамочки. Какъ мнѣ быть: не грѣшить?

Одному мнѣ зажить: я — не папинъ, не маминъ; а жить — одиноко
Милая Раиса Ивановна!

Мы стоимъ въ хрупкомъ кругѣ: почти на тарелкѣ; она врѣзана въ синеродъ: и синеродъ полушаромъ встаетъ тамъ, за окнами...

Вотъ попадаемъ мы незащищенно носиться —

— „Нѣтъ мочи!“ —

— И со-

рвется все: потолки, полы, стѣны; папа, мама — провалятся; хрупкій кругъ разобьется, и провалится тоже, какъ хрупкій кругъ солнца, за окнами: въ тучи; а тучи, въ багровыхъ расколахъ, проходятъ за окнами, изъ-за багровыхъ расколовъ блистаетъ тотъ самый (а кто, ты — не знаешь).

Ужъ и темно.

Ужъ и темно: нетопыринными крыльями пронесутся тамъ тѣни, когда — перерѣзая пары, свисты, шепоты, шипы на кухнѣ, полнокровный огонь, перебѣжитъ изъ печи черезъ воздухъ на стѣны; и самокрылые свѣтлые косяки задрожать на стѣнахъ ..

Слушаю: толчая за стѣною, на кухнѣ; Аѳросинья-кухарка тамъ рубитъ котлеты; а то сниметъ желѣзную вейку съ печи и забьетъ ко-чергою она; и — дѣйствія Аѳросиньи-кухарки мнѣ не кажутся ясными всѣ они подозрительны; подозрительна ея лихая рука; и — бородавка подъ носомъ; подозрителенъ вспученный подбородокъ, какъ . зобъ индюка; подозрительно жалобенъ мужъ Аѳросиньи-кухарки, костлявый Петровичъ, рукою слагающій мнѣ на печи тѣни зайчика. говорятъ: Аѳросинья давно загрызаетъ Петровича; и кидается на него съ острымъ ножикомъ: выгнется ея бѣлокаленная голова съ жующимъ ртомъ и очень злыми глазами; и ухвативши за спину Петровича, она стащитъ портки; и вырѣзаетъ ножомъ изъ Петровича.. ростбифы (оттого-то на немъ мяса нѣтъ: только кожа да кости), а —

— ломти мягкаго мяса малиновѣютъ на столикѣ; и кровоусая кошечка все косится...

Помню разъ: поднималась на кухнѣ возня; и выбѣгала Дуняша изъ кухни повѣдать намъ съ плачемъ, что Аѳросинья Петровича душитъ. чувствовалось: ненормальность развитія дѣйствій: и — преждевременность ихъ

Думалъ я:

— „Вотъ оно наступило: преждевременное развитіе“.

Осознавалося: Петровича уже нѣтъ, а есть ломти мяса, малиновѣющаго подѣ точенымъ ножикомъ Афросиньи — въ шумахъ и шипахъ, въ парахъ.

Мы бѣжимъ въ проходной корридоръ; мы стоимъ въ корридорѣ; самозвучная половица скрипитъ; перемѣняясь ползутъ наши тѣни; тѣни свѣсились изъ угловъ; тѣни свѣсились съ потолоковъ; и чернорогія женщины, возникая изъ воздуха, угрожаютъ изъ воздуха.

Кружевные дни на ночи: повторяютъ себя — на ночи.

— „Ту - ту - ту!“

— „Ту - ту!“

— „Ту - ту - ту!“ —

— бѣлоглазая Альмочка лапochкой чешетъ шерстку. Красноярая свора огней пробѣжить по печамъ: окоптитъ трубы намъ.

Маминны рассказы.

Мамочка, въ пеньюарѣ, положивши на плюшевый пуфъ алыи бархатный башмачекъ и дразня имъ болоночку: —

— („ту - ту - ту — ту - ту — ту - ту - ту“ — бѣлоглазая Альмочка лапochкой чешетъ шерстку подѣ мамочкой), —

— какъ разблещетса глазками, принимаясь рассказывать намъ: что она была дѣвочкой, „звѣздочкой“; и что дѣдушка требовалъ, чтобы мамочкинъ лобикъ открытъ былъ; мамѣ было пять лѣтъ; а тетѣ Дотѣ — два года; и водился за нею грѣшокъ: не просилась она изъ постельки; дядя Вася тогда становился бездѣльникомъ: „Перепрытковскіе“ — были куклы; и ѣздили въ гости къ „Бробековымъ“; „Перепрытковскіе“ сохранились у мамочки. а „Бробековыхъ“ я изорвалъ; когда дѣдушка умеръ, то бабушка обѣднѣла, а мамочку вывезли: на предводительскій балъ; и — появились „хвосты“: то — вздыхатели мамочки; гдѣ она. тамъ они... двадцать пять жениховъ получили отказъ; предлагали они свои руки и сердце; получили они: длинный носъ.

Мамочка вышла замужъ за папочку: изъ уваженія къ папочкѣ, ея приданое — куклы: „Перепрытковскіе“ сохранились еще; а „Бробековыхъ“ я изорвалъ...

Мамочка переложить. бывало, ножки съ пуфа на креслице; и продолжая рассказы, она вся откинется къ длинной спинкѣ качалки: —

— Мои

дяди и тети все слушались мамочку; зажигались огни въ бѣломъ залѣ съ колоннами; дѣдушка — бѣлый, гордый и полный, въ чистѣйшемъ жилетѣ, держа руки за спину — съ очень толстой сигарой въ зубахъ выходилъ изъ тѣней. любоваться на игры.

— „Дѣтки дѣточки-дѣточки... Ангелы, ангелы, ангелы... Ну-ка, „звѣздочка“ матушка... Ха-ха-ха: хорошо“...

И проходилъ за колонны...

Иногда затѣвдалась война и пребольно дирала капризница-мамочка тядю Васю-бездѣльника за вихорь; и тогда изъ колоннъ выходилъ на нихъ дѣдушка:

— „Не хорошо: нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ... Не хорошо: нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ“...

Дѣдушка не кричалъ никогда; онъ покачивалъ головою.

И домъ погружался въ молчаніе: бабушка запиралась на ключъ; мамочка, тетя Дотя и дяди рыдали, прабабушка (мамина бабушка) начинала шептаться съ бабушкой; въ бѣлоколонной комнатѣ дѣдушка проносилъ гордый лобъ: отъ колонны къ колоннѣ, и безъ всякаго гнѣва шепталъ бритымъ ликомъ:

— „Нѣтъ-нѣтъ: такъ нельзя“...

Приходили въ домъ гости: Бѣлоголовый и Иноземцевъ (тотъ, котораго — капли); приходилъ и Плевако — талантливый молодой человекъ; дѣдушка говаривалъ имъ:

— „Покажу-ка вамъ „звѣздочку“.

Вызывались дѣти — пѣть хоромъ

Нелюдимо наше море
День и ночь шумить оно
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.

Если кто-нибудь изъ гостей начиналъ пѣть „романсы“, его останавливалъ дѣдушка: безо всякаго гнѣва.

— „Нельзя, знаете — въ нашемъ домѣ: оставьте.. Дѣти тутъ у меня. Они — чистые ангелы“.

Пѣлось:

Бѣлѣть нарусь одинокій
„Въ туманѣ моря голубомъ“...

По вечерамъ, задравъ волосы дѣтямъ, подводили ихъ къ дѣдушкѣ. подставлятъ ему лобики; всякій лобикъ крестя приговаривалъ онъ: — „Дай-ка я тебя: въ лобикъ и въ глазки“...

Занимался коммерціей онъ; временами онъ ѣздилъ въ Ирбитъ: приѣзжалъ оттуда съ мѣхами; никто изъ домашнихъ не зналъ, что онъ

дѣлаеть утромъ въ амбарѣ; съ кѣмъ торгуется онъ; и — кому продаетъ; видывали его, проѣзжающимъ по Остоженкѣ, на своей сѣрой лошади, въ мѣховой большой шапкѣ; и въ шубѣ съ бобрами. — „Это ѣдетъ вотъ — Пазуховъ; онъ — совѣтникъ коммерціи... Очень почтенная личность“...

Дѣдушка мало знался съ гостями; запирался съ двумя докторами: Бѣлоголовымъ и Иноземцевымъ; надъ молодымъ человѣкомъ, Плевако, подшучивалъ онъ; и — заходилъ онъ къ прабабушкѣ передъ сномъ со свѣчею въ рукѣ: рассказать каламбуръ и зачѣмъ-то у ней взять бумажку ..

Такъ бывало намъ мамочка, разблеставшись глазами, часами заводитъ рассказы, положивши на плюшевый пуфъ алый бархатный башмачекъ; я, бывало, заслушаюсь; бѣлоглядныя окна — заслушались тоже; бѣлоглазая Альмочка лапochкой чешетъ шерстку подъ мамочкой.

Тихоня.

Съ папochкой говорить мнѣ нельзя: а то мамочка скажетъ: — „Да онъ преждевременно развитъ“...

Ну-ка — буду-ка я кувыркатся! И ну-ка: на мамочку поползу, какъ болоночка, прямо къ плюшевой туфелькѣ — ее нюхать; и приложивъ ручку къ спинкѣ, лукаво виляю я маленькимъ хвостикомъ.

Я — себѣ на умѣ...

Мамочка размѣется и скажетъ:

— „Ребенокъ“...

И похлопаетъ меня, какъ собачку: и подкину ножками... Весело! Если бы я ее спросилъ, что такое „оно“, что встаетъ въ уголочкѣ и что такое тамъ „мыслится“, — то она бы сказала:

— „Нѣтъ, онъ — математикъ“.

И поднялся бы у насъ разговоръ о большомъ моемъ лбѣ.

Этотъ „лобъ“ закрывали мнѣ: локоны мнѣ мѣшали смотрѣть; и мой лобикъ былъ потный; въ платице одѣвали меня; да, я зналъ: если мнѣ надѣнуть штанишки — все кончено: разовьюсь преждевременно. Кувыркатся я очень любилъ: и любилъ я подумать: вотъ только — подумать нельзя:

— „Ни-ни-ни“...

Кувыркался я для себя: и еще больше... для мамочки.

Мнѣ не нравились разговоры: о воспитаньѣ ребенка; пересѣкались на мнѣ тутъ двѣ линіи (линія папы и мамы): пересѣченіе линій есть

точка; математической точкою становился отъ этого я: я — нѣ-
мѣль; все — сжималось; и — уходило въ невнятицу; говорить — не
умѣлъ и придумывалъ, что такое сказать; и оттого-то я скрылъ свои
взгляды... до очень поздняго возраста; оттого и въ гимназіи я прос-
лылъ „дурачкомъ“; для домашнихъ же былъ я „Котенкомъ“, — хоро-
шенькимъ мальчикомъ... въ платьицѣ, становящимся на карачки:
повилять имъ всѣмъ хвостикомъ.

Но стояло въ душѣ моей:

— „Ты — не папинъ, не — маминъ“...

— „Ты — мой!“...

„Онъ“ за мною придетъ.

Свѣтлоногій день идетъ въ ночь: чернорогая ночь забодаетъ его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Гностикъ.

Бѣлую лилію съ розой,
Съ алою розою мы сочетаемъ
Вл. Соловьевъ

Древо познанія

Вотъ Раиса Ивановна —

— милая! —

— изъ кургузыхъ лоскутковъ дѣлаеть

шерстяной червячекъ: красный, красный такой!..

— „Was ist das?“

— „Das ist die Jakke“...

Глядя искоса на меня, наклонилась она, къ шерстянымъ краснымъ тряпкамъ: смѣется и клонитъ свой локонъ въ мой локонъ.

„Я к к э“, „Я к к э“ — какое то: шерстяное, змѣевое; ничего не пойму — хорошо!..

.

Папа разъ къ намъ пришелъ; наклонился надъ лобикомъ толстенькимъ томникомъ въ переплѣтѣ; прочелъ мнѣ изъ томика — объ Адамѣ, о раѣ, объ Евѣ, о древѣ, о древней змѣѣ, о землѣ, о добрѣ и о злѣ: —

— и я думаю: —

— объ Адамѣ, о раѣ, объ Евѣ, о древѣ, о древней змѣѣ, о землѣ, о добрѣ и о злѣ; и мнѣ ясно уже: шерстяная змѣя моя — „Я к к э“: —

— бывало, сшивала Раиса Ивановна красненькій шерстяной червячокъ изъ кургузыхъ лоскутковъ.

.

Сплю: —

— изъ кургузыхъ и узкихъ лоскутковъ строится ночью какой то особенный, свой, нарастающій ростъ: ростъ лоскутовъ разроится багровыми краснолётами, ходитъ огромными строями очень громкихъ алмазиковъ и азіатскими змѣями, лживыми мигами; близятся — пухнуть въ огромныхъ разказахъ —

— о старомъ Адамѣ, о раѣ, объ Евѣ, о древѣ земли! —

— обо мнѣ: о добрѣ и о злѣ! —

— Начинаю мечтать; принимаюсь кричать; —

— и Райса Ивановна встанетъ унять меня, взять меня спать на постельку къ себѣ; я не сплю; я — молчу чуть дышу: мнѣ —

— и мило и древне, и жарко, и грозно, и грустно: —

— ужасно сжимая мнѣ грудку, ужасныя сжатія въ грудку опустятся чувствами: пухнуть... И все начинаетъ опять мнѣ кричать въ очень громкихъ разказахъ; сквозь милое, древнее, крестное древо прорѣжется. —

— ясно. —

— уже не Райса Ивановна дышетъ со мною тутъ рядомъ, а пламя тутъ пышетъ —

— „о н о!“ —

— ужасаюсь и чувствую: произростаніе, набуханье „его“ — въ никуда и ничто, которое все равно не осилить; и —

— что это?

„Оно“ — не было мною; но было мнѣ, какъ... во мнѣ, хоть — „во мнѣ“: —

— Почему „это?“ Гдѣ? Не „оно“ ли ужъ Котикъ Летаевъ?

„Гдѣ я“? Какъ же такъ? И почему это такъ, что у „него“ не „я“ — „я“? —

— „Ты не ты, потому что рядомъ съ тобою — какое то: жаровое такое“..

— „Не Райса Ивановна — грозное, глухое „оно“..

— „Вотъ „оно“ — набухаетъ: растетъ стародавнюю жизнью“ ..

— „Тѣло!“ —

— Такъ бы я уплотнилъ словомъ странные строи изъ мыслей моихъ въ томъ глотающемъ, лѣзущемъ, суетномъ, водоворотнопустомъ: и я — вскакивалъ: вскакивала и Райса Ивановна.

— „Was ist das?“

Схватывала, прижимала къ себѣ; но объятія начинали казаться какими то стародавними пламенами; урагание состоянїе сознанія въ натяженіи ощущеній моихъ начинало носиться во мнѣ крылорогими стаями...

— „Jakke!..“

„Это“ — думалъ я, — ростъ; „это“ — думалъ я — древо познанія, о которомъ мнѣ читывалъ папа: познаніе —

— о добрѣ и о злѣ, о змѣѣ, о землѣ, объ Адамѣ, о раѣ, объ Аггелѣ...

По ночамъ поднималось во мнѣ это древо: змѣя обвивала его.

Краснорѣчивый мигъ.

Я помню все: тотъ мигъ краснорѣчивый,

Которымъ вы свою любовь открыли... —

— Свершилось: я вспомнилъ!

Это было подъ вечеръ; и мама была у Гутхейля: вернулась съ романсомъ; меня брали къ Дадарченкамъ, и вернулся я съ маленькимъ, крашенымъ, деревянно пахнущимъ клоуномъ; и — та же обложка романа; въ краснорѣчивыхъ разводахъ: клоунъ же былъ — поперчатчатый и желтый, и красный.

Онъ безъ словъ на меня посмотрѣлъ; и безъ словъ мнѣ сказалъ

— „Вспомни же!“

Мама пѣла: —

— Я помню все. тотъ мигъ краснорѣчивый...

Краснорѣчивый мой клоунчикъ; и — пѣвучій мамочкинъ голосъ — все вспыхнуло мнѣ ярко-краснымъ: мнѣ милымъ, мнѣ древнимъ, и что-то затеплилось въ груди, сжимая мнѣ грудку: —

— Онъ пришелъ — ко мнѣ

Меня взяли, меня взять —

— и увести за собою:

— „Не забудь!..“

— „И возьми!..“

— „Въ свою красную комнату!“

Краснорѣче течетъ къ намъ оттуда!

Которымъ вы свою любовь открыли..

Клоуна подарилъ мнѣ Соня Дадарченко — дѣвочка съ длинными

волосами и какая то вся, какъ мое пунцовое платье о которое мнѣ
пріятно тереться. которое хочется мять, —

— а пунцовый нашъ абазуръ
съ двумя глазами совы и совинымъ клювомъ краснорѣчиво посматри-
ваетъ: грустнымъ, ласковымъ, древнимъ:

— „Не — папшъ, не — маминъ...“

— „Я — Сонинъ...“

Онъ же, клоунчикъ, все зоветъ:

— „За нимъ — всѣ, всѣ, всѣ!“

И — ослѣпительна будущность. моей любви... — я не знаю къ чему,
ни къ чему, ни къ кому: —

— Любовь къ Любви!

— „Я помню все. тотъ мигъ краснорѣчивый,
которымъ вы свою любовь открыли.

Желтокрасныя пятна заката — въ черноватенькихъ облачкахъ: дого-
рѣли —

— послѣднія!

— „Мой леопардовый клоунчикъ!..“

И я — мыслю безъ мысли. —

— Райса Ивановна, милая, тамъ иголкою
дѣлаетъ „красненькій шерстяной червячокъ“

— „Was ist das?“

— „Das ist die Jakke“

Какъ же могъ я забыть Яккэ — красненькп шерстяной червячокъ
въ красной комнатѣ клоуна —

— когда время окончится, будетъ .. ком-

ната клоуна; тамъ онъ дѣлаетъ Яккэ — всѣмъ, всѣмъ!

Онъ — за мною, ко мнѣ, — меня взять въ свою красную комнату!

Я прижался къ нему. и онъ пахъ деревяннымъ, уже убѣгаю рѣшеніе
роковое —

— я завтра утромъ къ нему! —

— А пунцовый нашъ абазуръ
съ двумя глазами совы краснорѣчиво посматриваетъ: я — не папшъ,
не — маминъ; я — даже, не Сонинъ, я — клоуновъ.

Пунцовые отблески гонятся

— „Я помню все. тотъ мигъ краснорѣчивый,
„Которымъ вы свою любовь открыли

Засыпаю и клоунчикъ — желтокрасный! — до ужаса узаннымъ ликомъ
глядится безъ словъ
— „О, вспомни!“
— „Вѣдь это — я!“
— „Старая старина!“

Соня Дадарченко

Соня Дадарченко —

— въ желтыхъ локонахъ, съ блѣднымъ бантомъ:
какая то вся — „теплота“, которую подавали намъ въ церкви, — въ
серебряной чашкѣ —

— ее бы побольше хлебнуть:
не даютъ! —

— въ желтыхъ локонахъ: изъ подъ нихъ удивляются
два фиалковыхъ глаза на мѣр, опустились безмолвно въ меня, про-
жигая меня, бархатѣя и ластясь —

— и милымъ, и древнимъ! —

— и мнѣ

изнутри вылагая грудь — чашу, въ которой колышется сердце —
фиалковой синью и ширью, чтобъ малымъ алмазикомъ звѣздочка
прокатилась туда бы.. Сяющимъ ощущеньемъ тепла, —

— и все это вяо-

сится взглядами Сони Дадарченки, дѣвочки въ желтыхъ локонахъ,
съ блѣднымъ бантомъ. Подходить ко мнѣ

— „Ты — не папинъ!“

— „Не — маминъ!..“

— „И ты — не Раисинъ Ивановнинъ“

— „Мой!“

И хочетъ вести за собою — туда, куда катится звѣздочка малымъ
алмазикомъ.

Убѣгаю за ней.

.

Но она — отъ меня. прямо въ дверь.

Деревянная дверь въ долгихъ складкахъ портьеры свисаетъ сребри-
стыми струями, а струи слетаютъ блистающимъ токомъ. туда —

— уле-

таетъ она!

Оттуда — просунулась Сонечка: лобикомъ, локономъ, глазками, бан-
тикомъ, въ блескахъ и шелестахъ —

— милая!

Все, что было, что есть и что будетъ: теперь между нами: но локоны,
лобикъ и бантикъ пропали; и нѣтъ пачего: рябь.

И — утекло все, что было.

Ничего и не было: струи.

Что же это такое, что — есть?

Соня Дадарченко — есть: ничего больше нѣтъ.

Она водилась межъ кресель: садилась въ кресло. и раздавалось оттуда, изъ складокъ портьеры:

— „Ау!“

И я, тихій мальчикъ, сидѣлъ передъ нею, — въ малиновомъ креслѣ, съ поджатыми ножками: все, что случится, что есть и что было опять возникало межъ нами; Сонечка не посмотритъ, бывало, своими алмазными глазками; у нея закушена губка, дрожащая отъ улыбокъ, когда она, отталкивая меня отъ себя своей ручкой мнѣ что-то такое лепечетъ —

— про Диму Илѣва, котораго у Дадарченко видѣлъ я и котораго не взлюбилъ:

— „Не папы-мамина я.“

— „Не твоя я.“

— „Я — Димина...“

А сама улыбается ясенькимъ личикомъ. Это ясное личико — мило Цѣлую ее.

Пятна заката въ окнѣ догораютъ: послѣднія!

Сумерки.

Сонечку я не вижу, но — знаю, что тамъ, изъ угла два фіалковыхъ глаза безмолвно проходятъ въ меня, бархатѣя и ластясь мнѣ сѣнью и ширью, —

— куда —

— самоцвѣтная звѣздочка... скатится!..

Косякъ пурпура — на стѣнѣ; косякъ пурпура — на полу: тамъ — закатъ, на который глядятъ...

Закаты.

Въ эту пору впервые мнѣ и открылись закаты...

Закатъ: —

— все отряхнуто: комнаты, дома, стѣны, тучи: все — четко; все — гладко; земля — пустая тарелка; она — плоска, холодна и врѣзана лишь однимъ своимъ краемъ —

— туда! —

— гдѣ изъ багровыхъ

расколовъ блистаетъ онъ золотомъ, —

— тянетъ намъ руки изъ-
за багровыхъ расколовъ: и руки, желтѣя, мрачнѣютъ и пере-
ходятъ во тьму: —

— все — отряхнуто: комнаты, дома, стѣны,
тучи: все — четко; все — гладко; земля — пустая тарелка; она — плоска,
холодна; и мы — въ хрупкомъ кругѣ —

— почти на тарелкѣ! —

— А кто-то
стоитъ и глядится изъ полосатыхъ закатовъ, чтобы уйти въ старо-
давнюю, черную, эонную Древность; и до ужаса узнааннымъ ли
комъ —

— говоритъ мнѣ безъ словъ:

— „Вспомни же!..“

— „Вѣдь это — я: старая старина...“

Уже ширятся огромныя очи ночи; и возстаетъ она, ночь. и — страши-
ное, роковое рѣшеніе, —

— улыбаяся, —

— томной тайной приходитъ: —

— и мнѣ

кануть съ нимъ. отблестать въ черной Древности: —

— „За нимъ!“ —

— „Всѣ!“ —

— „Туда!..“

Но свѣтотыя пятна заката уже потухаютъ: желтокрасною леопардовой
шкурою...

Приходъ.. отъ Гутсейля

И не вѣрилъ ночамъ: —

— красноярая свора огней, мнѣ казалось, не-
слась по печамъ: накалять печи намъ.. —

— Тамъ, бывало, зіялъ раска-

ленный оскаль .. —

— Я кричалъ надъ раскаломъ.

— „Спасите!..“

— „Нѣтъ мочи!..“

Красворѣчивыя миги случались, —

— и если-бы уплотнить мнѣ при по-

мощи словъ эти миги! —

— Когда пониманія, мысли, понятія начинали кричать очень громко и пухнуть въ огромныхъ разсказахъ; а вещи нѣмѣли, струясь и расплавленно утекая, чтобъ Вѣчность, какъ вещь, возникала въ летучемъ безвещіи: и — объясняла себя —

— очень тихимъ звонкомъ къ намъ во входную дверь —

— (ни глазами, ни ухомъ его не уловилъ никто, потому что спадаютъ очками глаза; уши, тоже, — не уши: наушники) —

— звонокъ, знаю я, — отъ Гутхейля; Дуняша бѣжитъ отпирать: кто-то — желтый и красный — древнѣетъ, какъ прежде въ дверяхъ передъ дрожащей Дуняшею; —

— подаетъ картонную карточку съ краснымъ крапомъ; на другой сторонѣ — тузъ червей: —

— это сердце мое; пламенѣетъ оно, рѣшено, суждено: пронзено! —

— а картонная карточка капаетъ краснымъ крапомъ намъ на-поль

Клоунъ кланяется —

— кипарисовой, деревянной рукою откроетъ онъ деревянныя двери столовой: пологою щеткой окраситъ безтѣнныя стѣны: краснорѣчивые миги въ спокойныхъ покояхъ растутъ на обояхъ кровавыми крапами, точно древнее древо: —

— краснорѣчивые карусели кинягъ; кинятками калягъ; колесятъ краснолетомъ; и онъ — пролетѣлъ въ корридоръ: бьетъ въ упоръ:

— фыркнулъ фейерверкъ азиатскими змѣями: тѣтками

Тѣтки тикаютъ!

— „Ай!“

— „Помогите!“

— „Спасите меня“.

— „Унесите отъ тѣтокъ!“ —

— Такъ бы я закричалъ, если-бѣ могъ такъ кричать я не могъ: и я — вскакивалъ. вскакивала и Ранса Ивановна изъ бѣлѣющихъ простынь: и — чиркала спичкой; и всныхивалъ ярый мѣръ; темнота исходила багрово расколами

Утро.

Дѣтская Девять: не двигаюсь.. Десять!

Довольно.

Тамъ, бывало, Райса Ивановна заволнится сквозной рубашенкой; бѣлѣтъ босою ногою; покрадется съ чернымъ чулкомъ и съ фланелевымъ лифчикомъ:

— „Кофе готово!“

Упираюсь колѣномъ въ колѣно ея.

Она — милая, мягкая: мну ее; —

— будио мягкое платье мое, съ крупнымъ кремовымъ кружевомъ, о которое такъ пріятно тереться и которое такъ пріятно трепать, мять и рвать —

— ее

стисну: повисну на ней; и — затихну.

Рукомойники плещутъ, полощатся; мылятся руки — до локтя; намылены — личико, лобикъ: до локоновъ; все — яспѣтъ.

И ясно.

Припоминаю сегодняшній сонъ, то-есть, красную комнату клоуна: въ красной комнатѣ клоуна древняя змѣя, Я к к э, — ждала.

Можетъ быть, — еще ждетъ

Жутко и чутко: жужжатъ рукомойники: отжужжали: иду корридоромъ — туда: можетъ быть она — тамъ.

Но, бывало, войду — погляжу: безвременное временѣтъ вещами.

Столовая — мерзленѣтъ. стѣннымъ отложеніемъ, точно надводными льдами —

— на легкихъ спираляхъ, съ обой, онѣмѣли давно лепестки бѣлыхъ лилій легчайшимъ изливомъ; кружевные гардины, какъ вѣки тишайше нависли, какъ иней; смотрю —

— и окнами, какъ глазами, безъ словъ отвѣчаютъ мнѣ стѣны; и — бѣдноглазая ясность: покроетъ покоемъ.

У Дадарченоевъ была ёлка: —

— Христофоръ Христофоровичъ Помпулъ, влѣзая на стулъ, начиналъ очень громко кричать, отцѣпляя хлопучки, бросая ихъ дѣтямъ; Николай Васильевичъ Склифасовскій, чернобородый, веселый, сгибаясь подъ вѣтви, ловилъ тѣ хлопучки; свѣчи таяли, заструясь и расплавленно утекая въ безвещіе; и безвещіе трепетало огромнѣйшимъ свѣтовымъ ореоломъ вокругъ ёлочки, объясняя себя очень громкимъ звонкомъ —

— мы ужъ знали: то — ряженыи; фыркали бенгальскій огонь; въ комнату вбѣгали клоуны и желтый, и красный, но.. въ масочкѣ.

Тамара.

Поліевктъ Андрейчъ Дадарченко разъ съ Еленой Кирилловной, Со-
ниной мамой -- читали: какое-то такое... свое.

Не пойму: хорошо!

Понимаю одно я — „Тамара“.

И — Тамара сидитъ; и — Тамара молчитъ: передъ окнами, въ
окнахъ — стылое небо: дрожитъ; и —

— самоцвѣтная звѣздочка —

— въ звѣз-

долучіе ширясь падаетъ изъ огромнаго синерода, настоя изъ блестящихъ
звѣздъ, становясь —

— двулучіемъ: —

— перемѣщаются два луча вокругъ
диска; дискъ — ширится; и — лебединья перья свои протя-
нулъ онъ къ Тамарѣ, лаская Тамару сіяющимъ ощуще-
ньемъ тепла; описывалъ дуги надъ нею, качался надъ нею
въ темнѣющемъ воздухѣ: —

— и — Тамара сидитъ; и — Тамара
молчитъ: передъ окнами; въ окнахъ стылое небо дрожитъ, а какое-то
въ ней „свое“ — запѣваетъ:

„Я тотъ, которому внимала
„Ты въ полночной тишинѣ“.

Поліевктъ же Андреевичъ, Сонинъ папа, окончилъ тутъ чтеніе, при-
подымая на насъ толстый носъ, ущемленный пенснэ.

Поліевктъ Андреевичъ, изъ-за книги прояснясь, ко мнѣ наклонялся
подчасъ великаньимъ лицомъ съ преогромною лысиной

— „Тоже слушаетъ!..“

— „Нервный мальчикъ какой!..“

И принимался меня онъ подкидывать на огромныхъ, тяжелыхъ ладо-
няхъ; и напѣвалъ громкимъ басомъ:

— „Ша-ша...“

— „Антрашá!..“

— „Ша-ша-ша!“

А когда опускалъ меня на-руки онъ, то смотрѣлъ я на два бирюзѣво-
щихъ Сонины глаза; Сонечка, клонясь изъ качалки, меня цѣловала,
но я —

— простирая надъ Сонечкой руку, — я пѣлъ

„Я тотъ, которому внимала
„Ты въ полночной тишинѣ“.

Быстротечное небо кипѣло, дрожало, дышало, переливаясь звѣз-
дочкой.

Клоунъ Клёся.

Поликсена Борисовна Блещенская появлялася въ бьющихся, вьющихся лентахъ: черноглазая, съ черной мушкой на щёчкахъ; прядали пышные перья: бѣлѣло боа; точно небо на ней, стрекозятая сѣлка стекляруса вся кипѣла, дрожала. дышала, переливаясь блесками.

Поликсена Борисовна, обнимая мнѣ мамочку, сопровождала слова многимъ смысломъ, передо мною гонимыхъ значеній.

Я викалъ въ тѣ значенья: —

— являлася не наша вселенная, гдѣ и я былъ когда-то: какъ знать — до рожденія? Слушая рѣчи Блещенской, закрываю глаза —

— встаютъ комнаты Блещенскихъ: это — комнаты Космоса, гдѣ клокочуть лучи миллионами свѣтлыхъ пылиночекъ: гдѣ —

— Валеріанъ Валеріановичъ, черноусый, въ мундиръ со шпагой, встаетъ изъ-за кресла предъ яркимъ каминомъ — съ бокаломъ шампанскаго... —

— Валеріанъ Валеріановичъ, поднимая бокалъ высоко, запѣваетъ

„Ахъ сколько надеждъ дорогихъ“ .

Выпиваетъ бокалъ; разбиваетъ бокалъ. Длинный же Клёся, который не Клёся, — а — Костя („Клёся“ — прозвище Кости) — маленькій, юркій и пестрый подхватить уже:

„Сколько счастья!“

Эти рѣчи о „Клѣсѣ“, о „Клѣськѣ“, о „Клѣсинькѣ“, безъ котораго Блещенскіе не могли обходиться, который пришелъ къ нимъ зажить, имъ устраивать сферу свѣта —

— за сферою — сферу! —

— кружить эти сферы. всѣ рѣчи о „Клѣсинькѣ“ сопровождали мнѣ воспоминанія маминой жизни у Блещенскихъ: —

— гдѣ за круглымъ столомъ подають „кремъ-брюль“ въ видѣ формочки съ выступцами, гдѣ за круглымъ столомъ сидятъ дяди и тети передъ зажженными канделябрами. —

— мнѣ казалось: —

— гости тѣ — Азариновъ.

Миловзориловъ, Глянценроде, Гриневъ — быстро выско-
чатъ изъ-за кушанья и схвативъ канделябры вдругъ
пустятся въ пляску они, угоняемые подъ арку, раскрытую
Клѣсей, — гуда —

— гдѣ ихъ всѣхъ поджидаетъ драгунъ. „Дра-
конъ“ Даковъ — въ розовордяныхъ рейтузахъ, съ женою, цыганкою,
въ бархатномъ платьѣ все — Клѣся устроитъ, смѣется, съ гитарой
въ рукѣ

— „Сколько счастья!“

— „Надеждъ дорогихъ“.. —

— хохоча, подхвалываетъ Валеріанъ Вале-
ріановичъ, и въ его прытью прыщущимъ шипромъ кропитъ уже
дама — цыганка.

Эта жизнь не есть наша. а — Блещенскихъ, прытко прыщется ши-
промъ и блескомъ, разбрызганнымъ Клѣсей вокругъ, за который ему
Валеріанъ Валеріановичъ платитъ: проценты...

Что такое проценты?

Не знаю..

Вѣроятно, — горючее вещество; керосинъ, антрацитъ, или... уголь..
Валеріанъ Валеріановичъ посылаетъ лакея — за угольнымъ, тяжелѣй-
шимъ кулемъ, куль приносится... Клѣсѣ; и — жжетъ его Клѣся, пре-
вращая горючее вещество въ дымъ и блескъ. Этотъ Клѣся — искус-
никъ: чудесникъ, чудесникъ! Вѣчно бѣгаетъ по-дому, поклоняясь
блеску и треску; и — кланяясь куклою, клоунъ — онъ.

Клоунъ Клѣся есть кукла; онъ — купленъ: уступленъ; онъ — въ нар-
донку, скривленнѣй, уложится ночью: на бѣленькихъ стружечкахъ!
Встаетъ же съ зарею.

Онъ завелъ себѣ бубенъ: повѣсилъ на стѣнку себѣ, этотъ бубенъ
есть — „гонгъ“: гонгъ — гудитъ.

Существо иной жизни — Огневъ.

Клоунъ Клѣся есть кукла не нашего міра: колдунъ!

Онъ — завѣдуетъ освѣщеніемъ.

У него есть волшебный фонарь: изъ него пропускаетъ струю на
стѣны цвѣтные свои перспективы. съ цыганами, съ тройками —
даже съ извѣстнѣйшимъ тѣноромъ очереди, Огневымъ, поража-
ющимъ — всѣхъ: —

— особенно Поликсену Борисовну!..

Сотворенный клоуномъ Клесей Огневъ, появляется въ окнахъ одной фотографіи въ видѣ демона, поражая Москву (всю Москву!). —

— это все

завелъ Клёся: —

— жизнь катится имъ колесомъ на кипящихъ, Огневомъ летящихъ спираляхъ; и Валеріанъ Валеріановичъ именно оттого и сгораётъ, что Поликсена Борисовна — въ свѣтѣ: въ мазурочномъ носится пульсѣ — летающимъ, блистающимъ колесомъ, но: —

пульсѣ

этотъ Клёсиль: —

— онъ знаетъ, что знаетъ: двусмысленно улыбаясь, катитъ карету словесныхъ значеній — подъ арку: —

— въ театр! —

— иде

Огневъ! И закрываясь въ каретѣ боа —

— нападающимъ на людей! —

— По-

ликсена Борисовна внемлетъ вѣщаніямъ жизни, подсказаннымъ Клёсею.

Смыслы жизни

Валеріанъ Валеріановичъ есть полѣно, объятое пламенемъ: онъ рассыпался головешками; головешки алѣютъ, мутнѣютъ: чернѣютъ, сѣрѣютъ — ихъ нѣтъ! Фу — развѣятся!

Много полѣньевъ

Сегодня сгорѣло одно; разгорится другое на завтра.

Твердое основаніе жизни расплавлено Клёсею: многообразіемъ катимыхъ значеній: —

— а карета все катится — катится — катится на четырехъ колесахъ, въ оперетку! И закрываясь боа, какъ змѣей, въ ней въ каретѣ, сидитъ Поликсена Борисовна: съ черной мушкой, въ перьяхъ.

Огневъ: —

— вытаращивая свое черное око со сцены, косится давно въ бениуаръ Поликсена Борисовна — тамъ; загорѣлась румянцами отъ Клёсиныхъ объясненій двусмысленны, пониманія здѣсь — блески глазъ

Такъ бы я уплотнилъ смыслы словъ, передо мною встававшихъ въ то время, когда —

— Поликсена Борисовна появлялась блистательно въ бьющихся, вьющихся лентахъ, бѣлѣя боа, какъ змѣей, обнимала намъ

мамочку и уводила съ собою въ карету. —

— казалось: —

— что карета по-

мчится въ театръ (то есть, въ то, чего не было, что тѣмъ не менѣе существуетъ): въ суть иной формы жизни; карета уже улетаетъ; за ней — рядъ огней: убѣгающихъ дней: —

— въ рой тѣней!

Клоунъ Клёся хоронится тамъ, — въ туманныхъ огняхъ: набѣгающихъ дняхъ; клоунъ Клёся погонится на черноярыхъ коняхъ

Нелады

Когда Серафима Гавриловна переѣхала въ Гавриковъ переулокъ, то намъ начали назрѣвать нелады; нелады назрѣвали давно; по угламъ, по стѣнамъ: —

— все то шерохи, шопоты: Серафимы Гавриловны съ тетей Дотей:

— „То же вотъ: эти нѣжности“..

„Отнимаютъ ребенка отъ матери!..“

— „Воображаютъ, что — ихъ!“ —

— что - то тетино - дотино возникаетъ:

из — вотъ:

— „Неестественны нѣжности эти: развитіе это!“

— „Нашъ Коть: не — ихъ!“

— „Произвели бы на свѣтъ его сами“.

— „А гоже вотъ!“

— „Воображаютъ, что — ихъ“.

— „Затесались въ домъ постороннія личности“! —

— что-то тетино - до-

тино возникаетъ, и видно изъ оконъ, какъ черныя галки летаютъ надъ прутьями.

Мамочка тутъ заплачетъ; и — скажетъ:

— „Мой Коть: сюда!“

А Раиса Ивановна — въ слезы.

И уже скрипятъ половица: у приоткрытой у двери, и намъ виденъ уже: папинъ носъ; и на немъ — два очка; и онъ смотритъ оттуда.

— „Знаете ли Серафима Гавриловна. да и вы, Евдокія Егоровна, — не хорошо возстановливать мать на воспитательницу. такъ сказать“... —

— и Серафима Гавриловна уѣзжаетъ отъ насъ, въ свой дворичневый особнякъ: смутно сыплются смыслы:

— „Мой — Котъ!“

— „Котъ — сюда!“

Пуще прежняго примется плакать Раиса Ивановна. шерохи, шопоты
пуще прежняго примутся; пуще прежняго плачу въ окно — за окно.
въ ясноглавое облако.

— „Ай, ай, ай“...

— „Мой Лизочекъ: напрасно ты это, Лизочекъ“.

Папа мой повздыхаетъ; и вотъ — убѣгаетъ обратно: уткнуть носъ въ
очкахъ въ свои листики и въ корешки пыльныхъ книжекъ; и — тамъ
горестно шепчется.

— „Дифференціалъ, интегралъ!“ —

— тахъ — тахъ — тахъ! —

— барабанить

онъ по-столу пальцами

Или же: —

— онъ въ распаханутомъ, пыльномъ халатѣ бьетъ пыльною
тряпкой по толстенькимъ томикамъ; или же: —

— онъ безъ толку и проку

забрѣдить, отбарабанивая по угламъ, по стѣнамъ; и — махая линей-
кой; очень-очень намъ грустно. Раисѣ Ивановнѣ, мнѣ.

Очень-очень намъ грустно!

Намъ болоночка. Альмочка все-то тьякаетъ въ сшны; она — загры-
заетъ щенятокъ; Серафима Гавриловна, Афросинья — вотъ то же
грызутся.

— „Что —

— то —

— те —

— ги —

— до —

— ти —

— но!“ — падаютъ капельки въ руко-

мойникъ.

Грустно!

Мы сидимъ голоса Раисы Ивановны мнѣ не слышно; сидимъ: ника-
кого событія нѣтъ; да и нѣтъ — ничего; тѣ же будни, перемагаются
въ лепетѣ капелекъ время; Раиса Ивановна, милая — съ перемучен-
нымъ, мертвенноблѣднымъ лицомъ тутъ сидитъ, а — дозиращій ликъ
лети Доти изъ зеркала подымается; по краямъ сѣрыхъ стѣнъ пова-
лили на насъ безтолковые толоки: Афросинья рубитъ котлеты

Ужасъ что!

Произошло ужасъ что долго мамочка плакала; папа нашъ, заскрипѣвъ на весь домъ, громко крался къ ней въ комнату — разговаривать: наклоняся къ мамочкѣ бородатымъ-усатымъ лицомъ, на свой выпуклый лобъ приподнявши очки, приговаривалъ онъ, и поглаживалъ мамину руку огромной ладонью.

— „Лизочекъ, другъ мой: я всегда говорилъ, — пустота жизни Блещенскихъ не была наполнена, мой Лизокъ, никакимъ содержаніемъ“.

— „Не говорите: ужасно!“

И мамочка, закусивъ губку зубками, заходила по комнатамъ, шелестя своимъ креповымъ трэномъ; за ней ходилъ папа: съ линейкой въ рукѣ; приговаривалъ онъ

— „Я всегда говорилъ“.

Слушалъ я съ замираніемъ сердца я понять —

— вотъ что —

— Клоунъ

Клѣся давно уговаривалъ Поликсену Борисовну дать свиданье Огневу

— „Ахъ нѣтъ, ни за что“ — отвѣчала ему Поликсена Борисовна, но согласилась она, не снимая ретонды, боа и перчатокъ заѣхать къ Огневу, Валеріанъ Валеріановичъ это зналъ: поджидалъ у подъѣзда ее. хохоталъ; Клоунъ Клѣся — былъ съ нимъ: хохоталъ Клоунъ Клѣся.

Неправда!

Валеріанъ Валеріановичъ убѣждалъ въ тотъ же день догнать. въ Ремешки, то есть тамъ, куда то, — за Пензу.

„Сколько надеждъ дорогихъ!“

„Сколько счастья!“

Въ комнатахъ Блещенскихъ, по словамъ моей мамочки, потушили огни; тамъ живетъ только Клѣсяка. Изъ Трубниковскаго переулка намъ виденъ уже особнякъ: въ темныхъ окнахъ опущены шторы, эти темныя окна недавно еще были свѣтлыми окнами, эти темныя комнаты были: комнаты Космоса, нынѣ комнаты Космоса — темнога, пустота, о которой сказалъ съ раздраженіемъ папочка:

— „Пустота жизни Блещенскихъ. мой Лизокъ, не была наполнена никакимъ содержаніемъ“.

Содержаніе это — мое, я — наполнилъ имъ все.

Смыслы словъ обманули, и таймыя комнаты космоса оказались гемными переходами —

— комнату, комнату и комнату, —

— въ которыя если вступишь, то не вернешься обратно, а будешь охваченъ предметами, еще не ясно какими, но кажется креслами въ сѣроватыхъ, суровыхъ чехлахъ, вытарчивающихъ въ глухой темнотѣ; тамъ, оттуда —

— гремитъ гулкой шагъ; клоунъ Клёся тамъ водится: онъ похаживаетъ, погромыхиваетъ; и — кричитъ намъ оттуда:

— „Ахъ, ахъ!“

— „Сколько счастья?“

И мѣряетъ счастье — аршинами; если что нибудь вспыхнетъ тамъ, — клоунъ Клёся потушить, —

— чувствую невозможность такъ жить; не проростають понятія смысломъ: клоунъ Клёся мнѣ все потушилъ — навсегда; и мой космосъ —

— страна, гдѣ я былъ до рожденія! —

— мнѣ

стоитъ сѣрымъ, каменнымъ домомъ съ колоннами и пустоглазыми окнами въ глубинѣ Трубниковскаго переулка Разъ съ Райсой Ивановной проходили мы тамъ: шла фигурка — съ крыльца: въ переулочкѣ; длинный носъ она прятала въ свой барашковый воротничокъ. нахлобучивъ на лобъ свой колпакъ изъ барашка: то былъ клоунъ Клёся.

Нелюды — все еще.

Тетя Дотя и бабушка толкли все еще голчею; смыслы словъ смутно сыпались; мамочка въ кремовомъ кружевѣ тутъ ходила; бирюзѣ глазами на насъ; а Райса Ивановна — поникала все ниже и ниже у оконъ — поплакать.

Бывало вотъ —

— легкія локопы льются; поплачетъ, поплачетъ она, напомниманіемъ, какъ весной, надо мной, нѣжно нынетъ она; и вотъ — снѣжно. —

— ледянѣтъ морозомъ алмазная лилія; ужъ и солнце садится, и лилія прогораетъ легчайшими переливами; и лилія, алымъ кристалломъ блистая, погаснетъ.

Темно.

И уже скрипитъ половица у приоткрытой у двери папинъ шагъ; папа нашъ, заскрипѣвъ половицею, громко крадется въ комнату

утѣшать Раису Ивановну и меня отъ назойливыхъ шопотовъ Серафимы Гавриловны — мамочкѣ: будто бы меня отнимаетъ отъ мамочки наша Раиса Ивановна; зажимаетъ папочка ручку въ большія ладони; посмотреть, —

— и изъ усатого-бородатаго рта надуваетъ тепло подъ рукавчикъ: онъ — шепчетъ про небо: подъ небомъ все сгладится.

Эдакій онъ неловкій — зачѣмъ онъ скрипитъ половицею?

Онъ напортитъ намъ все!

Насъ навѣрно подслушаютъ; и — Раиса Ивановна будетъ плакать опять.

Ночь: все — пусто, огни потолками проходятъ: застыли они, кружевья, и — комнаты, какъ ковши, зачерпнули за окнами мраку; и, какъ ковши, — полны мраку; Серафима Гавриловна спряталась въ листьяхъ лапчатой пальмы: пугаюсь темнотнаго шопота.

Знаю я, что —

— Раиса Ивановна плачетъ въ кроваткѣ: трясется матрасикъ подъ ней; и я — къ ней изъ кровати поплакать вдвоемъ.

Богъ

Папа снова пришелъ; наклонился надъ лобикомъ толстеннымъ томикомъ; и прочелъ: —

— объ Адамѣ, о раѣ, объ Евѣ, о древѣ, о древней землѣ, о добрѣ и о злѣ: обо мнѣ: —

— мнѣ бы надо трудиться, учиться, молиться, чтобы мочь зарабатывать хлѣбъ нашъ насущный: и денно, и ношно.

— „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь! И остави намъ долги наши, якоже и мы...“

Воспоминаніе о потерянномъ раѣ гнететъ; и я — ходилъ въ Раѣ.

Гдѣ онъ?

Быль подъ вѣками онъ: прыщущимъ пламенемъ разверзалося древнее древо вѣтвями изъ молніи, огненностью задѣвая меня: свѣтовая смоковница силами крѣпца; глазъ оттуда смотрѣлъ, раздвигаясь, лепестясь мнѣ цвѣткомъ; голубой цвѣтокъ цвѣлъ; древо жизни мое покрывалось цвѣтами; золотое яблоко зрѣло; и вотъ: облетѣло оно, какъ и старый Адамъ, — изгнанъ я, изгнана Поляксена Борисовна изъ Трубниковскаго переулка; я боюсь, что Раиса Ивановна будетъ изгнана тоже; мнѣ надо: и денно, и ношно молиться: —

— трудиться

учиться! —

— чтобы мочь зарабатывать хлѣбъ.

— „Даждь намъ днесь!“

Поликсенъ Борисовнѣ, зная не даромъ бѣлѣло боа; боа — змѣй; да, оно, — обвивается вокругъ древа изъ блесковъ; оно водится въ старыхъ косматыхъ лѣсахъ; и зовется ужасно: „*Constrictor*“...; тамъ, въ косматыхъ лѣсахъ, состоящихъ изъ блесковъ, — боа извивается; то же! — „Избави насъ отъ лукаваго!“

Поликсена Борисовна не сняла при Огневѣ ротонды, боа и перчатокъ; и все жъ была изгнана; что же было бы ей, коль ротонду сняла бы она?

Разъ я видѣлъ Дуняшу: она — раздѣвалась; смотрѣлъ на Дуняшу, какая такая Дуняша — безъ платья: она — длинноногая.

Дуняша же вдругъ размѣялась; и мнѣ пригрозила:

— „Ни-ни!“

Я расплакался: стало мнѣ стыдно.

Какъ же такъ?

А Раиса Ивановна каждый вечеръ снимаетъ съ себя свое платье, и — нижнюю юбку: при мнѣ! Снимаетъ чулочки: стоитъ въ рубашечкѣ; даже: беретъ меня спать.

— „Ай, ай, ай!“

— „Что ей будетъ за это?“

Въ ожиданіи катастрофы я жилъ: свѣтовая смоковница силами огненно крѣпла и фейерверкъ молній — подъ вѣками: зрѣли вѣтви; и голубой цвѣтокъ зрѣлъ; но змѣя тамъ тайлась.

Въ ожиданіи катастрофы я жилъ; она и случилась однажды; мы — Раиса Ивановна, я — были изгнаны; я — изъ свѣтлыхъ міровъ; а она — на Арбатъ: за Арбатъ.

Воспоминанія.

Небывалая грусть охватила меня: —

— съ ней, съ Раисой Ивановной, было связано все, что есть; и — предметы, событія, комнаты мнѣ мѣнялись мгновенно отъ нея о нихъ мнѣній: —

— круглота, деревянная голова, мнѣ, бывало, стрекочетъ со стѣнъ очень строгими стрѣлками и блистаетъ язвительнымъ циферблатнымъ оскаломъ; но Раиса Ивановна —

— милая! —

— мягкимъ агатовымъ взглядомъ посмотреть; и —

скажетъ: —

— „Часы!“ —

— Круглота. деревянная голова, не страшить

Гдѣ Раиса Ивановна?

Затерялась, исчезла она; знаю я, что прошла —

— мимо стѣвъ, корридо

ровъ, передней, по лѣстницѣ, въ переулки и улицы; изъ метелицы —

въ вьюгу; а вьюга бушуетъ, прошли — снѣгомѣты. —

— „Туда!“ —

— „За

ней!“ —

— „Всѣ!“ —

Я ищу мою милую; втихомолку прошусь съ мамой въ городъ, въ
Пассаждь: тамъ она!

Серафима Гавриловна, бабушка мнѣ грозитъ: ее прячутъ — далѣко,

Серафима Гавриловна... загрызаетъ щенятко, а бабушка — лысая.

Мама беретъ меня въ городъ: мы на саночкахъ пролетаемъ; и — въ
саночки; переулки и улицы пролетаютъ домами; Раисы Ивановны
нѣтъ; въ этомъ розовомъ домѣ, на Кисловкѣ, можетъ быть, она
прячется; этотъ розовый домъ я люблю; пролетѣлъ этотъ розовый
домъ; пролетѣла Никитская; вотъ — Столешниковъ переулокъ; Пас-
саждь —

— зажигается газъ; въ окнахъ — лоснятся ленты; малиновѣютъ
матеріи; отъ окна — къ окну: тамъ она!

И — бѣгу прямо въ дверь: открываю —

— какая то дама стоитъ; и

бордоваго цвѣта матерія льется на-руки ей.

Но она — не она: ее — нѣтъ!

Дни текли

Вспоминаю утекшие дни: дни — не дни, а — алмазные праздники; дни
теперь — только будни: —

— дни текли вереницами въ тѣни, которыя
свѣсились съ потолоковъ, отъ угловъ, сопрягаясь въ огром-
ное многорожье, которое есть теперь: не таимая пустота,
и она мнѣ темна; и она мнѣ грустна! —

— ужъ и гости то Бле-
щенскихъ давно расхватили подсвѣчники и уморительно припустились
бѣжать — прямо въ стѣны; и продолжая безшумную скачку они

тѣневыми роями летятъ въ корридоръ: тамъ метаться огромнѣйшимъ многорожіемъ; пролетѣли они: —

— пролетѣли огни вереницами — въ дни; дни — текли; и — безглазо моргали мнѣ въ душу; ищу — подъ подушкою, подъ диваномъ, подъ кресломъ: Раису Ивановну! —

— Но подобія пусты: всѣ сказки рассказаны.
Звуки — остались.

Звуками говорила со мною она; и — садилась въ пьянино; водилась въ пьянино; и — раздавалась намъ въ комнаты.

Ходимъ съ бабушкой мы: на Пречистенскій Бульваръ — погулять; не Арбатомъ, какъ прежде, а — Сивцевымъ Вражкомъ; выходимъ —

— какая то дама ужъ ходитъ: одна — по бульвару; тамъ, тамъ она — издали:... Сядетъ тихо на лавочку; закрывая муфтою личико на меня тамъ посмотритъ; значительно посылаетъ улыбки; срываюсь я съ лавочки; —

— я хочу къ ней бѣжать, потому что это — она; моя милая! —

— За дрожавшую ручку меня моя

бабушка: хватъ!

— „Ни-ни-ни!“

Я — попался... —

— Какая то дама —

— медленно ужъ уходитъ туда, въ крылоногіе вѣтерки; убѣгаю за ней: ее — нѣтъ; крылоногіе вѣтерки набѣжали; безрукая шуба щегинится комомъ мѣха: въ снѣга; и — хлопаетъ по воздуху крыльями.

Сиротливо бредемъ мы домой — не Арбатомъ, какъ прежде, а — Сивцевымъ Вражкомъ; расколото небо, багрово мрачнѣетъ оно; переходитъ во тьму.

Чернорогіе ночи мои, чернорогіе дни!

По вечерамъ мнѣ никто не читаетъ — о милой моей королеви; о королеви я думаю; и лучики лампы расширились мнѣ въ блѣднѣяныя блески развернутыхъ крыли; и глосъ, забытый и древній —

— какъ прежде! —

— поетъ:

Я плакалъ во снѣ..
Мнѣ снилось: меня ты забыла..
Проснулся.. И долго, и горько
Я плакалъ потомъ..

Умираетъ во мнѣ жизнь какого то звука: не мѣняетъ значеній, не гонитъ значеній; объясненіе — не возженіе блесковъ уже, потому что комнаты Блещенскихъ Клесей потушены, а объясненіе папино, что эта жизнь есть пустая, мнѣ — мракъ; объясненіе это сдуваетъ всѣ блески; пониманіе мнѣ —

— превращеніе клоуна Клеси въ фигурочку пустыхъ комнатъ; получаетъ проценты она; и за векселемъ вексель она предъявляетъ, грозя Поликсенѣ Борисовиѣ подметными письмами.

Все я сиживалъ, мальчикъ въ матроскѣ, въ штанишкахъ —

— (это все мнѣ сшили недавно: штанишки!.. Все кончено! Математики близко!) —

— прислушиваясь, какъ похаживалъ, погромыхивалъ Клёся: тамъ — за стѣнкой; бабушка тамъ, бывало, сидитъ, копошится: не понятна она; мнѣ страшна. И вотъ — думаю: —

— бабушка... это... это...
какое то: то — да не то... коричневатое сутулое; и — шершаво жующее ртомъ: —

— „Эй!

— „Ты!

— „Бабушка“.. —

— Но очкастая бабушка

мнѣ грозитъ:

— „Ни-ни!“

— „А то Клёся придетъ...“

— „А то Клёся возьметъ“..

А ужъ Клёся — тамъ, близко: я лѣзу подъ столъ: да, я знаю, что знаю; и — никому не скажу: —

— какъ она жуётъ ртомъ; и какъ смотритъ она очань злыми глазами: я знаю, что бабушка... это... это... старуха: —

— „Возьмите!“

— „Спасите!“

— „Поймите!“..

Между тѣмъ.

Между тѣмъ: —

— былъ же мѣръ жизни Блещенскихъ, гдѣ гусарь Миловзориловъ въ малиновомъ ментикѣ гремѣлъ ясной шпорой и гдѣ красногрудый гвардеецъ Гриневъ гордо выпятилъ грудь, гдѣ раскинувши въ воздухѣ фалды фрака двубакій Азариновъ завивалъ легкій вальсъ въ бѣломъ блескѣ колоннъ, гдѣ на вѣющихъ вальсахъ носился и я въ бѣломъ блескѣ: —

— обманъ это все: —

— потому что Азарѣновъ, Миловзориловъ и Гриневъ припустились бѣжать другъ за другомъ, тѣнѣя, вливаясь въ стѣны, сливаясь въ огромное многорожіе мнѣ безглазо моргающихъ тѣней и поджидая меня въ корридорѣ: устраивать скачки безшумныхъ своихъ косяковъ вокругъ меня: —

— тѣни свѣсятся съ по-

толковъ, мнѣ протянутся отъ угловъ: и —

— уродливымъ роемъ

проходятъ по комнатамъ...

Я себя вспоминаю вторымъ математикомъ, отвергающимъ ранніе смыслы мой и не могущимъ еще мнѣ составить внѣ этихъ отверженныхъ смысловъ — одинаго смысла, которымъ живетъ математикъ: мой папа. Онъ меня обѣщаетъ учить: онъ даритъ мнѣ букварикъ: —

— букварикъ —

не шарикъ: —

— катается шарикъ;

букварикъ откроешь — беззвучно пурпурится буква: наука... —

— безъ звука!

Блестящая, но... „опасная“ личность.

Я не знаю, когда это было: —

и было ли? —

— помню тонкій, но громкий

звонокъ: —

— къ намъ вошелъ „духовникъ“ —

— о дыханіи, духовен-

ствѣ, духовности, духѣ я слышалъ: „духовникъ“,

это — духъ, у Престола подьемлющій руки, а послѣ — ходящій по улицѣ въ черной шляпѣ съ полями и съ длинными

волосами: — вышелъ „духовникъ“, обвисающій волосомъ: волоса,

опустясь на глаза, фосфорически ясные блескомъ, упали на плечи подъ круглою шляпой съ полями; гремѣлъ онъ калошами (громы — дѣйствія духовъ); и высѣлся отблескъ во мнѣ —

— о добрѣ и о злѣ! —

— уподобляемый блеску солнца, упавшаго очень громко на насъ; и во мнѣ родилось ощущение себя мыслящихъ мыслей, мятущихся крылорогими стаями: —

— ожи-

данія приподымались во мнѣ! —

— лебединыя перья коснулись меня: мнѣ сіяющимъ ощущеньемъ тепла, которое подавали намъ въ церкви — въ серебряной чашечкѣ...

„Онъ“ стоялъ передъ мамою; чернокосая борода, чернокосая голова и до ужаса узнаанный ликъ освѣтили сознаніе мнѣ; вылѣзая изъ крылій огромной крылатки, какъ двулучіемъ, встряхивалъ крыльями, прошелъ онъ въ гостинную; надломился, сѣлъ въ кресло: качался крылатою головою, въ темнѣющемъ воздухѣ.

И казалось: —

— приподыметъ, сниметъ съ кресла, качаясь въ темнѣющемъ воздухѣ; подхвативши меня, онъ со мною помчится сквозь окна: —

— зажжемся за окнами: тысячесвѣтѣмъ въ тысячелѣтіяхъ времени, осыпаясь пѣсней безъ словъ, которую въ старинѣ онъ пѣвалъ: —

— невыразимости, небывалости состоянія лежанія его головы въ волосахъ, падающихъ на глаза и на плечи изъ сумерокъ и крыловидно порхающихъ въ разговорѣ напали своимъ многимъ смысломъ. —

— Хотѣлось, —

— чтобъ мамочка окропила его опонаксомъ „Пино“, или шипромъ: многій прыщущій смыслъ прытко прыщущимъ шипромъ!.. —

— Крылорогими

стаями рой себя мыслившихъ мыслей носился по комнатѣ...

Онъ исчезъ, какъ то вдругъ.

Владиміръ Соловьевъ.

Разсуждали у насъ о какомъ то Владимірѣ Соловьевѣ — прохожемъ: —

— безъ проку и толку онъ ходитъ его принимаютъ за чорта!
— „Блестящая, знаешь ли, личность!“

— „Опаснѣйшій человѣкъ!“ —

— говорилось у насъ.

Казалось: —

— Владиміра Соловьева я видѣлъ: и есть онъ — тотъ самый (а кто — ты не знаешь); и тѣмъ самымъ взглядомъ глядитъ (а какимъ — ты не знаешь) — незабываемымъ никогда!

Выраженіе „опаснѣйшій человѣкъ“ вызывало во мнѣ представленіе объ опасностяхъ, сопряженныхъ со странствіемъ по домовымъ корридорамъ —

— въ который войдешь, чтобъ итти, все итти, все итти, пока —

— не будешь подхваченъ „опаснѣйшимъ“ Владиміромъ Соловьевымъ, шагающимъ къ дальнимъ цѣлямъ; и — ожидающимъ въ корридорѣ — попутчиковъ: къ дальнимъ цѣлямъ; это странствіе напоминало впоследствии мнѣ: —

— странствіе по храмовымъ корридорамъ вѣдомаго египтянина въ сопровожденіи космоголового духа съ жезломъ —

— до таймой комнаты блеска, откуда показывается сама Древность въ сѣдинахъ и пышныя руки разводитъ свои изъ Золотого Горба, чтобы —

— вмѣстѣ съ Владиміромъ Соловьевымъ, склониться уже у завѣсы, какъ полныя тайны фигурки на деревянномъ шкапу, что склоняются темнородными пятнами перепиленныхъ суконъ изъ деревянныхъ волоконъ, — какъ бы изъ-за складокъ; —

— Древность склонится тамъ подъ Золотымъ подъ Горбомъ; а Соловьевъ подъ крылаткою; Соловьевъ тамъ протянетъ свои необъятныя руки; и разведетъ тамъ ладонями —

— образы посвященныхъ переживались мною впоследствии такъ! —

— Соловьевъ, знаю я, станетъ тутъ: ослѣпительно блистающей личностью; и онъ бросится сквозь завѣсу —

— пролетъ въ небеса! —

— на развернутыхъ крыльяхъ крылатки: —

— блистанія этого Владиміра Соловьева тамъ, въ дѣляхъ, крылаткой и ликомъ напомнитъ двулучіе съ яснымъ дискомъ въ срединѣ.

Я былъ у Дадарченкокъ: —

— съ дѣвочкой, Сонечкой, мы сидѣли вдвоемъ: въ тѣневомъ уголку; было мило и древне; посмотрѣли мы съ Сонечкой на гостей; тутъ пришелъ — этотъ самый: до ужаса узнааннымъ ликомъ смотрѣлъ; и — безъ словъ говорилъ.

Невыразимое чувство: —

— я его впоследствии узнавалъ, неоткрытымъ въ своей остротѣ, но мнѣ глухо звучащимъ подъ образами и событіями жизни — въ произведеніяхъ искусства, въ грохотѣ городовъ, между двухъ подъѣздныхъ дверей; болѣе всего — на ребрѣ хеопсовой пирамиды, въ часъ тихій вечера, когда солнце Египта зловѣще отускивалось въ подпирамидной пыли; и — плавали золотокарие сумерки

Закаты.

Удивляюсь закатамъ: тамъ кто-то блистаетъ въ багровыхъ расколахъ, крылые косяки на стѣнахъ: пятна пурпура, тая, проходятъ; со стѣнь — круглота —

— деревянная голова! —

— огрызнется багрово оскаломъ; миллиономъ багровыхъ пылинокъ пересыпаются лучевые столбы; облачко — ясноглаво; и — пламеннымъ ободомъ ополчинилось въ небо оно; всѣ — уставились въ рубинныя окна: моргаютъ въ закаты.

Иногда за окнами — дымы: морозы! Яснолапья облака обвисаютъ тогда черноватыми дымами; и падая въ дымы, блистаетъ оттуда дискъ солнца краснѣющей, самоварною мѣдью; высоко - высоко - высоко — прояснятся краснороги надъ крышами; то —

— закатъ, на который глядятъ ..

Закатъ: —

— все отряхнуто: комнаты, дома, стѣны; все — четко; все — гладко; земля — пустая тарелка; она — плоска, холодна; и — врѣзана однимъ своимъ краемъ туда: —

— гдѣ —

— изъ багровыхъ расколовъ до ужаса узнааннымъ дискомъ огромное солнце къ намъ тянетъ огромныя руки; и руки —

— мрачнѣя, желтѣютъ; и — переходятъ

во тьму

Духи.

Бабушка -- все то шепчетъ о духахъ; поминаньице --

--- лиловая кни-

жечка! --

--- все, бывало, съ ней рядомъ!

И -- думаю: --

--- о дыханіи, духовенствѣ, духовности, духовникахъ и о духахъ; духовникъ, это -- духъ, у престола подъемлющій руки; напоминаетъ онъ солнце съ лучами -- съ двумя конусами своихъ парчевыхъ рукавовъ; свѣтовыми крылами онъ бьетъ, какъ громами; и облачится въ глаголы, какъ... въ свѣты: --

--- Иоанникія, Митрополита Коломенскаго и Московскаго видѣлъ я!..

.....
Представленіе о духовныхъ благахъ и цѣнностяхъ очень ярко въ мнѣ -- неопикуемыхъ, непонятнѣйшихъ въ неопикуемыхъ, въ непонятнѣйшихъ состоянняхъ сознанія переживаю я духовъ по образу и подобію ладанныхъ клубовъ, взлетающихъ --

--- изъ подкинутой чашечки!

Золотые, духовные люди къ намъ ходятъ... изъ Церкви; а въ Церкви кадятъ: --

„Благослови, владыко, кадило“ --

--- помню я этотъ возгласъ!

Кадило... моя голова, когда начинаю раздумывать я обо всемъ о духовномъ.

Какъ бы это мнѣ выразить?

.....
Закрываю глаза: догоняю думами духовъ; представляются --

--- трепеты.

блески подъ вѣками; ощущаются: трепеты дѣтскаго тѣла; въ трепетахъ прорастаетъ -- глава; прорастаютъ руки и грудь мнѣ травой, тихо зыблемой вѣтромъ; трава зацвѣтаетъ цвѣтами; пестрѣйшія образования цвѣта-свѣта -- маячатъ, летятъ, улетаютъ; отхлынуло все мнѣ во мнѣ; въ тѣневое темное море растаяла пѣна изъ блесковъ. Тогда... --

--- Что тогда?

Не умѣю сказать.

Кадило.

Невыразимости, небывалости лежанія сознанія въ головѣ, неизреченныя рѣчи духа —

— сказалъ бы я —

— были. неизреченнымъ его проростаніемъ въ мое дѣтское тѣлице: проростаніемъ впечатлѣній въ рои ощущеній; въ сознаніи упала преграда меня духомъ и „я“; наполнялось сознаніе жизнью его, какъ протянутой въ пальцы перчатки рукою; сознаніе выворачивалось — изъ меня самого: и — распускалось цвѣточною чашею — надо мною самимъ (голубой цвѣтокъ цвѣтъ): духъ слеталъ въ эту чашу: —

— въ это время чувствовалъ я —

— давленіе костей черепа: сжималась моя голова; ощущались мнѣ не поверхности мозга —

— (обычно мы мыслимъ поверхностью мозга), —

— а центры, ощущенія моей головы мнѣ являлись какъ бы: прощупьями мозговыхъ оболочекъ въ вещества жизни мозга; все вливалось мнѣ — внутрь отливало мнѣ въ сердце; внутри себя внутрь себя отходило мнѣ все ощущалась моя голова мнѣ на уровнѣ носа; вотъ она мнѣ — орѣхъ на моемъ языкѣ; я глотаю орѣхъ; ощущеніе переходитъ мнѣ въ горло: сжимается горло; все, что выше — истаяло: мозгъ, его оболочки, кость черепа, волосы ощущаютъ себя не собой, а изливами пляшущихъ, себя мыслящихъ мыслей въ громадинѣ безголовыхъ пустотъ улетающихъ на спираляхъ своихъ —

— крылорогими стаями!

Холоднѣло, легчало пространство былой головы; раскрываясь въ спираляхъ развернутыхъ листьевъ и вѣточекъ: —

— спиральное расположеніе листьевъ растеній теперь вызываетъ во мнѣ впечатлѣнія крѣпнущей мысли, растущей спиралями, гдѣ законъ повторенія слѣдуетъ — черезъ три. черезъ пять, черезъ шесть: —

— цвѣтокъ розы построенъ законами пентаграммы; и гексаграмма есть лилія.

Мнѣ казалось —

— ничего внутри: все во мнѣ — все во внѣ: проросло, излилось — существуетъ, танцуетъ, и кружится: „я“ —

„не-я“: все, что было мнѣ мною когда то,—теперь —

— безголовое, про-
сѣдаетъ во мракъ голова провалилась; въ ея мѣстѣ есть странная
сфера бленій вокругъ единого центра.

Многоочиты, но обращенный въ себя круголетъ переживалъ
себя: —

— „внутри!“

Но это „внутри“ было — „внѣ“: „внѣ“ сидѣвшаго тѣла, еслибы: —

„внутри“ мнѣ вообразить, сфера влитыхъ излетовъ —

внутри! —

— мнѣ напомнила-бъ: сферу бушующихъ перьевъ
мнѣ кроющихъ сферу горящаго лика подъ нами, ко мнѣ
низлетѣвшаго множествомъ прыщущихъ крылій: я —

духомъ: я — въ духѣ!

Сидитъ безголовое тѣло; сложило оно мертвенѣвшія ручки на креслицѣ.
сидитъ себѣ — такъ себѣ, внѣ себя; и — само по себѣ: —

Котъ Летаевъ.

Гдѣ „я“? И — какъ такъ? —

— И почему это такъ, что у него: „не я“ — „я“?
Не было блѣдно-каштановыхъ локоновъ, падающихъ на глаза и на
плечи: одна лишь безглавица; и — крыловидно порхала она, точно
прыщущей изъ сіяющей чашечки дымъ: —

— „благослови, владыко
кадило!“

Еще—вотъ

Еще вотъ —

— я сяду на креслицѣ: чувствовать въ креслицѣ: —

— отли-
вало все въ сердце: набухало во мнѣ тепленѣвшее сердце; въ рукахъ
зажигались пожары. вѣтрами; они выбивали изъ рукъ: вылетали изъ
рукъ мнѣ, какъ... руки; и эти мнѣ „руки изъ рукъ“ изливались
подъ лобикъ, какъ . въ пару перчатокъ: —

— сказалъ бы я нынѣ: —

— мой

полушарія мозга стремительно плавилась и перьями блестящихъ крылій, разбивъ черепные покровы, они принимались дрожать: процвѣтать; и мощною прорѣзью крылій переживалось содержание внѣ-мысленныхъ ощущеній моихъ себя волящихъ чувствъ: —

— переживались: —

— птицею, принадлежащей къ безголовому тѣлу съ просунутой длинной шеею —
— горлышкомъ! —

— въ сердце. птица думала сердцемъ моимъ, надувало его лучевымъ изліяшемъ солнца, пролитаго въ руки; въ мѣстѣ отверженной головы бились крылья, и — волили взмахами: неподвижное тѣлице являло мнѣ чашу. мысль — „голубку“; вылетала-ль, влетала-ль голубка — не знаю: казалось: —

— многообразіе положеній сознанія относительно себя самого; воображалось летающимъ многокружіемъ; многокружіе потомъ размыкалось; оно становилось двулучіемъ съ яснымъ дискомъ въ срединѣ; двулучіе билось двукрыліемъ; а дискъ улеталъ на двулучія. отъ меня — надо мной; онъ описывалъ дуги: леталъ, перелеты его съ головы на постельку, на шкапчикъ, на стѣны меня занимали; качался крылами въ темнѣющемъ воздухѣ; и шумно снимался; въ сияющихъ перьяхъ бросался — за мною, ко мнѣ и... въ меня снять мнѣ „Я“ и летѣть съ нимъ чрезъ форточку въ безконечность —

— тысячесвѣтіемъ въ тысячелѣтіяхъ времени!

Котикъ Летаевъ, оставленный нами, сидѣлъ, просѣдая во тьму своимъ креслицемъ; можетъ быть видѣлъ онъ бѣлоснѣжныя блески рѣсницъ —

- свѣтъ изъ глаза! —

— и можетъ быть. леб-диныя перья по немъ проходили сияющимъ ощущеньемъ тепла. сквозь него самого Комната прояснѣетъ, бывало; онъ знаетъ — летитъ существо иной жизни; порхать, трепетать, съ нимъ играть.

„Мы“ же — „мы!“ —

— Ты тысячесвѣтіемъ въ тысячелѣтіяхъ времени мы неслись, появлялся Наставникъ и неся за нами стародавними пурпурами; и. ты, ты, ты, ты нерожденная королева моя — была съ нами, обнималъ тебя я, — въ моихъ снахъ — до рожденія: ты родилась потомъ, долго-долго плутали по жизни, но встрѣтились послѣ узнали другъ друга —

— Я плакалъ во снѣ .
Мнѣ снилось меня ты забыла.
Проснулся... а слезы все льются
И я не могу ихъ унять

Послѣ встрѣтилъ тебя: нынѣ снова — далѣко, далѣко моя королева
— Простираюсь къ тебѣ. И — къ Наставнику:
— „Вспомните!“

Если бы въ этихъ мигахъ моихъ мнѣ вошло полноеуміе будущихъ
дней и освѣтило бы то тѣло, и если бы — тѣло умѣло бы „ви-
дѣть:“ —

— увидѣло бы: наше небо съ землею, Москвою, Арбатомъ,
квартирой и Котикомъ, пронизаемымъ крыльями невѣроят-
ной вселенной. вселенная: —

— птицею спускалась въ него,
передъ собой она видѣла — нѣтъ не Котика, а — пустую, глухую
дыру —

— темя Котика! —

— въ которую —

— вотъ-вотъ-вотъ. точно въ гробъ.

оно ринется!

Всѣ лежанья сознанья подѣ черепомъ — странно-ужасны.

Котикъ — маленькій гробикъ!

Двулучье

Какъ бы ни было: —

— духа видывалъ я. онъ —

— сіяніе, двулучье отъ него

отлетаетъ; два луча бѣгутъ вокругъ диска; сольются, нагонятъ другъ-
друга; духъ тогда, какъ звѣзда; изъ нее излетаетъ, какъ выстрѣлъ,
огромныя лезвія лучевыя: мнѣ въ сердце; духъ — мечъ

И онъ мнѣ грудь пронзилъ лучемъ
И сердце трепетное вынулъ.
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверзтую водвинулъ

А то, раздвоясь. закачается дугами крыли; и тихо распухнетъ точно
древо цвѣтами, — своими лучами; и нѣтъ его: отдашь себя онъ лучамъ;
а лучи, —

— фосфорѣютъ, мутнѣя во мракѣ, двумя лопасями, какъ...
лили; знаю я, отчего ангель... съ лиліеи.

Лили возникали во мнѣ, и лили ли изъ меня выростали, въ меня ливростали — не знаю; казалось я иногда въ лепесткахъ; лепестки ясно свѣтятся, облакають собой; я — въ одеждѣ изъ свѣта.

Я духовную ризу носилъ: облакался въ одежду изъ свѣта; воображение облакало въ духовность меня; и былъ въ блескѣ я: знаю я: —

— я —

сгустился изъ блеска, меня выстрѣлили ангелъ. я — лучъ, раздвоенный въ излучину; ангелъ себя отдалъ мнѣ: онъ во мнѣ; безконечные годы излучина, фосфорически омутиввала во мракъ двумя полукружьями крыльи; и медленно обростали они костяными наростами. черепа: —

— такъ два полукружья мозга, быть можегъ, сгущенныя крылья, еслибы развернулись они, — разорвался бѣ мнѣ мозгъ; онъ — духовная пряжа; онъ — чехоль; духъ тянулся къ нему; облакался въ него, начинали вздрагивать думы: и Котикъ Летаевъ сидѣлъ, какъ...

.. Тамара!..

И — „Тамара“ сидитъ. И — „Тамара“ молчитъ

Про меня говорили одни:

— Вотъ „талантливый мальчикъ“ .

— „Онъ — развитъ...“

Другіе уже говорили

— „Онъ — глупъ...“

— „Дурачокъ...“

— „Все молчишь...“

— „Не имѣетъ сужденій своихъ...“

— „Ну, Котикъ, скажи что-нибудь.“

— „Отчего ты молчишь?“

Но, бывало, во мнѣ все сожметса: становится точкою, не умѣю высказать ничего; все-то думаю: что бы такое придумать: —

— слова — кирпичи:

чтобы выразить нужно упорно работать мнѣ въ потѣ лица надъ сложеніемъ тяжкокаменныхъ словъ; взрослые люди умѣютъ проворно сложить свое слово

И слышу:

— „Да онъ не имѣетъ сужденій...“

И я становлюсь на карачки: виляю имъ хвостикомъ, — къ спинкѣ приложенной ручкой.

И слышу:

— „Вотъ видите?“

— „Я говорю...“

— „Обезьянка какая то“.

Мнѣ такъ больно!

Многообразіе положеній сознанія относительно себя самого все танцуетъ бывало безобразнымъ, вѣющимъ смысломъ: летаетъ своимъ многокружіемъ, какъ яснѣющимъ дискомъ во мнѣ; и — размыкается дугами; мысль течетъ выстрѣломъ странныхъ ритмовъ; вздрагиваетъ все мое существо: безотвѣтно, мгновенно взрывается, не разрѣшается образомъ; и — улетаетъ сквозь окна.

Въ головѣ моей вѣтеръ — всегда: повѣстуетъ мнѣ вѣтеръ въ трубѣ о летающемъ космосѣ.

— Ну-ка, ну-ка — скажи.

Нѣмота тяготитъ.

Что сказать?

— „Глупый мальчикъ: не развить!“

А какъ мнѣ развиться? Мамочка запрещаетъ развиться; развитие — страшно; быть — глупенькимъ мнѣ.

Я поплачу.

Штанишки не въ пору: тѣснятъ они, жмутъ меня; кожу я матросомъ — съ огромнымъ и розовымъ якоремъ, но... безъ словъ; и отвѣчая на ласки, я трусь головою о плечи; изъ подъ блѣдно-каштансвыхъ локоновъ дозирую я міръ: о, какъ странно!

Нѣтъ, не нравится міръ: въ немъ все — трудно и сложно.

Понять ничего тутъ нельзя.

Беатриса Павловна Безбардд.

Тетя Дотя — бѣдная; и — бѣдная бабушка; мнѣ ихъ жаль. бѣдныя — тетя Дотя и бабушка!

А были — богаты.

Оттого то онѣ все у насъ: и обѣдаютъ, и ночуютъ; то — одна, то — другая; а то — обѣ вмѣстѣ; и — ссорются вмѣстѣ; мы то вотъ ночевать никуда не пойдёмъ.

Тетя Дотя на службѣ, на Брестской желѣзной дорогѣ; и ходитъ на станцію — ночевать: черезъ два дня — на третій; а бабушка вяжетъ косынки: костяными крючками; и когда пусть нашъ домъ, у нея въ глазахъ пойдутъ пятна; и вотъ только по этому она потянется въ кухню: заводитъ тары-бары — о томъ, какъ она была... въ соболяхъ и въ какія ленты рядилась, и въ какія кареты садилась, и какъ изъ Ирбита она получала въ подарокъ мѣха чернобурой лисицы —

— бабушкѣ

выходъ на кухню была нашей мамочкой воспрещень; но, бывало, бабушка въ кухнѣ Петровича, Афросиньяна мужа, угащивала табачкомъ, раскуряемой „путаной крошкой“.

Тетя Дотя и бабушка проживаютъ въ кваргиркѣ о трехъ только комнатахъ, платятъ двадцать пять рублей серебромъ, да еще — съ дядей Васей, съ чиновникомъ; онъ ходитъ въ Палату съ портфелемъ подъ мышкой, съ кокардою на околышѣ козырька и съ двумя бакенбардами; его прозвище — англичанинъ; онъ еще все выпиваетъ... съ Лѣтковымъ; и этотъ самый Лѣтковъ — роковой челоуѣкъ.

Дядя Вася приходитъ къ намъ рѣдко: устраивать контры и обозвать генеральшею. . нашу мамочку; это просто не то; просто чортъ знаетъ что; это все — Беатриса Павловна Безбардо; и — говорить на ушко.

А что „это все“, о чемъ на ушко?

Беатриса Павловна Безбардо?

И никто — низачто: а не то — произойдетъ замѣшательство: тетя Дотя надуется и жалобнымъ голосомъ примется намъ описывать печальное положеніе своей жизни; а бабушка — плачетъ.

Папа же — имъ обѣимъ.

— „Вы, Василиса Михайловна, да и вы, Евдокія Егоровна, — вы, скажу вамъ, вы Василя-то Егорыча, знаете, оставьте въ покоѣ; онъ — молодой челоуѣкъ; „это все“ — такъ въ порядкѣ вещей; и потомъ — это „все“ такъ давно“.

А вотъ что „это все?“

Весна.

Протемнѣли халвою снѣга; и была всѣмъ халва: на лоткахъ у разносчиковъ; и утекали сосульки на капелькахъ — въ слякоть; саночки задѣвали полозьями слякоть; гнулись старыя спины извозчиковъ въ слякоть; и воющимъ вѣтромъ валилось пространство — на землю; и земной шарикъ бѣжалъ во всемъ этомъ.

Очень страшно: что дѣлать?

Прослякотился и Арбатъ; уже онъ обсыхалъ; отколотили палками мебель; ножичкомъ отскоблили замазку, вынули стаканчики съ ядомъ и валики съ ватой; вымыли намъ окошко, и солнце заширилось блестящимъ за стеклоглазымъ окошкомъ; огромные краснороги заогневѣли за крышами — подъ вечеръ. Погрохатывало.

Разъ прошелъ дождичекъ: позеленѣли всѣ крыши, а тугопучныя почки открылись — на красноватыхъ жердяхъ, за заборикомъ, гдѣ пѣсикъ пѣсику пробовать усѣсться на спину: позеленѣли всѣ жерди; и закричало на насъ Дорогомилово — грохотомъ; и стало выбрасывать

на Арбатъ: ломовыхъ, фабричныхъ и конья, поѣхала пестрая фура: „Шиперко“...

Разъ стояли мы на желѣзномъ мосту надъ бутылочной мутной водой, раздробленной въ громкіе бѣлострун; я бросилъ весенній подарочекъ, зайчика — туда въ бѣлострун, и плачущимъ привели меня къ бабушкѣ, гдѣ дядя Вася съ Лѣтковымъ продолжали уписывать кашу съ масломъ, а черноглавый Лѣтковъ пзъ-подъ гущи усовъ засверкалъ намъ глазами.

Мамочка говорила имъ всѣмъ про плохую московскую мостовую и разгораясь щеками, вспоминала она Петербургъ: —

— какія красоты тамъ, какая торцовая мостовая, какие гусары, какъ они говорятъ, что ѣдятъ — у Поликсены Борисовны и у Большого Медвѣдя: рассказывала про Мариинскій театръ и про то, какъ она налила стаканъ чаю Великому Князю и какъ Великій Князь игралъ въ карты... —

— Бабушка натирала „П у т а н о й К р о ш к о ю“ — табачкомъ — шелестящую пачечку гильзъ, а тетя Дотя — моргала глазами, вздыхала: на желѣзной дорогѣ ей нѣтъ: — Петербурга; и нѣтъ ей — гусаровъ: телеграфистки — вообще ужасно не комъ-иль-фо, а телеграфисты — нахалы. Вотъ уже принесли калачи: дядя Вася — представьте, — безъ всякаго грубіанства сталъ тихонько наигрывать на гитарѣ.

„Наклонншь ты свою головку
„И на него поглядишь;
„Но знаю я твою уловку
„Ты только ревность мою дразнишь“

— А Лѣтковъ, изъ-подъ

гущи усовъ меланхолически подпѣвалъ вотъ уже они переглянулись и надѣли пальто.

Мое новое платье — жметъ. и мнѣ грустно; и я — вспоминаю: погибшаго зайчика; вспоминаю и то, что намъ у насъ разставлены сундуки, что туда уложено очень многое; что-то намъ приготовлено; что-то будетъ — не знаю: вѣтрами повалили пространства; ужъ и гремѣло надъ нами. и земной шарикъ бѣжалъ — во все это. Мнѣ очень странно.

Мракъ неизвестности.

Зналъ ли я, что опять мы поѣдемъ... — въ Касьяново: въ изумрудныя, кипяція кущи — и къ изумрудному пруду, гдѣ бѣгутъ стальные

отливы подь липы и ивы; —

— и какие пойдуть пироги намъ съ грибами! —

— гдѣ съ огромной террасы подь ясными днями будемъ мы распивать молочко, гдѣ самый воздухъ не воздухъ, а резедовый настой; гдѣ бѣгутъ облака — кудластыя, растормошенныя, ясныя, а то дымныя, съ громомъ — къ бирюзѣющей дали, а въ воздухъ хрустальѣть надь прудомъ трескучее крыло коромысла; гдѣ изъ зелени встала — стародавнимъ каменнымъ шлемомъ и моховатымъ лицомъ однорукая статуя со щитомъ; гдѣ желтѣютъ маслята и гдѣ композиторъ Чайковскій проживаетъ отъ насъ въ четырехъ верстахъ: въ Фроловскомъ; гдѣ Иванъ Ивановичъ Касьяновъ въ горькомъ запахѣ розъ проповѣдуетъ намъ печально про возстаніе всѣхъ противъ всѣхъ и про то, что насъ всѣхъ перерѣжутъ; гдѣ по огромной аллеѣ, потрясая въ воздухѣ дурандаломъ, ожесточенно забѣгаетъ папа, несогласный на то, чтобы насъ перерѣзали; гдѣ по ночамъ завываютъ собаки и совы, а надь могильнымъ крестомъ возникаетъ покойный полковникъ Пупонинъ и тихо несетя въ кустахъ на Касьяновскій паркъ.

Зналь ли я, что —

— пріѣдетъ къ намъ офицеръ съ эполетами, изъ города Витебска, что надѣвши бѣлый свой туго-стянутый китель будетъ онъ проходить въ старый паркъ и рассказывать всѣмъ, какъ за мѣсяць поправился онъ въ касьяновскомъ воздухѣ, и отмахнувшись пахучей акаціей отъ танцующихъ комаровъ, позабавить насъ анекдотами о командирѣ полка и о витебской барышнѣ.

Зналь ли я: —

— что подь самую осень, когда по дорожкамъ закружить шурша, желтолистіе и красноглавый осинникъ зарѣетъ на небѣ стеклянномъ, когда —

— проступаютъ холодныя пятна подь окнами каменной дачи и цокаетъ красная бѣлочка, —
— офицеръ съ эполетами прихворнетъ —

— и уѣдетъ отъ насъ, вдругъ на что-то надувшись, съ болѣзною сѣдалищныхъ нервовъ. въ свой Витебскъ; и мы переѣдемъ за нимъ: на Арбатъ.

Воспоминаніе о Касьяновѣ въ это лѣто миѣ блѣдно; оно связано болѣе всего съ игрою въ крокетъ офицера, съ отплясываніемъ имъ лезгинки по вечерамъ, предь зажженнымъ огнемъ и съ болѣзною сѣдалищныхъ нервовъ, которой боялся я долго.

Распятіе.

Мнѣ безсказочно все въ этотъ годъ, но я переполненъ какой то невинною правдою; провозгласи ее я, — и огромное Слово опустится въ слово мое, и — новые блески зажгутся; и ко мнѣ склоненные старики — папа мой, Поліевкѣтъ Андреичъ Дадарченко, Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ, Сергѣй Алексѣевичъ Усовъ, мой крестный, — огромную правду мою понесутъ по мірамъ. затрясутъ очкастыми головами: и — рывкнуть.

— „Воистину такъ это, Кошкѣ!“

Но — нѣмъ: —

— Правду высказать невозможно: она горитъ въ сердцѣ, къ которому опускаю глаза — опускаю: смотрѣть себѣ въ грудь, во мнѣ подымается жестъ; двѣ ладони подымаю мнѣ. воздухъ: у сердца. и этотъ воздухъ мнѣ — сладкій

Онъ — вѣетъ въ лицо мое

Чѣмъ?

Взрослые говорятъ обо мнѣ; тетя Дотя и Серафима Гавриловна представляются мнѣ очень злыми: онѣ ненавидятъ огромное Слово, которое спустится въ слово мое (я не знаю, когда это будетъ); распнуть меня —

— о распятіи слышалъ я.

Старики подбѣжали ко мнѣ: и чего-то ждуть; окружаютъ меня добродушною ласкою, вынуждая меня преждевременно развиваться; Поліевкѣтъ Андреичъ Дадарченко мнѣ поетъ:

— „Ша-ша-ша антраша!“

А Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ въ щетинистой шубѣ приноситъ мнѣ сладкой настилки; подноситъ мнѣ папа букварикъ

И — старческій шепотъ стоитъ вокругъ меня и мнѣ кажется, что вотъ-вотъ они склонятся передо мною съ дарами, — тайть, молчать, вспоминать, какую то древнюю правду, которой касаться нельзя, которую вспоминаешь безропотно, вспоминаешь тогда —

— объ Адамѣ, о раѣ, объ

Евѣ, о древѣ, о древней змѣѣ, о добрѣ и о злѣ.

Папа, Ѳедоръ Ивановичъ, Сергѣй Алексѣевичъ Усовъ составили себѣ представленье объ Евѣ и древѣ; и ждуть отъ меня подтвержденія своихъ словъ, воображаю внослѣдствіи я себя стоящимъ среди нихъ; и мнѣ видится жестъ мой: —

— стою, опустивши рѣсницы; и — съ бьющимся сердцемъ; двѣ ладони — ладонь подъ ладонью! — все

свлятся приподнять въ сердцѣ данное слово мнѣ къ горлышку; въ горлышкѣ что-то тѣснить; и слеза ясно зрѣеть; но слово — неподнято; въ полуоткрытый мой ротикъ повѣяло сладкимъ вѣтромъ моимъ: двѣ ладони приподняли къ роту — только воздухъ пустой; слова нѣтъ; я — молчу... —

— И мнѣ грустно: я ничего не скажу; еслибы я и сказала, то слова мои обманули бы ихъ, отвергая дары; потому что я знаю, что знаю: мнѣ кусочекъ рябиновой пастилы не говорить ничего; пастила будетъ съѣдена; и отъ этого ничего не случится; скажи это я, — знаю я — огорчится мой другъ, Федоръ Ивановичъ Буслаевъ; и какъ сказать папчкѣ, что букварикъ его непомятенъ и чуждъ вовсе мнѣ (откроешь — беззвучно пурпурится буква: наука безъ звука) Какъ сказать мнѣ, что клоунчикъ выросъ огромнѣйшимъ Клѣсей и погасилъ всѣ огни погасилъ древо жизни подъ вѣками, что чудесная вѣсть — объ Адамѣ о раѣ, объ Евѣ, о древѣ, о добрѣ и о злѣ! — лишь пустой особнякъ въ глубинѣ Трубниковскаго переулка..

Я себя вспоминаю понижшимъ: мнѣ грустно; дары окружающихъ меня ласкою грѣющихъ стариковъ лишь обломки... рухнувшихъ космосовъ и стародавнихъ громадъ, о которыхъ давно повѣствуетъ мнѣ вѣтеръ въ трубѣ, что ихъ — нѣтъ: и туда, въ это „нѣтъ“ побѣжалъ земной шарикъ; букварикъ мнѣ ихъ не вернетъ

Между тѣмъ: уже бабушка, тетя Дотя и старая дѣва, Лаврова, обижены ожиданьями; и когда они не исполнятся, то есть, —

— когда косматая стая старцевъ, шепчасъ, и одѣвая печально шершавыя шубы уйдетъ отъ меня, то —

— то придвинется стая женщинъ съ крестомъ положить на столъ; и меня на столѣ, пригвоздить ко кресту.

О распятіи на крестѣ уже слышалъ отъ папы я Жду его.

Эпилогъ.

Мигъ, комната, улица, происшествіе, деревня и время года, Россія, исторія, міръ — лѣстница расширеній моихъ; по ступенямъ ея я всхожу... къ ожидающимъ, къ будущимъ людямъ, событіямъ, къ крестнымъ мукамъ моимъ; на вершинѣ ея — ждетъ распятіе; мое платье изъ пунцоваго шелка, отсюда, изъ этого мига, мнѣ кажется багрянницей моею; мнѣ кажется: я тащу на себѣ деревянный и плечи ломающій крестъ; стая вороновъ обгоняетъ меня, задѣвая крылами; въ клювахъ ихъ все желѣзные гвозди: проткнутый, я повисну на нихъ; представляется мнѣ: вѣтеръ рветъ багрянницу; подъ бременемъ падаю я: у ногъ моихъ яма; съ годами она зарастаетъ невнятными травами.

Ступень за ступенью открыты мнѣ спереди.

Ожидаютъ меня.

Ожидаютъ меня: мои новые миги; и — новыя комнаты —

— комнаты,

комнаты! —

— изъ которыхъ назадъ мнѣ вернуться нельзя: и глаза мои расширяются; и — невидящимъ взоромъ гляжу я въ пространство. происшествія нарастаютъ деревней и временемъ года; шумы времени ожидаютъ меня, ожидаетъ Россія меня, ожидаетъ исторія; изумленіе, смятеніе. страхъ овладѣваютъ: исторія заострилась вершиной; на ней.. будетъ крестъ; я поставлю его. будетъ онъ мнѣ послѣдней ступенью къ огромному міру: на нее... должно взлѣсть; подъ ногами моими мнѣ будетъ сумятица жизни, толпа, на которую буду взирать — невидящимъ взоромъ, обнимая руками огромныя перекладины дерева.

Мое слово могло бы родиться не прежде.

Проидуть за ступенью ступень: мигъ, комната, улица, происшествія
временъ года, Россія, исторія, мѣръ

Это все — впереди.

Позади же дѣйствительность, о которой я думаю нынѣ, что она — не
дѣйствительность; но она и не сонъ.

— „Что все это?“

— „И— гдѣ оно было?“

Если бы ощущенія эти остались мнѣ въ моихъ будущихъ дняхъ,
еслибъ въ темное это мѣсто вошло полноуміе моихъ будущихъ дней
и освѣтило бы мнѣ возстаніе моей младенческой жизни, тогда
бы —

— въ мѣстѣ сознанія бы оказался провалъ; сознанія въ нашемъ
смыслѣ, гдѣ —

— (что то мучилось краснымъ пожаромъ, въ
мучени вспыхнуло „я“ — мое „я“, исходя въ окрыленныхъ
огняхъ, какъ въ крылахъ) —

— вспыхнуло Солнце, Око, и меня
отторгнувши, изъ меня излетѣло, оставивъ связь блесковъ, между
собою и мною: мои комнаты Космоса!

Мои комнаты Космоса мнѣ остались подъ вѣками долго въ годахъ
угасали они. Они вспыхнули — послѣ.

Я прошелъ состояніе тепловое внутри его вспыхнуло Солнце; ян-
лось, излетая яснѣющимъ дискомъ и освѣщая меня, какъ луну — ста-
родавними мѣрами; внутри нихъ вытвердѣла земля: въ ней живеть
нынѣ „я“.

Знаю я, — будетъ время: —

— (когда оно будетъ не знаю) —

— буду развѣ-
ятыи въ себѣ, съ пригвожденнымъ, разорваннымъ тѣломъ, душою,
въ разрывы страданій моихъ устремлять долгій взоръ; задымятся
событія мнѣ стародавними клубами; отверденѣлый мой коростъ раз-
сѣдется на-двое: и полукружіе сновъ вновь нальется яснѣющимъ
дисккомъ; полетитъ ко мнѣ дискъ (будто бросится солнце на землю),
ежигая меня.

Вспыхнетъ Слово, какъ солнце, —

— это будетъ не здѣсь: не теперь.

Самосознаніе мое будетъ мужемъ тогда; самосознаніе мое, какъ мла-
денецъ еще: буду я вторично рождаться; ледъ понягій, словъ, смы-
словъ — сломается: проростетъ многимъ смысломъ

Эти смыслы теперь мнѣ: ничто; а всѣ прежніе смыслы: невнятица
шелеститъ и порхаетъ она вокругъ древа сухого креста; повисаю въ
себѣ на себѣ.

Распинаю себя.

Стая вороновъ черныхъ меня окружила и каркаетъ: закрываю глаза
и въ закрытыхъ рѣсницахъ: блескъ дѣтства.

Перегорѣвшія муки мои — этотъ блескъ.

Во Христѣ умираемъ, чтобъ въ Духѣ воскреснуть.

Андрей Бѣлый.

НИКОЛАЙ КЛЮЕВЪ

Избяныя пѣсни.

Памяти матери.

Четыре вдовицы къ усопшей пришли. .
(Крича бороздили лазурь журавли,
Сентябрь-скопидомъ въ котловинъ сундуки
Съ сынкомъ Листодеромъ сыпаль мѣдяки).
Четыре вдовы въ поминальныхъ платкахъ,
Та съ гребнемъ, та съ пепломъ, съ рядниной въ рукахъ,
Пришли, положили поклонъ до земли,
А послѣ съ ковригою печь обошли,
Чтобъ печка-лебедка, бѣла и тепла,
Какъ допрежъ. сытовне хлѣбы пекла.
Посыпали пепломъ на куричій хвостъ.
Чтобъ немочь ушла. какъ мертвецъ, на погостъ.
Хрущатой рядниной покрыли скамью,—
На одръ положили родитель мою

Какъ ель подъ шелою вздохнула изба,
Въ углу зашѣталася тѣней гурьба,
Въ хлѣвушкѣ замукалъ сохатый телокъ,
И вздулся, какъ парусъ, на грядкѣ платокъ, —
Дохнуло Молчанье... Одни журавли,
Какъ витязь побѣду, грубили вдали

. Мы матери душу несемъ за моря,
Гдѣ Солнцеву зыбку качаетъ Заря
Гдѣ въ красномъ покоѣ дубовы столы,
Отъ мисъ съ киселемъ словно кипень бѣлы
Тамъ Митрій Солунскій, съ Миколою Власъ
Святыхъ обряжаютъ въ камлоть и атласъ.
Креститель Иванъ, съ ендовы расписной
Ихъ поить живой Іорданской водой.. ”

Зардѣлось оконце.. Закатъ золотарь
Щастъ въ избу незваный,—„Принесъ-де стихарь—
Умершей обнову, за пѣсни въ бору.
За думы въ разсвѣтки, за сказъ въ вечеру..
А вынось блюсти я съ собой приведу
Сутемки, Зарянку и внучку Звѣзду;
Скупцу жъ Листодеру чрезъ мокреть и гать
Велю золотыя ширинки постлатъ“

Лежанка ждет кота, пузанъ-горшокъ хозяику,—
Объявятся они, какъ въ солнечную старь,
Мурлыкъ будетъ блинъ, а печку-многознайку
Насытятъ щаныи царь и гречневая гарь.

Въ окнѣ забрежить лучъ—волхвующая сказка,
И вербой расцвѣтетъ ласкающій уютъ,
Запечныхъ бѣсенятъ хихиканье и пляска,
Какъ въ заморозки ключъ, испуганно замрутъ

Увы, напрасенъ сонъ. Кудахчетъ тщетно рябка,
Что крошекъ нѣтъ въ зобу, что сумракъ такъ унылъ,—
Хозяика въ небесахъ, съ мурлыки сшита шапка,
Чтобъ дѣдовскихъ сѣдинъ буранъ не леденилъ

Лишь въ предразсвѣтный часъ, лѣсной, снотворной мязгой.
На избяную тварь нисходитъ утомонъ,
Какъ будто нѣтъ Судьбы, и про блины съ котягон
Блюды печной дозоръ, шушукаетъ заслонъ.

Отъ сугтемоуь до звѣздъ, и отъ звѣздъ до зари
Бѣль бересты, зыбь хвой и смолы янтари,
Перекличка гагарь, водь дремучая дремь,
И въ избѣ, какъ въ дуплѣ, рудо-пѣгая темь,
Отъ ловушекъ и шкуръ лисій таежный духъ,
За оконцемъ туманъ, словно гагачій пухъ,
Журавлиный пролетъ, ропоть ливня вдали,
Надъ поморьемъ лѣсовъ облаковъ корабли,
Надъ избою кресты благосѣнныхъ вершинъ..

Снять въ землѣ дѣдъ и мать, я въ потемкахъ одинъ.
Чую сѣть на стѣнѣ, самопрялка въ углу.
Какъ соята съ гнѣзда, заглядѣлись во мглу.
Сиротѣють въ укладѣ шушунъ и платокъ,
И на отмели править поминки челнокъ,
Ель гнусавить псаломъ: „яко воскъ отъ огня“..
Далеко до лѣсного желѣзнаго дня,
Когда боръ, какъ кольчужникъ, доспѣхомъ гремитъ—
Королевну-Зарю полонить норовить.

Хорошо въ вечеру, при лампадкѣ.
Погрустить и поплакать втишокъ,
Изъ рѣзной, низколобой укладки
Недовязанный вынуть чулокъ,

Ненаѣдою-гостемъ за кружкой
Усадить на лежанку кота,
И слѣдить, какъ лучи надъ опушкой
Догораютъ видѣньемъ креста,

Какъ бредеть позадь дремлющихъ гуменъ
Оступаясь, лохматница-мгла...
Все по старому: дѣдъ, какъ игумень,
Спать лаханъ и притихла метла.

Лишь чулокъ, какъ на отмели верши,
И съ котомъ раздружился влубокъ.
Есть примѣта: гдѣ милый умершій,
Тамъ пустоеть кольцо, иль чулокъ.

Тамъ божничныя сумерки строже
Дѣдъ безмолвенъ, провидя судьбу,
Глубже взоръ и морщины... О, Боже—
Завтра годъ, какъ родная въ гробу!

Шестокъ для кота, что амбаръ для попа,
Къ нему не заглохнетъ кошачья тропа:
Зола, какъ перина,—лежи, почивай,—
Приснятся снѣтки, просяной каравай.

У матери-печи одно на умѣ:
Теплынь убережь, да всхрапнуть въ полутьмѣ:
Недаромъ въ глухой, свечерѣвшей избѣ,
Какъ парусу въ ведро, дремотно тебѣ.

Ой, вороны-сны, у невѣсты моей
Не выклевать вамъ безпотемныхъ очей!
Летите къ мурлыкѣ на теплый шестокъ,
Куда не заглянетъ прожорливый рокъ

Гдѣ странники годы почили золой,
И безперечь хнычетъ горбунъ-домовой
Ужели плакида запечный жилецъ
Почуялъ разлуку и сказки конецъ?

Кота-жь лежебока будите скорѣй,
Чтобъ былъ на сторожѣ у чуткихъ двери,
Мяукаль бы злобно и хвостъ распушилъ,
На смерть трасогузую когти острилъ.

Осиротѣла печь, заплаканный горшокъ
Съ таганомъ шепчутся, что умерла хозяйка.
А за окномъ чета доврчивыхъ сорокъ
Стрекочеть: „близокъ май, про то, дружокъ, узнай-ка!
Узнай, что снигири въ лѣсу справляютъ свальбу,
У дятла-кузнеца облѣзъ отъ стука зобъ,
Что ввѣривши жуку подземную усадьбу
На солнце вылѣзъ кротъ—угрюмый рудокопъ.
Что тянуть журавли, что проболталась галка
Воришкѣ-воробью про первое яйцо“...

Изждалась бадья, вихрастая мочалка
Тоскуетъ, что давно не моется крыльцо.
Теперь бы плескъ воды съ веселою уборкой,
Въ окнѣ кудель лучей и сказка безъ конца...
За печкой домовой твердить скороговоркой
О томъ, какъ тихъ погостъ для новаго жильца,
Какъ шепчутся кресты о вѣчномъ, безымянномъ.
Чѣмъ сумеркъ паперти баюкаетъ мечту.
Насупилась изба. И окомъ оловяннымъ
Уставилось окно въ капель и темноту.

Весь день поучатся правдѣ Твоей,
Какъ вешнюю озимь ждаты свѣтлыхъ гостей,
Въ раю избяномъ, и въ затишьи гумна
Поплакаты медово, что будетъ „она“.
Задремлется дѣду, лучина замретъ,—
Безплотная гостыя въ свѣтелку войдетъ.
Поклонится Спасу, погладитъ внучаты,
Какъ травка лучу улыбнется на платъ:
Виситъ, дескаты, сирый, хозяйкѣ взамѣнъ.
Повыкованъ вѣничикъ изъ облачныхъ пѣнъ:
Очелье—алмазъ, по бокамъ изумрудъ—
Трехъ отроковъ пещныхъ и ангеловъ трудъ.
Пѣтухъ кукарекнетъ, забрезжитъ свѣтень,
Въ дверяхъ засіяетъ Медомтовъ вѣнецъ;
Пречудный святитель войдетъ съ посошкомъ.
Въ пастушьихъ лапотцахъ, повитый лучемъ.
За нимъ, умѣряючи крыль паруса,
Предстанетъ Иванъ—грозовая краса:
Онъ съ чашей крестильной, и голубъ надъ нимъ..
Всю ночь поучаюсь я тайнамъ Твоимъ.
Заутра у бурой полнѣе удои,
У рябки яичко, и весель гнѣдой.
А тамъ, гдѣ святые росю прошли,
Съ курлыканьемъ звонкимъ снуютъ журавли:
Чтобъ сизыя крылья и клювъ укрѣпить,
Имъ надо росы благодатной испить

Зима изгрызла бокъ у стога.
Вспорола скверды, но вдомякъ
Буренкъ пѣгая дорога
И грай нахохленныхъ сорокъ.

Сороки хохлятся—къ капели,
Дорога пѣга—быть теплу.
Какъ лещъ наживку, ловятъ ели
Луча янтарную иглу.

И лучъ обѣжитъ въ переполохѣ,
Нырять въ хвой, въ зыбь вѣтвей...
По вечерамъ коровьи вздохи
Снотворнѣй бабкиныхъ рѣчей:

„Къ веснѣ пошло, на рѣчкѣ глыбоко,
Буренка чуетъ водополь“...
Изба дремлива, словно зыбка,
Гдѣ смолкли горести и боль.

Лишь въ поставцѣ, какъ скряга злато,
Теленъе числя и удой,
Подойникъ съ кринкою щербатой
Тревожатъ сумракъ избяной.

Въ селѣ Красный Волокъ пригожій народъ,
Лебедушки дѣвки, а парни, какъ медь,
Въ моленныхъ рубахахъ, въ бѣленыхъ портахъ,
Съ малиновой рѣчью на крѣпкихъ губахъ;
Старухи въ долгушкахъ, а дѣды—стога,
Ихъ рассказы внукамъ милѣй пирога:
Вслушатыся усищи, и киноварь словъ
Выводить узоры пестрѣй теремовъ.
Моленна въ селѣ—семискатный навѣсъ:
До горняго неба семь нижнихъ небесъ,
Ступенчаты крыльца, что часъ, то ступень,
Всѣхъ двадцать четыре—заутренній день.
Рундукъ запорожный—пречудный Фаворъ,
Гдѣ плоть убѣлится, какъ пѣна озеръ,
Бревенчатый коробъ—утроба кита,
Гдѣ спасся Іона двуперстьемъ креста.
Озерная схима и куколь лѣсовъ
Хоронять село отъ людскихъ голосовъ.
По Пятничнымъ зорямъ, на хартіи водъ,
Всевышнія притчи читаетъ народъ:
„Сладчайшаго Гости готовьтесъ принять!
Грядетъ Онъ въ нощи, яко скимень и тать;
Будь парнемъ женатый, а парень, какъ дѣдъ“...
Полощется въ озерѣ маковый свѣтъ,
Въ пѣганяя глуби уходитъ столбомъ
До сердца земного, гдѣ праотцовъ домъ.
Тамъ, въ саванахъ блѣдныхъ, соборы отцовъ
Ждутъ радужныхъ чаекъ съ родныхъ береговъ:
Летятъ онѣ съ вѣстью, судьбы бирючи,
Что поправа Бездна и Ада ключи.

Коврига свѣжа и духмяна,
Какъ росная пожня въ лѣсу,
Пушисть у кормилицы мякишъ,
И бѣль, какъ бересто, исподъ.

Она—избяное свѣтило,
Лучистѣе дѣтскихъ кудрей:
Въ чуланъ загляни ненарокомъ—
Въ лицо тебѣ солнцемъ нахнетъ.

И въ часъ, когда сумерки вяжутъ,
Какъ бабка, косматый чулокъ,
И хочется маленькой Машѣ
Сытоваго хлѣбца поѣсть—

Въ ржаномъ золотистомъ сѣяньи
Коврига лежитъ на столѣ,
Ножу лепеча: „я готова
Себя на закланье принести.“

Кусокъ у малютки въ подолѣ—
Въ затонѣ рыбачій карбасъ:
Поломана мачта, пучиной
Изгрызаны днище и руль,—

Но свѣтлая радость спасенья,
Прибрежная тишь послѣ бурь,
Зарѣютъ въ ребяческихъ глазкахъ,
Какъ ведренный, синій Іюль.

Вешнія капли, солнопекъ и хмара,
На соловомъ плесѣ первая гагара,
Духъ хвои, бересты, проглынувшій щепень,
Темью—сонь-липуша, розказни, да гребень.
Тихій, мѣрный ужинъ, дни ночлега лавка,
За оконцемъ мѣсяць—Божья камилавка,
Сонъ сладимѣй сбитня, пѣтухи съ просонокъ,
Въ зыбкѣ снигиренкомъ пискнувшій ребенокъ,
Надъ избой сутемки—дѣдовская шапка,
И въ углу божничномъ съ лестовкою бабка...
Отъ печного дыма ладонь пуцъ сладимѣй,
Молвь отшельницъ елей: „иже херувимы.“
Вновь капли бусы, солнопека складень...
Думъ—гагаръ пролетныхъ не исчислить за день.
Пни—лѣсные дѣды, въ дуплахъ гудъ осинѣй,
И отъ лыжъ пролужья на тропѣ лосиной.

Бродитъ темень по избѣ,
Спотыкается съ просонокъ.
Балалайкою въ трубѣ
Заливается бѣсенокъ:

Трынъ, да брынъ, да тере-рень...
Чу! Заутренне звонны!
Богородицына тѣнь,
Просіявъ, сошла съ иконы.

Въ дымовище сгинулъ бѣсъ,
Печь, какъ старица вздохнула:
За окномъ бугоръ и лѣсъ
Зорька въ сыту окунула.

Тамъ, минуячи зарю,
Ширь безвѣстныхъ плоскогорій,
Одолѣть судьбу-змѣю
Скачетъ пламенный Егорій.

На задворки вышелъ Власть
Съ вербой, въ вѣнчикѣ сусальномъ...
Золотой, воскресный часъ
Просіявшій въ безначальномъ.

Судьба-старуха нижетъ дни,
Какъ зерна бусь—на нить:
Мелькнетъ игла—и вотъ они,
Кому глаза смежить.

Блеснетъ игла—опять чередъ
Любить, цвѣты срывать...
Не дологъ день, и кратокъ годъ
Нетлѣнное создать.

Все прахъ и дымъ. Но есть въ вѣкахъ
Богорожденный часъ,
Онъ въ сердобольныхъ деревняхъ
Зовется Свѣтлый Спасъ.

Не потому-ль родимыхъ сель
Смиренномудренъ видъ,
Что жизнедательный глаголъ
Имъ явственно звучить,

Что небо теплитъ имъ огни,
И Дѣва-благодать,
Какъ тихій ленъ спрядаетъ дни,
Чтобъ вѣчное соткать?

Рыжее жнивье—какъ книга,
Борозды—древняя вязь,
Мыслить начетчица-рига
Свѣтлымъ рѣченьямъ дивясь.

Поть трудолюбца Юля,
Сказку кряжистой избы,—
Все начертала косуля
Въ книгѣ народной судьбы.

Полно скорбѣть, человѣче,
Счастье дается въ чередь!
Тучку—клубъ шерсти овечьей
Лѣшева бабка прядеть.

Вѣтромъ гудить веретище,
Маревомъ тянется нить:
Время въ глубокомъ мочищѣ
Лень съ конопелью мочить.

Изморозь стелеть рогожи,
Зябнетъ калины кора:
Выдубить бѣлыя кожи
Дѣду приспѣла пора.

Зыбку, съ чепцомъ одѣяльце
Прочить болѣзная мать,—
Знай, что кудрявому мальцу
Тяжкой по осени стать.

Что начертала косуля
Все оборотится въ быль...
Эхъ-ма! Лебедка Акуля,
Спой: „не шуми чернобыль!“

Николай Клюевъ.

ЕВГЕНІЙ ЗАМЯТИНЪ.

Островитяне.

Повѣсть.

1. Иностранное тѣло

Викарій Дьюли — былъ, конечно, тотъ самы Дьюли, гордость Джесмонда и авторъ квити „Завѣтъ Принудительнаго Спасенія“. Расписанія, составленныя согласно „Завѣту“ — были развѣшаны по стѣнамъ библіотеки М-ра Дьюли. Расписание часовъ приема пищи; расписание дней покаянія (два раза въ недѣлю); расписание пользования свѣжимъ воздухомъ; расписание занятій благотворительностью; и, наконецъ, въ числѣ прочихъ — одно расписание, изъ скромности не озаглавленное и специально касавшееся М-съ Дьюли, гдѣ были выписаны субботы каждой третьей недѣли.

Первое время, случалось, М-съ Дьюли сходила съ рельсъ и пыгалась въ неположенный день сѣсть къ викарію на колѣни или заняться благотворительностью въ неурочное время. Но всякій разъ М-ръ Дьюли съ ослѣпительной золотой улыбкой (у него было восемь коронокъ на зубахъ) и съ присущимъ ему тактомъ — объяснялъ:

— Дорогая моя, это, конечно, пустячное уклонение. Но вы помните главу 2-ю моего „Завѣта“: жизнь должна стать стройной машиной и съ механической неизбѣжностью вести васъ къ желанной цѣли. Съ механической — понимаете? И если нарушается работа хотя бы маленькаго колеса.. Ну, да вы понимаете..

М-съ Дьюли, конечно, понимала. Съ книгой, она опять надолго усаживалась у окна. Жила, тосковала между главъ романа. Черезъ годъ въ зеркалѣ съ удивленіемъ видѣла новую морщинку у глазъ. какъ, неужели — годъ? День и другой не могла читать. У окна, въ странномъ ожиданіи, глядѣла на улицу, на вылѣзающихъ изъ краснаго трамвая; на быстрыя, распухающія облака. А М-ръ Дьюли, поглядывая на часы, занимался покаяніемъ, физическимъ трудомъ,

благотворительностью — и радовался. такъ стройно и точно работаетъ машина.

Къ сожалѣнію, ни одна машина не обезпечена отъ поломки, если въ колеса попадаетъ инородное тѣло. Такъ случилось однажды и съ машиной викарія Дьюли.

Было это въ воскресенье, въ мартѣ, когда М-ръ Дьюли возвращался домой послѣ утренней службы въ церкви Сэнтъ-Инохъ. Жужжали велосипеды, М-ръ Дьюли морщился отъ ихъ назойливыхъ звонковъ, отъ слишкомъ свѣтлаго солнца, отъ nepозволительнаго галдежа воробьевъ

М-ръ Дьюли уже переходилъ черезъ улицу къ своему дому, когда вдругъ изъ-за угла вывернулся красный автомобиль. Викарій остановился, по привычкѣ своей — заложилъ руки назадъ и перебиралъ пальцами, какъ будто отсчитывалъ: во-первыхъ, во-вторыхъ, въ третьихъ. И на „въ третьихъ“ увидѣлъ: передъ мчащимся краснымъ автомобилемъ медленно шелъ субъектъ. Вѣроятно, это медленно — было не болѣе полусекунды, но было именно такъ: медленно шелъ, и викарій успѣлъ запомнить громадные квадратные башмаки, шагающіе, какъ грузовой тракторъ, медленно и непреложно.

Красный автомобиль крикнулъ еще разъ, квадратные башмаки мелькнули въ воздухѣ очень странно — и автомобиль сталъ. И тотчасъ остановилась вся улица. Столпились и вытягивали головы: кровь. Бобби записывалъ хладнокровно номеръ автомобиля. Рыжій джентльмэнъ изъ публики насѣдалъ на шоффера, кричалъ и размахивалъ руками такъ, что казалось — у него было, по крайней мѣрѣ, четыре.

— Несите же въ домъ! — кричалъ четверорукій. — Чей это домъ? — несите...

Тутъ только викарій Дьюли очнулся, отвѣтилъ себѣ: мой домъ, схватился за квадратные башмаки и сталъ помогать пронести раненаго мимо двери. Но маневръ не удался.

— Гелло, М-ръ Дьюли! — крикнулъ четверорукій джентльмэнъ. — Ваше преподобіе, вы разрѣшите, конечно, внести его къ вамъ?

Викарій радостно показалъ четыре золотыхъ зуба:

— Ахъ, О'Келли, это вы? Конечно же — несите. Эти автомобили — это просто ужасно. Вы не знаете — чей?

Но О'Келли уже былъ гдѣ-то внутри, и передъ викаріемъ качались квадратныя, мѣртвыя подошвы любителя прогулокъ подъ автомобилями. Викарій шелъ сзади и съ тоской загибалъ пальцы:

— „Завтракъ. Двѣ страницы комментарій къ „Завѣту“. Полчаса — въ паркѣ... Посѣщеніе больныхъ...“.

Все это — погубло. Великая машина викарія Дьюли остановилась. Въ запасной спальнѣ свѣтлосѣрый ковѣръ закапали кровью, а на кровати, пустовавшей годы, водворилось инородное тѣло

Сейчасъ долженъ былъ прѣхать докторъ. Время завтрака — четверть второго — давно уже прошло, и викарій въ библіотекѣ ломалъ голову надъ временнымъ расписаніемъ. Если, въ самомъ дѣлѣ, все передвинуть на три часа, то обѣдъ придется въ одиннадцать, а посѣщеніе больныхъ — въ часъ ночи. Положеніе было нелѣпое и безвыходное.

Когда господинъ викарій занимался въ библіотекѣ — входъ туда былъ, конечно, строгойше воспрещенъ. И если М-съ Дьюли теперь стучалась въ дверь — вѣроятно, произошло особенное.

— Послушайте, Эдвардъ, это же немыслимо... — щеки у М-съ Дьюли горѣли. — Тамъ докторъ, а Кемблъ не хочетъ раздѣваться, скажите ему вы. Это же просто немыслимо!

— Кто это — Кемблъ? Тотъ — наверху? — викарій треугольно поднялъ брови.

„Этотъ наверху“ — Кемблъ — лежалъ теперь, открывши глаза.

Докторъ промылъ слипшіеся въ крови, свѣтлые волосы. Съ головой оказалось благополучно, но изъ горла шла кровь, были какія-то внутреннія поврежденія, а Кемблъ упрямо отказывался снять пиджакъ.

— Послушайте, вѣдь вы же можете такъ... Богъ знаетъ что. Вѣдь надо же доктору знать, въ чемъ дѣло... — М-ръ Дьюли съ ненавистью глядѣлъ на тяжелый, квадратный подбородокъ Кембла, упрямо мотавшій: нѣтъ.

— Послушайте, вы же, наконецъ, въ чужомъ домѣ, вы заставляете всѣхъ насъ ждать... — М-ръ Дьюли улыбнулся, оскаливъ золото восьми злыхъ зубовъ.

Подбородокъ дергался. Кемблъ поблѣднѣлъ еще больше:

— Хорошо. Я согласенъ, если такъ. Только пусть уйдетъ эта лэди.

Викарій и докторъ разстегнули пиджакъ М-ра Кембла. Подъ пиджакомъ оказалась крахмальная манишка и затѣмъ непосредственно громадное, костлявое тѣло. Рубашки — и званія не было.

— Э? — вопросительно-негодующе поднялъ брови викарій и взглянулъ на доктора. Но докторъ былъ занятъ: осторожно прощупывалъ правый бокъ.

Внизу, въ гостиной, викарій такъ и бросился на доктора:

— Ну что же? Ну какъ онъ?

— Мм... извиняюсь: неважно... — докторъ застегивалъ и разстегивалъ сюртукъ. — Два ребра, и можетъ быть — кой-что похуже: извиняюсь. Дня черезъ три выяснится. Надо бы его только не трогать съ мѣста.

— Какъ, не тро... — хотѣлъ крикнуть М-ръ Дьюли, но тотчасъ же улыбнулся золотой улыбкой: — Бѣдный молодой человекъ, бѣдный, бѣдный...

Весь вечеръ М-ръ Дьюли бродилъ по комнатамъ, непрестанный, и былъ полонъ ощущеніями поѣзда, сошедшаго съ рельсъ и валяющагося — вверхъ колесами — подъ насыпью. М-съ Дьюли носилась гдѣ-то тамъ со льдомъ и полотенцами, М-съ Дьюли была занята. Опрокинувшійся поѣздъ былъ предоставленъ самому себѣ.

Въ половинѣ двѣнадцатаго викарій Дьюли отправился спать — или, можетъ быть, не столько спать, сколько передъ сномъ изложить свои соображенія М-съ Дьюли. Но кровать М-съ Дьюли была еще пуста.

Случилось это въ первый разъ за десять лѣтъ супружеской жизни, и викарій былъ опеломленъ. Лежалъ, вперивъ неморгающіе, какъ у рыбъ, глаза, въ бѣлую пустоту сосѣдней кровати, создавались въ пустотѣ какія-то формы. Била полночь.

И вышло очень странное: созданная изъ пустоты М-съ Дьюли — отрицательная М-съ Дьюли — подѣйствовала на викарія такъ, какъ никогда не дѣйствовала М-съ Дьюли тѣлесная. Вотъ немедленно же, сейчасъ же, нарушить одно изъ расписаній — немедленно же видѣть и осязать М-съ Дьюли...

Викарій приподнялся и позвалъ — но никто не откликнулся: М-съ Дьюли была занята тамъ, у постели больного, можетъ-быть — умирающаго. Что же можно возразить противъ исполненія долга милосердія?

Тикали часы. Викарій лежалъ, аккуратно сложивъ руки крестообразно на груди, какъ рекомендовалось въ „Завѣтѣ Спасенія“ — и старался убѣдить себя, что спитъ. Но когда часы пробили два — авторъ „Завѣта“ услышалъ самого себя, произносящаго что-то совершенно неподходящее по адресу „этихъ безрубашечниковъ“. Впрочемъ, справедливость требуетъ отмѣтить, что тотчасъ же авторъ „Завѣта“ мысленно загнулъ палецъ и отмѣтилъ прискорбное происшествіе противъ среды, отъ 9 до 10 вечера, гдѣ стояло покаяніе.

2. Пенснэ.

М-съ Дьюли была близорука и ходила въ пенснэ. Это было пенснэ безъ оправы, изъ отличныхъ стеколъ съ холоднымъ блескомъ хрусталя. Пенснэ дѣлало М-съ Дьюли великолѣпнымъ экземпляромъ класса *spectacled women* — очкатыхъ женщинъ — отъ одного вида которыхъ можно схватить простуду, какъ отъ сквозняка. Но, если говорить откровенно, именно этотъ сквознякъ покоришь въ свое время М-ра Дьюли: у него былъ свой взглядъ на вещи.

Какъ бы то ни было, совершенно достоверно, что пенснэ было необходимымъ и, можетъ быть, основнымъ органомъ М-съ Дьюли. Если

говорили о М-съ Дьюли мало знакомые (это были, конечно, прїѣзжіе), то говорили они такъ.

— А, М-съ Дьюли.. которая — пенснэ?

Потому что безъ пенснэ нельзя было вообразить М-съ Дьюли. И вотъ, однако же..

Въ суматохѣ и анархіи, въ тотъ день, когда въ домъ викарія вторглось инородное тѣло — въ тотъ историческій день М-съ Дьюли потеряла пенснэ. И теперь она была неузнаваема: пенснэ было скорлупой, скорлупа свалилась — и около прищуренныхъ глазъ какіе-то новые лучики, чуть раскрытыя губы, видъ — не то растерянный, не то блаженный.

Викарій положительно не узнавалъ М-съ Дьюли.

— Послушайте, дорогая, вы бы посидѣли и почитали. Нельзя вѣдь, такъ.

— Не могу же я — безъ пенснэ, — отмахивалась М-съ Дьюли и опять бѣжала наверхъ къ больному.

Вѣроятно, потому, что она была безъ пенснэ — Кемблѣ сквозняка въ ея присутствіи отнюдь не чувствовалъ, и когда у него дѣло пошло на поправку — охотно и подолгу съ ней болталъ.

Впрочемъ, „болталъ“ — для Кембля означало скорость не болѣе десяти словъ въ минуту: онъ не говорилъ, а ползъ, медленно култыхался, какъ тяжело нагруженный грузовикъ-тракторъ на широчайшихъ колесахъ.

М-съ Дьюли все старалась у него допытаться относительно пріключенія съ автомобилемъ.

— ... Ну да, ну хорошо. Но вѣдь видѣли же вы тогда автомобиль вѣдь могли же вы сойти съ дороги — такъ отчего же не сошли?

— Я.. Да, я видѣлъ, конечно.. — скрипѣли колеса. — Но я былъ увѣренъ, что онъ остановится, — автомобиль.

— Но если онъ не могъ остановиться? Ну вотъ просто — не могъ.

Пауза. Медленно и тяжело переваливается тракторъ — все прямо — ни на дюймъ съ пути:

— Онъ долженъ былъ остановиться.. — Кемблѣ недоумѣнно собиралъ лобъ въ морщины: какъ же не могъ, если онъ, Кемблѣ, былъ увѣренъ, что остановится! И передъ его, Кембла, увѣренностью — что значила непреложность переломанныхъ реберъ?

М-съ Дьюли шире раскрывала глаза и приглядывалась къ Кемблу. Гдѣ-то внизу вздыхалъ опрокинутый поѣздъ викарія. Приливали сумерки, затопляли кровать Кембла, и скоро на поверхности плавалъ торчалъ изъ-подъ одѣяла — только упрямый квадратный башмакъ (башмаковъ Кемблѣ не согласился сять ни за что) Съ квадрагной увѣренностью говорилъ — переваливался — Кемблѣ. и все у него было

непреложно и твердо: на небѣ — закономѣрный Богъ; величайшая на землѣ нація — британцы; наивысшее преступленіе въ мірѣ — пить чай, держа ложечку въ чашкѣ. И онъ, Кемблѣ, сынъ покойнаго сэра Гарольда Кемблѣ, — не могъ же онъ работать, какъ простой рабочій или кого-нибудь просить, — вѣдь ясно же это?

— ... Платили долги сэра Чарльза, прадеда. Платилъ дѣдъ, потомъ отецъ — и я. Я долженъ былъ заплатить, и я продалъ послѣднее имѣніе, и я заплатилъ все.

— И голодали?

— Но вѣдь я же говорилъ, ясно же, не могъ же я... — Кемблѣ обиженно замолкалъ.

А М-съ Дьюли — она была безъ пенса — нагибалась ниже и видѣла: верхняя губа Кембла по-ребячьи обиженно повисала. Упрямый подбородокъ — и обиженная губа: это было такъ смѣшно и такъ... Взять вотъ и погладить:

— „Ну-у, миленькій, не надо же, какой смѣшной“.

Но вмѣсто этого М-съ Дьюли спрашивала:

— Надѣюсь вамъ сегодня лучше, Кемблѣ? Неправда ли, вы уже свободно двигаете рукой? Вотъ подождемъ, что завтра скажетъ докторъ...

Утромъ приходилъ докторъ, въ сюртукѣ, робкій и покорный, какъ кроликъ.

— Что жъ, натура, натура — самое главное Извините: у васъ великолѣпная натура... — бормоталъ докторъ, смотрѣлъ внизъ, въ сумочку съ инструментами, и въ испугѣ ронялъ ее на полъ, когда въ комнату съ шумомъ и трескомъ вторгнулся адвокатъ О'Келли.

Отъ ирландски-рыжихъ волосъ О'Келли и отъ множества его размахивающихъ рукъ — въ комнатѣ сразу становилось пестро и шумно

— Ну, что же, Кемблѣ, уже починились? Ну, конечно, конечно Вѣдь у васъ, англичанъ, головы изъ особеннаго матеріала. Результатъ бокса. Вы боксировали? Немного? Ну вотъ, ну вотъ...

Напестривъ и нашумѣвъ, только подъ самый конецъ О'Келли замѣчалъ, что у него разстегнуть жилетъ и что пришелъ онъ, въ сущности, по дѣлу: владѣлецъ автомобиля готовъ былъ уплатить Кемблѣ сорокъ фунтовъ.

Кемблѣ не удивленъ былъ нимало:

— О, я былъ увѣренъ...

Онъ попросилъ только перо и бумагу, и на узкомъ, холодновато-голубомъ конвертѣ М-съ Дьюли написалъ чей-то адресъ.

Черезъ два дня пришелъ отвѣтъ. И когда Кемблѣ читалъ — М-съ Дьюли опять вспомнила о пенсѣ — вдругъ вотъ занудилось пенсѣ, беспокойно обшаривала комнату въ десятый разъ,

— Надѣюсь, вамъ пишутъ хорошее. Я видѣла — почеркъ женскій... — М-съ Дьюли усиленно рылась въ аптечномъ шкафчикѣ.

— О да, отъ матери. Я писалъ о деньгахъ. Теперь она сможетъ устроиться прилично.

М-съ Дьюли захлопнула шкафчикъ:

— Вы не повѣрите — я такъ рада, такъ страшно за нее рада! — М-съ Дьюли была рада въ самомъ дѣлѣ, это было видно, на щекахъ опять былъ румянецъ.

За завтракомъ М-съ Дьюли, глядя куда-то мимо викарія, вдругъ неожиданно улыбнулась.

— Вы въ хорошемъ настроеніи сегодня, дорогая... — викарій показалъ двѣ золотыхъ коронки. — Вѣроятно, вашъ пациентъ, наконецъ, поправляется?

— О да, докторъ думаетъ, въ воскресенье ему можно будетъ выйти...

— Ну вотъ и великолѣпно, вотъ и великолѣпно! — викарій сіялъ золотомъ всѣхъ восьми коронокъ. — Наконецъ-то мы опять заживемъ правильной жизнью.

— Да, кстати, — нахмурилась М-съ Дьюли. — Когда же будетъ готово мое пенсіе? Нельзя ли къ воскресенью?

3. Воскресные джентльмены.

Къ воскресенью въ Джесмондѣ каменные пороги домовъ, какъ всегда, были выскоблены до бѣлизны ослѣпительной. Дома — пожилые закопченные, и бѣлыя полосы пороговъ сверкали, какъ вставные зубы воскресныхъ джентльменовъ.

Воскресные джентльмены, какъ извѣстно, изготовлялись на одной изъ джесмондскихъ фабрикъ и къ воскресенью утромъ появлялись на улицахъ въ тысячахъ экземпляровъ — вмѣстѣ съ воскреснымъ номеромъ „Журнала Прихода Сэнтъ-Инохъ“. Всѣ съ одинаковыми тростями и въ одинаковыхъ цилиндрахъ, воскресные джентльмены со вставными зубами почтенно гуляли по улицамъ и привѣтствовали двойниковъ.

— Прекрасная погода, неправда ли?

— О да, вчера была значительно хуже..

Затѣмъ джентльмены слушали проповѣдь викарія Дьюли о мытарѣ и фарисеѣ. Возвращаясь изъ церкви какимъ-то чудомъ находили среди тысячи одинаковыхъ, отпечатанныхъ на фабрикѣ, свой домъ. Не торопясь, обѣдали, разговаривая съ семействомъ о погодѣ. Пѣли съ семействомъ гимны и ожидали вечера, чтобы пойти съ семействомъ въ гости.

Утромъ въ воскресенье, изумивши доктора, Кемблѣ всталъ и отправился къ матери. М-съ Дьюли весь день сидѣла у всегдашняго окна. Читать были нельзя: пенснэ къ воскресенью такъ-таки и не сдѣлали.

— „Ну, ничего, скоро сдѣлаютъ, и опять заживемъ правильной жизнью“, — думалось словами викарія, смотрѣла въ окно, неслись быстрыя, распухающія облака, и надо было бѣжать за ними — такъ было надо — не могла оторвать глазъ.

— Послушайте, дорогая, но вѣдь тамъ уже гости. — вбѣгаль викарій, потирая руки. Онъ былъ въ превосходномъ настроеніи: скоро начнется опять правильная жизнь.

Куда то шла М-съ Дьюли, съ какими-то розовыми и голубыми дамами говорила о погодѣ, и все неслись и пухли облака. А викарій сіялъ золотомъ восьми коронокъ и развивалъ передъ розовыми и голубыми идеи „Завѣта Принудительнаго Спасенія“ — что означало на его барометрѣ максимумъ. Въ сущности, не было ли это совершенно ясно: если единичная — всегда преступная и безпорядочная — воля будетъ замѣнена волей Великой Машины Государства, то съ неизбежностью механической — понимаете? — механической... И механически кивала въ отвѣтъ чья-то круглая, какъ футбольный шаръ голова.

Протрецалъ звонокъ. Облака сгустились, стали въ полутемной передней — и изъ облаковъ вышелъ Кемблѣ. Онъ былъ чисто выбритъ (подбородокъ сталъ еще квадратнѣй) и въ смокингѣ, хотя и поношенномъ. И за нимъ появлялся у входа еще кто-то.

И когда кто-то появился — Кемблѣ возгласилъ:

— Моя мать, лэди Кемблѣ...

Всѣ разомъ обернулись и смолкли, какъ будто случилось неловкое или непріятное, хотя ничего такого и не было. Потому что если говорить о вечернемъ платьѣ лэди Кемблѣ, то что же: платье было — какъ платье, сѣраго шелка, развѣ только чуть старомодное. Но всѣ молчали.

Лэди Кемблѣ выступала медленно и какая то невидимая узда все время подтягивала ея голову вверхъ. Сѣро-желтыя сѣдые волосы, и въ вырѣзѣ сѣраго платья — шевелились мумійныя, страшныя плечи, и кости — кости... Такъ выпираетъ каркасъ въ старомъ, сломанномъ вѣтромъ, зонтикѣ.

— Я очень радъ, что мы имѣли случай... — почтительно началъ викарій. — Это приключеніе съ автомобилемъ послужило... — викарій вглядывался въ ея лицо: оно было самое обыкновенное, но, было что то...

— Мой покойный мужъ, сэръ Гарольдъ Кемблѣ, всегда высказывался противъ автомобилей... — невидимая узда потягивала голову все

выше. — Въ ихъ слишкомъ быстромъ движеніи онъ находилъ положительно что-то невоспитанное...

Это было подмѣчено очень тонко: именно — невоспитанное. Викарій потиралъ руки:

— Совершенно съ вами согласенъ, дорогая лэди Кембль, именно — невоспитанное.

Нѣтъ, это очевидно: имъ суждено стать друзьями... Викарій всматривался въ ея лицо: нѣтъ, ничего особеннаго, какъ будто.

— Я очень, очень рада, что М-съ Дьюли такъ дружна съ моимъ сыномъ. Неправда ли, такъ пріятно смотрѣть на нихъ? — лэди Кембль — улыбалась.

И тотчасъ же викарій понялъ, что это были — губы. Блѣднорозовыя, тончайшія и необычайно-длиныя, какъ черви — онѣ извивались, шевелили внизъ и вверхъ хвостиками...

М-съ Дьюли оживленно о чемъ-то говорила и близко наклонилась къ Кемблѣ лицо: она была безъ пенсенэ.

— Пенсенэ еще не готово, знаете ли... — растерянно пробормоталъ викарій — черви ползли прямо на него — пятился — придумывалъ, что бы такое сказать. — Да.. Вамъ М-ръ Кембль говорилъ: онъ получилъ предложеніе поступить къ адвокату О'Келли. Конечно, не Богъ знаетъ что, но на первое время...

— О, нужда, конечно, заставляетъ согласиться, а такъ... О'Келли... Вѣдь, я прожила здѣсь уже годъ... — лэди Кембль улыбалась, черви вытягивались, въ извивахъ нацѣливались на добычу.

Викарій былъ уже спокоенъ. Онъ вновь былъ авторомъ „Завѣта Спасенія“ и благосклонно показывалъ четыре золотыя коронки:—

— ...Единственная надежда — на благотворное вліяніе среды. Я не хочу приписать это себѣ, но вы знаете — прихожане Сэнтъ-Инокъ стоятъ на исключительной высотѣ, и я надѣюсь — мало-по-малу О'Келли...

— О'Келли? Да, неправда ли, ужасно? — заволновались голубыя и розовыя дамы и быстрѣе закивала футбольно-круглая голова. Футбольная голова принадлежала М-ру Макъ-Интошу, а М-ръ Макъ-Интошъ, какъ извѣстно, зналъ все:

— О'Келли? Ну какъ же: за кулисами въ „Эмпайръ“... Ремингтонистки? Ну ка-акъ же! Четыре ремингтонистки... — М-ръ Макъ-Интошъ, какъ мячъ, мелькалъ изъ угла въ уголъ — въ смокингѣ и сине-желто-красной шотландской юбочкѣ — мелькалъ голыми колѣнками. М-ръ Макъ-Интошъ занималъ постъ секретаря Корпорациі Почетныхъ Звонарей прихода Сэнтъ-Инокъ и, слѣдовательно, былъ специалистъ по вопросамъ морали.

— Вы знаете, я бы такихъ, какъ О'Келли... — воодушевился Макъ-Интошъ. Но къ сожалѣнію, приговоръ его остался неопубликованнымъ.

обвиняемыи явился лично, а приговоры суда по вопросамъ морали объявляются зоочно.

— А мы только что о васъ говорили, — викарій показалъ адвокату два золотыхъ зуба.

— Вѣроятно, изрядно успѣли поддюлить? — засмѣялся О'Келли онъ ввелъ въ употребленіе глаголь дьюлить, чѣмъ всякій разъ огорчалъ викарія.

— Если бы вы не опоздали, дорогой О'Келли, вы убѣдились бы лично. Но вѣдь вы по части аккуратности безнадежны...

— Я аккуратно опаздываю: это уже — аккуратность, — грянуль рыжими вихрами О'Келли. Какъ всегда онъ былъ растрепанъ, пиджакъ въ какомъ-то пуху, одна пуговица совершенно неподходяще растегнута. Голубыя и розовыя подталкивали другъ друга, черви лэди Кемблъ шевелились — и только, можетъ быть, ничего не видѣла одна М-съ Дьюли.

— ...Итакъ, утромъ вы переѣзжаете въ свои комнаты, и значитъ сегодня — послѣднюю ночь у насъ... — М-съ Дьюли озябло поводила плечами: вѣроятно простудилась.

Кемблъ стоялъ молча, упористо разставивъ ноги. М-съ Дьюли взглянула въ зеркало напротивъ — поправить прическу — мелькнуло золото волосъ, золото послѣднихъ листовъ. Вздрогнула и засмѣялась:

— А знаете: пусть, будто вы еще больны, и я, какъ всегда, приду положить вамъ компрессъ на ночь?

— Но вѣдь я же не боленъ? — Кемблъ недоумѣнно морщилъ лобъ: грузовикъ-тракторъ ходилъ только по камню, тяжелыя колеса увязали въ зыбкомъ „пустъ“

Усаживались ужинать. Очень долго возился Макъ-Интошъ: это была очень сложная операція — сѣсть такъ, чтобы не смялась его сине-желто-зеленая юбочка. Усѣвшись, М-ръ Макъ Интошъ глубокомысленно покивалъ футбольной головой:

— Въ сущности, это великая мистерія — ѣда, не правда ли?

Это было сказано прекрасно: мистерія. Великая мистерія протекала въ молчаніи, и только въ томъ углу, гдѣ сидѣлъ О'Келли было рыже, пестро и шумно. О'Келли рассказывалъ про Парижъ, про какой-то надувной чемоданчикъ, купленный въ Парижѣ — специально для надуванія англійскихъ законовъ.

— . . . Безъ багажа, вѣдь, съ дамой у насъ въ гостиницу не пустятъ. И вотъ вы вытаскиваете изъ кармана, надуваете — пффф — и великолѣпный чемоданъ. Въ концѣ концовъ, роль закона не такая же ли, какъ роль вашихъ платьевъ, сударыни? Ахъ, извиняюсь, ваше преподобіе...

Викариі треугольно поднялъ брови и уже въ который разъ поглядывалъ на часы. въ расписаніи для воскресеніи въ графѣ „сонъ“ стояла цифра 11. И кромѣ того, этотъ О'Келли..

Мистерія кончалась Воскресные джентльмены съ супругами устроились по домамъ.

Прощаясь съ Кембломъ у двери его спальни, М-съ Дьюли засмѣялась еще разъ — свѣча въ рукѣ дрожала:

— Такъ значить — компрессъ?

— Нѣтъ, я здоровъ же. Серьезно. — Свѣча освѣщала непреложный квадратный подбородокъ Кембла.

М-съ Дьюли быстро повернулась и пошла въ спальню. Викариі уже спалъ, въ бѣломъ фланелевомъ колпакѣ, крестообразно сложивъ руки на груди.

Утромъ за завтракомъ викариі увидѣлъ М-съ Дьюли уже въ пенснэ — и положительно обрадовался:

— Ну вотъ — теперь я васъ опять узнаю!

4. Высшая порода интеллекта.

Контора адвоката О'Келли помѣщалась во второмъ этажѣ стараго дома. Въ толстой каменной стѣнѣ — окованная дверь съ молоткомъ и темная каменная лѣстничка наверхъ. О бокъ дома — переулокъ Сапожника Джона: узкое ущелье между двухъ домовъ убѣгало внизъ, къ рѣкѣ — только двумъ разойтись — и синяя полоска неба между стѣнъ вверху. Въ старомъ домѣ жплъ когда-то свободолюбивый Сапожникъ Джонъ, упрямо державшійся Лютеровоі ереси и за это сожженный. Теперь сюда пришелъ работать М-ръ Кемблъ.

Въ первой комнаткѣ стучали на Ундервудахъ четыре барышни О'Келли подвелъ Кембла къ первой — и представилъ:

— Моя жена, Сэссили, она же Барашекъ.

Съ льняными волосами. съ крошечнымъ ротикомъ — она была, правда, какъ пасхальный барашекъ, перевязанный ленточкой Кемблъ осторожно пожалъ ей руку.

Затѣмъ О'Келли познакомилъ съ тремя остальными и о каждой сказалъ одинаково кратко - серьезно.

— Моя жена Моя жена Моя жена.

Кемблъ остановился съ протянутой рукой, страдальчески наморщилъ лобъ, и было слышно: пытитъ тяжелый грузовикъ, не въ силахъ стронуться съ мѣста. Моя жена — моя жена — моя жена. . . Посмотрѣлъ на О'Келли. нѣтъ, О'Келли былъ совершенно серьезень.

— Послушайте, да развѣ вы не знали. вѣдь я же — магометанинъ, — пришелъ на помощь О'Келли.

Кемблѣ облегченно расправилъ лобъ: теперь на лицо были и малая, и большая посылка — полный силлогизмъ. Все становилось квадратно-просто.

— О, я всегда относился съ уваженіемъ ко всякой установленной религіи, — серьезно началъ Кемблѣ. — Всякая установленная религія...

О'Келли, красный, съ минуту молча наливался смѣхомъ, потомъ лопнулъ, а за нимъ всѣ его четыре жены.

— Послушайте, Кемблѣ.. Ой, не могу! Да вы какой-то.. Охъ, Господи, надо же: онъ, ей-Богу, повѣрилъ! Ну-у, голубчикъ, я-то васъ живо выучу слушать вранье...

— Вранье? — Кемблѣ сбился безнадежно. — Вранье? — это было непонятное, ни въ шутку, ни всерьезу — просто, вообще непонятное, ну какъ можетъ быть непонятна, непредставима безконечность вселенной. Кемблѣ стоялъ убитый, разставивъ столбняныя ноги.

— Послушайте, Кемблѣ, будемъ же серьезны... — О'Келли сталъ серьезенъ, какъ всегда, если говорилъ несерьезно. — Не забывайте что мы — высшая порода интеллекта — адвокаты, и поэтому — наша привиллегія — лгать. Ясно же, какъ день: животныя — представленія не имѣютъ о лжи; если вы попадете къ какимъ-нибудь дикимъ островитянамъ, то они тоже будутъ говорить только правду, пока не познаютъ европейской культуры. Ergo: не есть ли это признакъ...

Все это было совершенно такъ. Но Кемблѣ непреложно, квадратно былъ увѣренъ, что это не должно быть вѣрно, и потому въ головѣ была сущая толчея. И онъ уже не слышалъ словъ О'Келли, а только безнадежно огребалъ рукой лобъ: такъ медвѣдь огребаешь облѣпившихъ пчель...

Въ приѣмной ожидала адвоката какая-то молодая лэди, подстриженная по-мальчишечьи, курила папиросу.

— А-а, Диди! Вы, дѣточка, здѣсь давно? М-съ Диди Ллойдъ, наша кліентка. Разводъ... — адвокатъ обернулся къ Кемблѣ, увидѣлъ его соображающій лобъ — и опять понесся. — Я ей говорилъ: вступить сперва въ пробный бракъ, но она непослушница... Не слышали о пробномъ бракѣ? Ну какъ же, ну какъ же: билль прошелъ въ парламентъ тридцать перваго... ну да, тридцать перваго марта...

М-съ Диди смѣшлпвая — у ней дрожали губы, Кемблѣ опять сбивался — вѣрить или не вѣрить, а О'Келли уже раскладывалъ передъ нимъ бумаги.

— ...Остались сущіе пустяки. Разберитесь-ка, вотъ.

Кемблѣ поклонился очень оффиціально: мальчишескія повадки, и папироса М-съ Диди, и нога на ногу — были не въ его вкусѣ. Усѣлся за бумаги, а О'Келли расхаживалъ сзади, обсыпалъ пепломъ жилетъ и вслушивался.

Бумага — это определѣнно. Туманъ въ головѣ Кембла разбредался, по наѣзженному шоссе грузовикъ тащилъ кладь увѣренно и быстро. О'Келли сіялъ и хлопалъ по плечу Кембла:

— Да вы молодчина! Я такъ и зналъ... Ломовичище вы эдакій...

Проходили кліэнты. О'Келли уже позѣвывалъ: пора бы и обѣдать.

— Ну что жъ — въ ресторанъ? А оттуда — въ театръ? Нельзя? Ну, да полно...

Дома къ обѣду ждала лэди Кемблъ. Но у О'Келли, какъ всегда, нашлись какіе-то вывороченные и неожиданные доводы, выходило, что иначе нельзя — и Кемблъ послушно шелъ.

Послѣ бутылки романей — въ театрѣ чувствовалось Кемблу: онъ очень высокій — выше всѣхъ — и легкой. Такъ рѣдко чувствовалъ себя легкимъ — очень это удобно и смѣшно — и всему на сценѣ покатывался, какъ пятилѣтній...

Впрочемъ, и всѣ такъ же радостно смотрѣли и такъ же пятилѣтне смѣялись. Было очень забавно: господинъ съ приклееннымъ носомъ и толстая бабица танцовали ту-стець, затѣмъ поссорились изъ-за найденнаго шиллинга, и господинъ съ носомъ билъ бабицу по щекамъ, а въ оркестрѣ билъ барабанъ въ тактъ. Потомъ дѣвица, освѣщаемая попеременно зеленымъ и малиновымъ свѣтомъ играла на скрипкѣ Моцарта. Потомъ какая-то въ черномъ, тонкая медленно плыла — танцевала въ полумракѣ...

Одинъ поворотъ — и Кемблу почудилось — узналъ тонкое мальчишеское тѣло, подстриженныя кудри — не можетъ же быть? Но она уже была за экраномъ — экранъ ярко освѣщенъ — и ея тѣнь постепенно сбрасывала съ себя все, привычно-неспѣшно, чулки, подвязки, трико: былъ ея слѣдующій танецъ — въ красномъ.

— М-съ Диди Ллойдъ? — не отрываясь отъ экрана спросилъ Кемблъ.

— М съ. . — передразнилъ О'Келли. — Ну конечно же — Диди.

О'Келли съ любопытствомъ, искоса, поглядывалъ на устремленнаго впередъ Кембла: вотъ сейчасъ сдвинется грузовикъ - тракторъ и попрѣтъ, все прямо, черезъ что попало..

Диди кончила красный танецъ — Кемблъ перевелъ, наконецъ, духъ, и вышло это у него такъ шумно, изъ глубины, что самъ испугался, и оглядѣлся кругомъ. Изъ ложи справа въ темнотѣ что-то на него блеснуло.

— Ну что, дружокъ, понравилось, кажется? — ухмыльнулся О'Келли.

Уже одѣтая — въ пальто и шляпѣ — Диди черезъ проходъ пробиралась къ нимъ. Сѣла рядомъ съ О'Келли и смѣшливо захлебываясь что-то ему рассказывала на ухо.

Было неловко, что теперь она — одѣтая, и потомъ показалось слишкомъ громко смѣется. Кембль отодвинулся, выставивъ подбородокъ — усѣлся прямой, непреложный и упрямо слушалъ концертъ на странномъ инструментѣ: одна струна, натянутая на швабрѣ.

Зажгли почный свѣтъ. Диди повернулась къ Кемблу.

— Послушайте, Кембль, правду говоритъ О'Келли, что вы никогда—что вы никогда.. — взяла Кембла за руку и маленькимъ золотымъ карандашикомъ стала ему что то писать на манжетѣ.

— „Что еслибъ моя мать “ — вспомнились Кемблу гончайшя, извивающіяся губы, и онъ опять оглядѣлся кругомъ, какъ будто лэди Кембль могла быть здѣсь.

Но вмѣсто лэди Кембль въ ложѣ направо онъ увидѣлъ М-съ Дьюли. Казалось, стекла ея пенсенэ блестяли холоднымъ блескомъ прямо на Кембла. Но это, очевидно, только казалось: когда Кембль поклонился — М-съ Дьюли не отвѣтила. Нѣтъ, очевидно, она не видала.

5. О фарфоровомъ мопсѣ.

Фарфоровый мопсъ обигалъ въ № 72, въ меблированныхъ комнатахъ М-съ Аунти. Постояльцы тутъ мѣнялись каждую недѣлю — всякій разъ, какъ въ „Эмпайръ“ прѣзжало новое гуче. Всегда стояли облака табачнаго дыма; по ночамъ кто-то плескался и хохоталъ въ ванной; до полудня были опущены шторы въ спальняхъ. Но фарфоровый мопсъ Джонни нимало этимъ не смущался и съ высоты каменной полки взиралъ на жизнь съ всегдашней своей хладнокровной и знающей улыбкой. Мопсъ Джонни принадлежалъ Диди — и обратно: Диди принадлежала мопсу Джонни. Они были неразлучными друзьями. И тѣмъ досаднѣй, что у Кембла какъ-то сразу и безъ всякой видимой причины установились неважныя отношенія съ Джонни.

— Послушайте, Кембль, отчего вы не любите моего Джонни? Посмотрите: онъ такой прелестно-безобразный. И онъ такой вѣрный. И съ нимъ можно дѣлать что угодно..

У Кембла на колѣняхъ разложены бумаги: очень трудная задача — уговорить Диди взять деньги, которыя такъ любезно предлагаются М-ромъ Ллойдъ, бывшимъ мужемъ. У Кембла лобъ собранъ мучительно:

— „М-ръ О'Келли находилъ бы, что вамъ деньги надо взять. И я не понимаю, почему..

— Послушайте, Кембль, а вы не находите: Джонни похожъ на М-ра О'Келли? Оба они одинаково безобразно-милые, и такіе умные, и одинаково улыбаются. Ну вотъ сядьте сюда — сбоку — посмотрите?

Прямой, негибачущійся — Кемблѣ, какъ Будда, усаживался на коверъ и сердито смотрѣлъ на Джонни. Но это было вѣрно: мопсъ былъ — О'Келли, двѣ капли воды. Медленно култыхаясь — и въ самомъ смѣхѣ волоча какой-то грузъ — Кемблѣ хохоталъ, раскатывался все больше — и ужъ Диди о другомъ — а его все не унять.

Оказывалось, что въ Джонни есть нѣчто Байроновское: въ сущности — это до глубины разочарованное существо, потому и улыбається вѣчной улыбкой. Передъ Джонни ставилась книжка въ бѣломъ савьянѣ — одна изъ немногихъ драгоценностей, которую Диди никогда не закладывала — и Джонни читалъ, медленно и печально. Свѣтъ камина мерцалъ на мебели — лампы еще не зажжены; на полу бѣлѣли забытыя бумаги; отливалъ краснымъ квадратный подбородокъ Кембла. Джонни читалъ.

Спохватывался Кемблѣ, сердито вскакивалъ съ ковра:

— Но все-таки долженъ же я сказать М-ру О'Келли почему вы не хотите взять денегъ?

Бѣлая книжка летѣла въ уголь — черная черта бровей вдругъ начеркивала мальчишеское лицо Диди — Диди кричала:

— Потому что я — я — я измѣнила М-ру Ллойдъ, поняли, нѣтъ? Почему измѣнила? Потому что была хорошая погода — и пожалуйста убирайтесь съ своими бумагами! Джонни въ десять разъ васъ умнѣе. онъ никогда не спрашиваетъ.

На утро, въ конторѣ, Кемблѣ жаловался — съ нависшей по-ребячьей, обиженной губой:

— Она просто не слушаетъ.. Все со своимъ мопсомъ..

О'Келли ухмылялся — какъ мопсъ:

— Эхъ вы... Кемблѣ вы эдакій! Нынче же вечеромъ волоките ее ко мнѣ: мы съ ней живо расправимся.

Вечеръ былъ очень тихій. Чинно и тиченько, радуя взоръ, стояли въ палисадникахъ стриженныя, подъ нулевой номеръ деревья — ряды деревянныхъ солдатиковъ. Вѣроятно, былъ какой-нибудь праздникъ или просто специальная служба для дѣтей: церковь Сэнтъ-Инохъ звонила, по одному перебирала колокола въ одномъ и томъ же порядкѣ — все вертѣли какую-то ручку — и чинными рядами шли стриженныя дѣти въ бѣлыхъ воротничкахъ.

Кемблѣ и Диди остановились — пропустить шествіе. Прошелъ послѣдній бѣловоротничковый рядъ — и изъ-за угла показался викарій Дьюли, сопровождаемый М-съ Дьюли и секретаремъ Почетныхъ Звонарей, Макъ-Интошемъ. Викарій шелъ, какъ полководецъ, онъ велъ бѣловоротничковую армію ко спасенію математически-вѣрнымъ путемъ. Медленно перекладывалъ за спиной пальцы — отсчитывалъ что-то.

Кемблѣ чувствовалъ себя немного неловко: онъ не былъ у Дьюли съ того самаго воскресенья, надо что-нибудь — подойти и сказать..

— Вы извините — я только на минутку.. — Кемблѣ оставилъ Диди у церковнаго заборчика и медленно заколыхался навстрѣчу Дьюли.

Упористо разставивъ ноги и смущенно глядя на квадратные башмаки, Кемблѣ извинялся ужасно занятъ у адвоката, какъ-то совершенно не было времени.. Хрустально поблескивало пенсне М-съ Дьюли, викарій сіялъ золотыми зубами и поглядывалъ искоса въ сторону Диди: она стояла у заборчика и поигрывала тросточкой Кембла.

— Великолѣпный вечеръ! — радостно засвидѣтельствовалъ Кемблѣ Страдальчески сморщился. Пауза.

Выручилъ Макъ-Интошъ. Онъ былъ общепризнанъ человекомъ оригинальнымъ и глубокомысленнымъ. Въ эту минуту онъ внимательно смотрѣлъ себѣ подъ ноги:

— Я всегда думаю: какая великая вещь культура. Вотъ напри- мѣръ. тротуаръ. Нѣтъ, вы вдумайтесь: тротуаръ!

И тотчасъ звонкій смѣхъ — всѣ съ ужасомъ обернулись: эта молодая особа съ тросточкой — смѣялась. Эта молодая особа всегда была смѣшлива. теперь она опиралась на тросточку и гряслась, тряслась отъ смѣха, трясла подстриженными кудряшками...

Дальше, въ сущности ничего не было особеннаго: просто, М-съ Дьюли обернулась и посмотрѣла на эту молодую особу — или, вѣрнѣе, не на нее, а на церковный заборчикъ, къ которому прислонилась особа. М-съ Дьюли посмотрѣла такъ, какъ будто эта особа была стеклянной, совершенно прозрачной.

Диди вспыхнула, что-то хотѣла сказать — что было бы ужъ, конечно, совершенно невѣроятно — но только вздернула плечами и быстро куда-то пошла.

А затѣмъ М-съ Дьюли любезно протянула Кемблу руку — показалось, рука дрожить — или, можетъ быть, это дрожала рука самого Кембла.

— До свиданія, М-ръ Кемблѣ. Все-таки надѣемся скоро васъ видѣть.. — и прослѣдовала въ церковь.

Это было неслыханно.. у Кембла горѣли уши, во всю свою тяжѣлую прыть побѣжалъ за Диди, но она какъ провалилась сквозь землю: нигдѣ ея не было.

Вечеромъ, послѣ службы, М-съ Дьюли сидѣла съ викаріемъ въ столовой и постукивала корешкомъ книги:

— Ну что же — ваше принудительное спасеніе? Вы же видите куда идетъ Кемблѣ? На вашемъ мѣстѣ, я бы..

Викарій треугольникомъ поднялъ брови онъ положительно не узнавалъ М-съ Дьюли, раньше она совершенно не интересовалась „Завѣтомъ Спасенія“. Викарій потиралъ руки это хорошій знакъ, это великолѣпно. .

— Вы правы, дорогая: этимъ надо заняться Конечно, конечно.

А въ № 72 — каминъ покрывался пепломъ — дергалось, трепыхалось подъ пепломъ послѣднее тепло. На коврѣ лежала Диди и съ нею фарфоровый мопсъ Джоуни. Безобразная морда мопса была вся мокрая. На порогѣ стоялъ Кемблѣ, страдальчески сморщившись: онъ пришелъ сказать Диди, что поведеніе ея странно, по меньшей мѣрѣ И вотъ — нѣту словъ, или мѣшаетъ что-то, спирается вотъ тутъ, въ горлѣ. Въ сущности, вѣдь это нелѣпо...

Кемблѣ старался построить силлогизмъ.

6. Лицо культурнаго человѣка.

Какъ извѣстно. человѣкъ культурный долженъ, по возможности, не имѣть лица То есть, не то чтобы совсѣмъ не имѣть, а такъ: будто лицо, а будто и не лицо — чтобы не бросалось въ глаза, какъ не бросается въ глаза платье, сшитое у хорошаго портного. Нечего и говорить, что лицо культурнаго человѣка должно быть совершенно такое же, какъ и у другихъ (культурныхъ), и ужъ, конечно, не должно мѣняться ни въ какихъ случаяхъ жизни.

Естественно, что тѣмъ же условіямъ должны удовлетворять и дома, и деревья, и улицы, и небо, и все прочее въ мрѣ, чтобы имѣть честь называться культурными и порядочными. Поэтому, когда прохладные, сѣрые дни прошли и вдругъ наступило лѣто, и солнце стало возмутительно-яркимъ — лэди Кемблѣ почувствовала себя шокированной.

— Это ужъ положительно что-то... Это Богъ знаетъ что...—черви лэди Кемблѣ пошевеливались, высывались, но необузданное, некультурное солнце все такъ же оскалилось во весь ротъ. Тогда лэди Кемблѣ дѣлала единственное, что ей оставалось: спускала всѣ жалюзи и водворяла въ комнатахъ свѣтъ болѣе умѣренный и приличныи.

Лэди Кемблѣ съ сыномъ занимала теперь три комнаты: двѣ спальни наверху и столовую внизу, окнами на улицу. Все было теперь слава Богу. Этотъ случай съ автомобилемъ лэди Кемблѣ понимала, какъ явное милосердіе Божіе. Нѣтъ, что тамъ: порядочныхъ людей Богъ не оставитъ.

И вотъ — теперь все, какъ полагается: и коверъ, и каминъ, и надъ каминомъ портретъ покойнаго сэра Кемблѣ (тотъ же самый Кембловскій квадратный подбородокъ), и столикъ краснаго дерева у

окна, и на столике ваза для воскресных гвоздей. Во всех домах на левой стороне улицы видны были зеленые вазы, на правой — голубые. Лэди Кембл жила на правой стороне, на столике была голубая ваза.

По возможности, лэди Кембл старалась восстановить тот распорядок, который был при покойном сэрѣ Кембл. Съ утра затягивалась въ корсетъ, къ обѣду выходила въ вечернемъ платьѣ Кушля за пять шиллинговъ маленькій мѣдный гонгъ, и такъ какъ хозяйка старушка звонить въ гонгъ не умѣла, то лэди Кембл всегда звонила сама. сниметъ гонгъ со стѣны въ столовой, выйдетъ въ корридоръ, позвонитъ — и опять въ столовую. Пусть даже завтракаетъ одна — Кембл въ конторѣ — все равно позвонитъ: главное — порядокъ.

Къ несчастью, обѣдъ и завтракъ подавалъ не лакей, а старушка М-съ Тэйлоръ. трясучая и древняя. И, чтобы это выходило хоть мало-мальски прилично, лэди Кембл стала старушку уговаривать за обѣдомъ чгобъ прислуживала въ бѣлыхъ перчаткахъ.

— И что это за причуды такія, Господи! Моешь руки — моешь, и все имъ мало. — старушка обидѣлась и даже всилакнула, но за десять лишнихъ шиллинговъ въ мѣсяцъ — наконецъ согласилась.

Теперь было все въ порядкѣ — и лэди Кембл позвала О'Келли обѣдать. пусть видитъ, что имѣетъ дѣло не съ кѣмъ-нибудь

. Было очень много хлопотъ. На столѣ стояли цвѣты и бутылки. Старушка Тэйлоръ выстирала свои бѣлыя перчатки И только О'Келли...

Трудно повѣрить — но О'Келли явился на обѣдъ въ визиткѣ. Веселый обѣдъ былъ испорченъ. Черви лэди Кембл развертывались, певичили шель.

— Я такъ рада, М-ръ О'Келли, что вы по-домашнему. Впрочемъ, «мокингъ» — при вашемъ складѣ лица .

О'Келли засмѣялся:

— О, о своей паружности — я высокаго мнѣнія. она — исключительно-безобразна, но она — исключительна, а это все.

Коротенькій, толстый — онъ запыхался отъ жары, вытиралъ лицо лестрымъ платкомъ. Рыжіе вихры растрепались, четыре его руки непрестанно мелькали, капалъ на жилетъ соусомъ и болталъ безъ останову. Да, въ сущности, Уайльдъ тоже былъ некрасивъ, но онъ подчеркивалъ некрасивое — и всѣ вѣрили, что это красиво. И затѣмъ подчеркнутая некрасивость — и подчеркнутая порочность — это должно дать гармонію Красота — въ гармоніи, въ стилѣ, пусть это будетъ гармонія безобразнаго — или красиваго, гармонія порока — или добродѣтели...

Но тутъ О'Келли увидѣлъ: невидимая узда поддернула желтую голову лэди Кемблѣ, блѣднорозовые черви зловѣще шевелились и ползли. О'Келли загнулся — и блѣднорозовые черви тоже остановились. Говорить въ обществѣ объ Уайльдѣ! И если лэди Кемблѣ на этотъ разъ пощадила О'Келли, то исключительно ради сына .

Старушка Тэйлоръ трясущимися руками въ бѣлыхъ перчаткахъ поставила ликеры и кофе. Объ этомъ ликерѣ лэди Кемблѣ поразмыслила довольно. Но въ концѣ концовъ рѣшила отложить починку своихъ гудель на мѣсяць. Безъ ликера было нельзя никакъ, такъ же, какъ безъ гонга или перчатокъ М-съ Тэйлоръ.

Два раза лэди Кемблѣ подвигала О'Келли ликеръ — и два раза О'Келли подливалъ себѣ шотландскую виски. Все это вмѣстѣ — и пестрые вихры, и ликеръ, и мелькающія въ воздухѣ руки О'Келли — раздражало М-съ Кемблѣ. Черви куснулись:

— Вы, однако оригиналь первый разъ вижу человѣка, который съ кофе пьетъ виски

„Оригиналь“ — для лэди Кемблѣ звучало такъ же, какъ „некультурный человѣкъ“, но М-ръ О'Келли былъ, повидимому, слишкомъ толстокожъ. Онъ секунду весело молчалъ — онъ и молчалъ даже весело — и потомъ вслухъ подумалъ

— . Вотъ въ такую жару, должно быть, хорошо въ одной шотландской юбочкѣ щеголять!

Къ слову вспомнилъ и рассказалъ: съ приятелемъ-шотландцемъ они ходили по Парижу — и парижскіе мальчишки, въ концѣ концовъ, не выдержали, улучили моментъ и подняли шотландцу юбочку — посмотрѣть, есть ли подъ ней что-нибудь вроде штановъ, или...

Лэди Кемблѣ больше не могла — не могла. Разгнѣванно встала, пошла къ двери и позвала съ собой кипенно-бѣлую кошку Милли:

— Милли, пойдите отсюда... Милли, вамъ здѣсь нечего дѣлать — зачѣмъ вы сюда — ваше молоко въ корридорѣ. .

Но испорченная Милли, повидимому, была еще не прочь послушать рассказы О'Келли: она мяукала и упиралась. Лэди Кемблѣ нагнулась — выскочили ключицы, и лопатки, и еще какія-то кости — весь каркасъ разломаннаго зонтика. Съ Милли подъ мышкой лэди Кемблѣ прослѣдовала въ дверь.

Величественная и страшная — въ своемъ мумійномъ декольтѣ — она появилась вновь только тогда, когда О'Келли загромычалъ въ передней, разыскивая палку (которой не приносилъ). Вмѣстѣ съ О'Келли вышелъ и Кемблѣ.

Небо было блѣдное, подобранное, вогнутое, какое бываетъ въ сумерки послѣ жаркихъ дней. Кемблѣ пожимался: не то отъ прохлады, не то отъ тѣхъ неминуемыхъ разговоровъ — о порядочности и

непорядочности, какіе будутъ завтра съ лэди Кемблѣ. Пожимался и все-таки шелъ вмѣстѣ съ О'Келли туда — въ № 72. Главное, онъ былъ совершенно согласенъ съ лэди Кемблѣ: въ меблированныхъ комнатахъ М-съ Аунти — все было непорядочное, все было — не его, было шероховато и мѣшало, какъ мѣшаль бы камень посреди асфальтовой Джесмондской улицы — и все-таки шелъ.

— „Разъ идетъ О'Келли... Надо же поддерживать съ нимъ отношенія...“ — успокаивалъ себя Кемблѣ.

Въ № 72, по обыкновенію, горѣлъ каминъ. Диди сидѣла на коврѣ у огня: сушила, послѣ мытья, кудрявые, по-мальчишечьи подстриженные волосы. На полу были разбросаны листки какого-то письма — и надъ ними улыбался мопсъ Джонни.

О'Келли чуть не наступилъ на листки — наклонился и поднялъ.

— Не трогайте! — со злостью закричала Диди. — Говорю вамъ — не трогайте! Не смѣйте трогать! — брови сошлись надъ переносьемъ, исчезло мальчишечье лицо — было лицо женщины, опаленное темнымъ огнемъ.

О'Келли сѣлъ на низенькій пуфъ и затараторилъ:

— Нехорошо, нехорошо, дѣточка. Только что лэди Кемблѣ намъ внушала, что лицо порядочнаго человѣка должно быть неизмѣнно, какъ... какъ вѣчность, какъ британская конституція... И кстати: слышали ли вы, — въ парламентъ вносится билль, чтобы у всѣхъ британцевъ носы были одинаковой длины? Что же, единственный диссонансъ, который, конечно, слѣдуетъ уничтожить. И тогда — одинаковые, какъ — какъ пуговицы, какъ автомобили „Фордъ“, какъ десять тысячъ номеровъ „Таймса“. Грандіозно — по меньшей мѣрѣ...

Диди — не улыбнулась. Все такъ же держала листочекъ въ рукѣ, и все такъ же крѣпко, какъ сплетенные пальцы — сдвинуты брови.

И не улыбался Кемблѣ: что-то въ немъ накипало, накипало, било — и вотъ черезъ край — и всталъ. Два шага къ Диди — и спросилъ — тономъ такимъ, какого не должно было быть:

— Что это за письмо такое? Отчего къ нему ужъ и притронуться нельзя? Это — это... — говорилъ — и слушалъ себя съ изумленіемъ: не онъ — кто же?

И одну секунду слушала съ изумленіемъ Диди. Потомъ брови ея расцѣпились, упала на коверъ и захлебнулась смѣхомъ:

— О, Кемблѣ, да кажется вы... Джонни, мопсикъ, ты знаешь — Кемблѣ-то... Кемблѣ-то...

7. Руль испорченъ.

Наконецъ-то оно кончилось — дѣло о разводѣ — и на Диди никто теперь не имѣлъ правъ, исключая, конечно, фарфороваго мопса Джонни.

Событіе праздновали втроемъ: О'Келли, Диди и Кемблѣ. Обѣдали въ отдѣльномъ кабинетѣ, пили, О'Келли влѣзалъ на стулъ и произносилъ тосты, махалъ множествомъ рукъ, пестрѣло и кружилось въ головѣ. Домой какъ-то не хотѣлось: рѣшили поѣхать на боксъ.

Такси летѣлъ, какъ сумасшедшій — или такъ казалось. На поворотахъ кренило, и нѣсколько разъ Кемблѣ обжегся объ колѣно Диди. Такси летѣлъ...

— А знаете, — вспомнилъ Кемблѣ, — мнѣ ужъ который разъ снится, будто я въ автомобилѣ, и руль испорченъ. Черезъ заборы, черезъ что попало, и самое главное...

А что самое главное — рассказать не успѣлъ: влодили уже въ залъ. Крутой вѣеръ скамей былъ полонъ до потолка. Опять было Кемблѣ тѣсно и жарко, обжигался, и будто все еще летѣлъ такси.

— „Не надо такъ много пить“...

— Послушайте, Кемблѣ, вы о чемъ думаете? — кричалъ О'Келли. — Вы слышите. сержантъ Смисъ, чемпионъ Англій. Вы понимаете: Смисъ! Да смотрите же, вы!

Изъ двухъ противоположныхъ угловъ четырехугольнаго помоста они выходили медленнымъ шагомъ. Смисъ — высокій, съ крошечной свѣтловолосой головой: такъ, какое-то маленькое, ненужное украшеніе къ огромнымъ плечамъ. И Борнъ — изъ Джесмонда — съ выдвинутой впередъ челюстью и видомъ закоренѣлаго убійцы.

— Bravo, Борнъ, bravo, Джесмондъ! Сержантъ Смисъ, bravo!

Топали, свистѣли, клокотали всѣ двадцать рядовъ скамей, шевелилась и переливалась двадцать разъ округившаяся змѣя — и вдругъ застыла и вытянула голову. судья на помостѣ — снялъ цилиндръ.

Судья, поглядывая изъ-подъ сѣдого козырька бровей, объявлялъ условія:

— Лэди и джентльмэны! Двадцать круговъ по три минуты и полминуты отдыха послѣ каждаго круга..

Судья позвонилъ. Смисъ и Борнъ медленно сходились. Борнъ былъ въ черныхъ купальныхъ панталонахъ, Смисъ — въ голубыхъ. Улыбнулись, пожали другъ другу руки — показать, что все что будетъ — будетъ только забавой культурныхъ и уважающихъ другъ друга людей. И тотчасъ же черный Борнъ выпятилъ челюсть и закрутился около Смиса.

— Такъ еіо, Джесмондъ! — закричали сверху, когда Борнъ отщепталъ красное пятно на груди чемпиона Англій.

Двадцатиколечная змѣя обвивалась тѣснѣе, дышала чаще, и Кемблъ видѣлъ — шевелилась и выпячивалась впередъ Диди — и онъ самъ выпячивался, захваченный кольцами змѣи.

Судья съ козырькомъ бровей — прозвонилъ перерывъ. Черный и голубой — оба вытянулись на стульяхъ, каждый въ своемъ углу. Широко раскрывъ рты — какъ выброшенная рыба — спѣшили за полминуты наглотать побольше воздуха. Секунданты суетились, кропили имъ языки водой, махали полотенцами.

Полминуты прошло. Снова сошлись. Смисъ улучилъ секунду — и тяжелый кулакъ попалъ Борну въ носъ, снизу вверхъ. Борнъ спряталъ лицо подъ мышку къ Смису и закрутился вмѣстѣ съ нимъ — сдвинулъ лицо отъ ударовъ. Изъ носу у Борна шла кровь, окрашивала голубые панталоны Смиса, крутились и барахтались два голыхъ тѣла. И все судорожнѣй вытягивалась змѣя — впитать запахъ крови, топали и ревѣли нечленораздѣльное.

— ...Поцѣлуй его, Борнъ, въ подмышку, очень вкусное мѣстечко! — выкрикнулъ пронзительный мальчишескій голосъ.

Диди — раскраснѣвшаяся, взбудораженная — дергала за рукавъ Кембла. Кемблъ оторвался отъ помоста и посмотрѣлъ на нее — съ ноздрями, еще жадно расширенными, и квадратнымъ, свирѣпо выдвинутымъ подбородкомъ. Онъ былъ новый, и какой-то маленькой показалась себѣ Диди. И... что хотѣла спросить? — забыла...

— Да смотрите же! — крикнулъ О'Келли

Кончалось. Качался отъ ударовъ Борнъ, — и медленно, медленно ноги его мякли, таяли, какъ воскъ — и онъ гулко рухнулъ

Джесмондъ былъ побитъ — Джесмондъ вопилъ:

— Невѣрно! Ударилъ, когда Борнъ уже падалъ...

— Долой Смиса! Неправильно, мы видѣли!

Смисъ стоялъ, закинувъ маленькую готовку, и улыбался: ждалъ, пока затихнутъ.

— ... И еще улыбается! Что за наглость такая! — Диди горѣла и дрожала. Повернулась къ Кемблу, чѣмъ-то колюче-нѣжнымъ ужалила его локоть — Была бы я, какъ вы — сейчасъ же бы вотъ его пошла и побила...

Кемблъ на секунду посмотрѣлъ ей въ глаза — и сбѣсившійся автомобиль вырвался и понесъ.

— Хорошо Я иду, — и двинулся къ трибунѣ

Было это немыслимо. не должно было быть, Кемблъ самъ не вѣрилъ, но остановиться не могъ: руль былъ испорченъ, гудѣло, несло черезъ что попало и — страшно или хорошо?

— Послушайте, не на самомъ же дѣлѣ Кемблѣ, вы спятили? Держите же, держите же, О'Келли!

Но О'Келли только улыбался молча, какъ фарфоровый монстр Джонни.

Судья объявилъ, что М-ръ Смисъ любезно согласился на пять круговъ съ М-ромъ Кемблѣ изъ Джесмонда. На помостѣ появилось громадное, бѣлое тулово Кембла — и Джесмондъ восторженно заревѣлъ.

М-ръ Кемблѣ изъ Джесмонда былъ выше и тяжелѣе Смисса, и все-таки съ перваго же круга стало ясно, что выходка его была совершенно безумной. Все такъ же улыбаясь, Смисъ наносилъ ему удары въ бока и въ грудь — только ухало гулко гдѣ то въ куполѣ. Но стоялъ Кемблѣ очень крѣпко, упористо разставивъ столбнячьи ноги и упрямо выдвинувъ подбородокъ.

— Послушайте, О'Келли, вѣдь опъ же его убьетъ, вѣдь это же ужасно .. — не отрывала глазъ и блѣднѣла Диди, а О'Келли только молча улыбался знающей улыбкой.

На третьемъ кругѣ, весь въ красныхъ пятнахъ и въ крови, Кемблѣ еще держался. На четвертомъ — въ самомъ началѣ — упалъ.

Диди вскочила, съ широко-раскрытыми глазами. Судья поглядывалъ изъ-подъ сѣдого козырька бровей и отсчитывалъ секунды.

— Разъ, два, три, четыре .

На послѣдней секундѣ — на девятой — Кемблѣ упрямо всталъ. Получилъ еще ударъ — и все поплыло, поплыло, и послѣднее, что увидѣлъ блѣдное лицо Диди.

Смутно помнилъ Кемблѣ куда-то его везли, Диди плакала, О'Келли смѣялся. Потомъ чѣмъ-то поили, заснулъ — и проснулся среди ночи. Свѣтилъ мѣсяцъ въ окно, и ухмылялся въ лицо Кемблѣ безобразный монстр Джонни.

Комната Диди. Ночью въ комнатѣ Диди. . Бредъ?

Потомъ медленно, сквозь туманъ, продумалъ:

— „Правда, нельзя же было везти домой — такимъ .“

Языкъ былъ сухой, пить страшно хотѣлось.

— Диди! — робко позвалъ Кемблѣ

Съ диванчика поднялась фигура въ черной пижамѣ:

— Ну, наконецъ-то вы! Кемблѣ, милый, я такъ рада, я такъ боялась... Вы меня можете простить? — Диди сѣла на кровать, взяла руку Кембла въ свои горячя, маленькя руки Пахло левкоями.

Кемблѣ закрылъ глаза Кембла не было — была только одна рука, какую держала Диди: въ этой рукѣ на нѣсколькихъ квадратныхъ дюймалъ собралось все, что было Кембломъ — и впитывало, впитывало, впитывало.

— Диди, вѣдь я пошелъ — потому что — потому что... — захватило горло вотъ тутъ — и тяжесть такая — не стронуть съ мѣста.

Диди нагнулась — серьезная — дѣвочка-мать

— Смѣшной... Я знаю же. Не надо говорить...

Ужалила Кембла двумя вѣжными остріями — быстро клюнула въ губы — и уже все ушло, и только запахъ левкоя, какъ бываетъ въ сухмень — ѣдкій и сладостный.

Всю ночь фарфоровый мопсъ сторожилъ Кембла усмѣшкой и мѣшалъ ему думать. Кемблъ мучительно морщилъ лобъ, рылся въ головѣ. Тутъ, въ квадратныхъ коробочкахъ были разложены извѣстные ему предметы, и въ одной, завѣтной, вмѣстѣ лежали: Богъ, британская нація, адресъ портного и будущая жена — М-съ Кемблъ — похожая на портретъ матери Кембла въ молодости. Все это были именно предметы, непреложные, твердые. То что было теперь — ни въ одну коробочку не входило: слѣдовательно..

Но руль былъ явно испорченъ. Кембла несло и несло, черезъ „слѣдовательно“ и черезъ что попало..

Утромъ Кемблъ проснулся — Диди уже не было, но ею пахло и лежала на стулѣ черная пижама. Кемблъ съ трудомъ поднялся, натянулъ вчерашній свой смокингъ. Долго смотрѣлъ на пижаму и крѣпился, потомъ всталъ на колѣни, оглянулся на дверь и погрузилъ лицо въ черный шелкъ — въ левкой.

Диди пришла свѣжая, задорная, съ мокрыми растрепанными кудрями.

— Диди, я думалъ всю ночь, — Кемблъ твердо разставилъ ноги, — Диди, вы должны быть моей женой.

— Вы такъ думаете? Должна? — затряслась Диди отъ смѣха. — Ну, что жъ, если должна... Только вы, ради Бога, лежите, докторъ велѣлъ васъ держать въ постели...

8. Голубыя и розовыя.

Боксъ былъ въ субботу, а въ понедѣльникъ имя Кембла уже красовалось въ „Джесмондской Звѣздѣ“.

„М-ръ Кемблъ (сынъ покойнаго сэра Г. Д. Кемблъ) съ удивительной стойкостью выносилъ желѣзные удары Смиса, пока, наконецъ, на четвертомъ кругѣ не палъ жертвой своего опрочетчиваго выступления. М-ръ Кемблъ былъ вынесенъ въ безсознательномъ состояніи. Среди друзей М-ра Кемблъ выдѣлялась туалетомъ звѣзда Эмпайра Д***“.

Въ этотъ день въ Джесмондѣ жизнь была ключемъ. О погодѣ почти не говорили — властителемъ умовъ былъ Кемблъ, говорили

только о скандалѣ съ Кембломъ. Останавливались около дома старушки Тэйлоръ и заглядывали въ окна Кембловъ какъ бы ожидая нѣкаго знаменія, но знаменія не появлялось. Тогда заходили къ лэди Кемблъ и съ радостнымъ видомъ выражали ей соболѣзнованіе.

— Ахъ, какой ужасъ, какой ужасъ! Но развѣ онъ такъ сильно пострадалъ, что нельзя было довести къ вамъ?

Черви М-съ Кемблъ извивались.

— Бѣдная М-съ Кемблъ! Вы даже лишены возможности навѣстить его! Вѣдь вы въ тотъ домъ не пойдете, неправда ли?

— А потомъ — та женщина! Дорогая М-съ Кемблъ, мы понимаемъ ..

Черви М-съ Кемблъ вились и шипѣли на медленномъ огнѣ, голубья и розовья любовались. Потомъ почему-то крутились около дома викарія Дьюли — тонкимъ нюхомъ чужали что-то и здѣсь; потомъ шли къ тому дому и терпѣливо смотрѣли въ окно съ опущенной занавѣской, но занавѣска не подымалась...

Впрочемъ, относительно дома викарія Дьюли голубья и розовья ошибались: то что тамъ произошло — были сущіе пустяки. За утреннимъ завтракомъ М-съ Дьюли читала газету и нечаянно опрокинула чашку кофе — вѣдь, это со всякимъ можетъ случиться. Главное, что скатерть была послана только въ субботу — и только въ слѣдующую субботу полагалась по расписанію новая. Немудрено, что викарій былъ въ дурномъ расположеніи духа и писалъ комментарии къ „Завѣту Спасенія“, а М-съ сидѣла у окна и смотрѣла на красные трамваи. Затѣмъ она отправилась въ тотъ домъ, спросила о чемъ-то хозяйку и немедленно пошла назадъ — быть можетъ, получивши отвѣтъ, что при М-рѣ Кемблѣ находится та женщина или что М-ру Кемблу значительно лучше. Но это, конечно, только предположенія — и единственно достоверно, что ровно въ три четверти перваго М-съ Дьюли была дома и ровно въ три четверти перваго начался второй завтракъ. явно, все обстояло благополучно.

Все шло согласно расписанію, и вечеромъ у викарія состоялось обычное понедѣльничное собраніе Корпорации Почетныхъ Звонарей Прихода Сэнтъ-Инохъ и редакціи приходскаго журнала. Было нѣсколько розовыхъ и голубыхъ; былъ неизмѣнный Макъ-Интошъ въ сине-желто-зеленой юбочкѣ; лэди Кемблъ не пришла.

Всѣ сидѣли, какъ на иголкахъ, у всѣхъ на языкѣ былъ Кемблъ — Кемблъ. Но съ викаріемъ очень-то не поспоришь: передъ нимъ лежало расписаніе вопросовъ, подлежащихъ обсужденію — семнадцать параграфовъ — и ужъ нѣтъ, ни одного не пропустить.

— Господа, прошу вниманія: теперь самый серьезный вопросъ..

Это былъ вопросъ о поднятіи доходности „Журнала Прихода Сэнтъ-Инохъ“. Викарій только что приобрѣлъ для журнала серію

„Парижскихъ приключеніи Арсэна Люпона“ Впослѣдствіи — это, конечно, повысить тиражъ, но пока — нужно возмѣстить расходъ, нужны объявленія, объявленія и объявленія.

— М-ръ Макъ-Интошъ, мы ждемъ вашей помощи!

М-ръ Макъ-Интошъ торговалъ дамскимъ бѣльемъ, у него были прекрасныя связи. Онъ быстро далъ три адреса и старательно выискивалъ еще

— Ва! — вспомнилъ онъ. — А резиновые издѣлія Скрибса?

Викарій поднялъ брови: здѣсь было одно серьезное обстоятельство.

— М-ръ Макъ-Интошъ, помните: мы ручаемся за качество рекомендуемаго. „Журналъ Прихода Сэнтъ-Инохъ“ не можетъ ..

— О, за издѣлія Скрибса я ручаюсь... — горячо возразилъ Секретарь Корпорации Почетныхъ Звонарей. — Я самолично...

Но викарій остановилъ его — легчайшимъ, порхающимъ движениемъ руки, какимъ въ проповѣдяхъ изображалъ онъ восшествіе праведной души къ небу. Издѣлія Скрибса были приняты; викарій записывалъ адреса.

Поздно, когда ее уже перестали ждать, пришла лэди Кемблъ. Какъ и всегда, голова была подтянута вверхъ невидимой уздой, и только лицо — еще мумійнѣи и еще острѣе вылѣзали кости — каркасъ сломаннаго вѣтромъ зонтика.

Какъ Божьи птицы-голуби, слетѣвшіяся на зерна, розовыя и голубыя закрутились около лэди Кемблъ: ну что? ну какъ?

Черви тежали недвижныя, вытянутые — и, наконецъ, съ трудомъ дрогнули:

— Я только думаю: что сказалъ бы мой покойный мужъ, сэръ Гарольдъ Кемблъ ..

Она подняла глаза вверхъ — въ обиталищу Бога и сэра Гарольда Кемблъ — изъ глазъ выползли двѣ разрѣшенные кодексомъ слезинки, немедля принятыя на батистовыя платокъ.

Двѣ слезинки почтены были глубокимъ молчаніемъ. Въ сторонѣ отъ всѣхъ М-съ Дьюли мяла и разглаживала голубоватый конвертъ. Молчали: что же тутъ придумаешь и чѣмъ поможешь?

И вдругъ вынырнула футбольная голова Макъ-Интоша: онъ былъ какъ всегда, незамѣнимъ

— Господа, это тяжело — но мы должны просить викарія пожертвовать собою. Всякій, кто слышалъ вдохновенную проповѣдь викарія на воскресной службѣ, пойметъ, что только каменные сердца могли бы. Господа, мы должны просить викарія, чтобы онъ пошелъ въ тотъ домъ, и я увѣренъ — мы увѣрены..

— Мы увѣрены! — подхватили розовыя и голубыя.

Прежде чѣмъ отвѣтить викарю сдѣлалъ паузу и высморкался, что стояло у него въ рубрикѣ: искреннее волнение. Что же — онъ всегда готовъ на жертвы. Но ужь, если и это не поможетъ — тогда придется .

М-съ Дьюли мяла и разглаживала узкій конвертъ, озябло поводила плечами: вѣроятно, простудилась. Въ жаркую пору, знаете это особенно легко.

Вокругъ порхали, поклевывали розовыя и голубыя

9 Хорошо-съ

Диди встала позже, чѣмъ обычно — было уже за полдень, что-то напѣвала и расчесывала передъ зеркаломъ непослушные мальчишескіе кудри. На ней была любимая черная пижама, корсажъ разрѣзанъ до пояса и слегка стянуть переплетомъ шнура, и сквозь черныя переплеть — розовое. Въ этомъ костюмѣ и съ подрѣзанными волосами — лѣвочко-мальчикъ — она была, какъ средневѣковыя пажъ. Изъ-за такихъ строгія дамы легко забывали рыцарей и такъ охотно выкидывали веревочную лѣстницу съ балковчика башни.

Въ сосѣднемъ номерѣ тяжело ворочался Кемблѣ трети дни освободилась комната рядомъ съ Диди — и третій день онъ здѣсь жилъ — или нѣтъ: куда-то летѣлъ на взбѣсившемся автомобилѣ, летѣлъ черезъ что попало — летѣлъ, какъ во снѣ. Впрочемъ, скоро все это кончится. Вотъ только заработать еще фунговъ тридцать, и тогда можно будетъ снять одинъ изъ тысячи одинаковыхъ домиковъ — и снова подъ ногами будетъ твердо.

— Миленькій Джонни, — бесѣдовала Диди съ фарфоровымъ монсомъ. — ужь ты пожалуйста на меня не сердись, если я немножко выйду замужъ. Вѣдь ты меня знаешь? Ну, такъ и молчи, и улыбайся, а геперь...

Въ № 72 стучали. Должно быть — Нанси, изъ новаго гевне.

— Нанси? Войдите.

Дверь скрипнула, Диди вышла изъ-за ширмочки и увидѣла викаря Дьюли. Онъ вскинулъ вверхъ брови изумленными треугольниками, издавъ негодующій ахъ! — и двинулся къ выходу.

— Я чрезвычайно извиняюсь — я думалъ, что уже разъ больше двѣнадцати, когда уже всѣ. — онъ взялся за ручку двери, но за ту же ручку схватилась и Диди.

Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не стѣсняйтесь, ради Бога садитесь. Это мой обыкновенный утренній костюмъ — и неправда ли: очень милый фасонъ? Я такъ много о васъ слышала — я очень рада, что вы наконецъ

Что жъ, надо было собою жертвовать до конца викаріи сѣль, стараясь не глядѣть на обычный утренній костюмъ.

— Видите ли... Миссъ? Гм... Диди... Я пришелъ по порученію одной несчастной матери. Вы, конечно, не знаете, что значить имѣть дитя...

— О, М-ръ Дьюли, но у меня есть... Вотъ мой единственный Джонни, и я его страшно люблю... — Диди поднесла морща къ треугольно поднятымъ бровямъ викарія Дьюли. — Неправда ли, какой милый? У-у, Джонни, улыбнись! Поцѣлуй М-ра Дьюли, не бойся — не бойся...

Холодными, улыбающимися губами Джонни приложился къ губамъ викарія. И вслѣдствіе ли неожиданности — или вслѣдствіе природной вѣжливости — викарій отвѣтилъ на поцѣлуй Джонни.

— О, какой вы милый! — Диди была въ восторгѣ, но викарій держался совершенно другого мнѣнія. Онъ негодующе вскочилъ:

— Я зайду къ вамъ, миссъ... мистриссъ, когда вы будете не такъ весело настроены. Я вовсе не расположенъ...

О. М-ръ Дьюли, къ несчастью — я, кажется, всегда весело настроена.

— Въ такомъ случаѣ..

М-ръ Дьюли отправился въ сосѣдній номеръ — къ Кемблу. Здѣсь почва была болѣе благодарная. Кембль выслушалъ всю рѣчь М-ра Дьюли, усиленно морщилъ лобъ и кивалъ: да, да. Впрочемъ, иначе и быть не могло: рѣчь викарія была строго логическая, и онъ увлекалъ за собой Кембла, какъ по рельсамъ, — викарій торжествовалъ..

Но на послѣдней станціи неожиданно произошло крушеніе.

— М-ръ Дьюли, прошу васъ не выражаться такъ о — о Диди, которую я просилъ быть моей женой.

— Же-женой? — но тотчасъ же викарій оправился — Но вѣдь вы же все время соглашались со мной, М-ръ Кембль?

— Да, соглашался, — мрачно кивнулъ Кембль.

— Такъ гдѣ же у васъ логика, М-ръ Кембль?

— „Автомобиль долженъ былъ остановиться...“ — Руль испорченъ... — ни въ тому, ни къ сему вслухъ сказалъ Кембль и упрямо выставилъ подбородокъ: — Да, женой.

— Хо-ро-шо-сь, — значительно посмотрѣлъ викарій и вышелъ съ высоко-поднятыми бровями, согласно рубрикѣ: холодное негодование.

10. Электрическій утюгъ

Былъ уже іюнь. Деревья въ паркахъ, къ сожалѣнію, потеряли свой приличный, подстриженный видъ: цвѣли олеандры, вылѣзали

изъ всѣхъ силъ, какъ понало, въ абсолютномъ безпорядкѣ. По ночамъ заливалось птичье, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что въ десять часовъ порядочные люди отходили ко сну. Порядочные люди сердито хлопали окнами и высовывались въ бѣлыхъ колпакахъ.

Впрочемъ, надо сознаться, анархическій элементъ былъ даже и въ Джесмондѣ, и этотъ элементъ — происходившее одобрялъ всецѣло. Умудрялись избѣгнуть бдительнаго взора парковыхъ сторожей — и послѣ десяти оставались въ кустахъ слушать пѣніе птицъ. Кусты интенсивно жили всю ночь, шевелились, шептались, а мѣсяць всю ночь разгуливалъ надъ паркомъ съ моноклемъ въ глазу и поглядывалъ внизъ съ добродушной ироніей фарфороваго мопса.

Все это производило какую-то странную болѣзнь: и кусты, и жара, и мѣсяць, и олеантры — все вмѣстѣ. Диди капризничала и хотѣла неизвѣстно чего, и Кемблѣ терялся.

— Жарко. Я не могу... — и разстегивала еще одну пуговицу блузы, и передъ Кембломъ мѣрно колыхались волны: бѣлая — батиста, и еще однѣ — розовыя, и еще однѣ — шумныя и красныя — въ головѣ Кембла.

Кемблѣ старался занять Диди чѣмъ-нибудь интереснымъ:

— ... Знаете, Диди, на Кингъ-Стритъ въ окнѣ я вчера видѣлъ электрической утюгъ. Такая прелесть, и всего десять шиллинговъ. Я думаю, намъ уже можно бы начать обзаведеніе...

Но Диди даже и на это отзывалась очень вяло. Нѣтъ, она, кажется, больна.

Спускала шторы. Ложилась въ кровать.

— Посмотрите, Кемблѣ; у меня жаръ. Ну вотъ тутъ — вѣдь правда? Нѣтъ, глубже — сюда... — клала руку Кембла.

И опять весь Кемблѣ собирался на нѣсколькихъ квадратныхъ дюймахъ руки и слышалъ, издали откуда-то мѣрными толчками колыхалась кровь и рвалась наружу — минута еще...

Но у Кембла, слава Богу, руль опять въ рукахъ, и онъ твердо править къ маленькому домику съ электрическимъ утюгомъ. Кемблѣ вытаскивалъ руку:

— Да, кажется, жаръ. Это — ничего, просто — погода...

На каминѣ — мопсъ Джонни и въ окнѣ — мѣсяць съ моноклемъ улыбаются одинаковой улыбкой. Кемблѣ сердито вставалъ и поворачивалъ Джонни носомъ къ стѣнѣ.

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста — ужъ пожалуйста.. Лучше дайте его мнѣ, — протягивала руки Диди.

Нырялъ мѣсяць въ легкихъ батистовыхъ облачкахъ, тускнѣлъ — и опять усмѣхался, и въ отвѣтъ — мерцало и мѣнялось каждую секунду Дидино лицо, сцѣплялись и опять расцѣплялись брови, думала, думала... А о чемъ теперь думать? Все квадратно-твердо впереди и

маленькій домикъ, и сияющій бѣлизною порожекъ, и ваза для воскресныхъ гвоздикъ — зеленая или голубая.

— Джонни, миленькій мой Джонни, — обнимала Диди фарфороваго мопса. — Поцѣлуй меня, Джонни. Такъ, — еще. Еще. Еще..

Цѣловала мопса, и онъ становился все теплѣй, оживалъ. Душила его своими духами — сухимъ отъ бездождья, сладостно-ѣдкимъ левкоемъ. Топила насмѣшливую морду Джонни въ бѣлыхъ и розовыхъ волнахъ и называла его странными именами.

А Кемблъ сидѣлъ молча, упрямо выставлялъ мѣсяцу каменные подбородокъ — и такъ былъ похожъ на портретъ покойнаго сэра Гарольда Кемблъ...

О'Келли теперь рѣдко заходилъ, но если заходилъ — то все такой же: заспанный, разстегнутый, злой и веселый. Кемблъ серьезно ему рассказывалъ:

— Двадцать фунтовъ уже есть. Еще тридцать — и на пятьдесятъ ужъ будетъ можно купить всю мебель...

— А безъ мебели — никакъ нельзя? — ухмылялся О'Келли.

— О да, конечно — нельзя, — невозмутимо — серьезно отвѣчалъ Кемблъ. — И вовсе нечего смѣяться: что тутъ смѣшного? Все совершенно логично...

— Ну, голубчикъ Кемблъ, на тогижъ надо ѣздить умѣючи, а то, чего добраго, разнесетъ.

И Богъ знаетъ къ чему — рассказывалъ О'Келли про свою тетьку Иву: на старости лѣтъ поперхнулась умомъ, и стала питья бояться — какъ бы не выпить какую бациллу. Бациллу не выпила — а отъ не-питья померла очень скоро.

Понемногу начинала прислушиваться Диди, медленно расцѣплялись брови, медленно просыпался смѣшливый пажъ. Вотъ подошелъ О'Келли къ камину, взялъ мопса Джонни:

— Ну до чего онъ на меня похожъ, а? На него глядя — я могъ бы безъ зеркала бриться...

Брови совсѣмъ расцѣпились — Диди хохотала.

— Это — просто геніально, если вы сами придумали. — Ну — сознайтесь, сами — или нѣтъ? Ну — признавайтесь? — трясла О'Келли беспомощно болталась его голова, изъ кармана сыпались свертки.

— Ага, фисташки? Ага, устрицы? А шампанское есть?

Ну, какъ же не быть. И на зеленомъ коврѣ начпнался веселый пикникъ, О'Келли глоталъ устриць и закусывалъ англичанами. Охъ, ужъ эти англичане!

— ... Праведны какъ... какъ устрицы, и серьезны — какъ непромокаемые салопы. Боже ты мой — англичане... Я бы всѣхъ ихъ — лимоннымъ сокомъ — вотъ этакъ, вотъ этакъ... Ага, закопошились?

Потихоньку открывалась дверь — и появлялась Нанси. Она была наполовину ирландка, и поэтому О'Келли привѣтствовалъ ее особенно сердечно. А кромѣ того, она...

Нанси была въ одной нѣжно-розовой рубашкѣ и съ мохнатой простыней въ рукахъ. Съ невиннѣйшимъ видомъ она обходила всѣ комнаты и предупреждала:

— Пожалуйста, не выходите въ корридоръ — я иду брать ванну...

Это было великоуѣпно: смѣялся даже Кемблѣ. А онъ смѣялся не особенно: уже всѣ перестали, а онъ одинъ вспомнить — и опять забыется; раскатился тяжелый грузовикъ — не остановить никакъ.

Завернувшись въ простыню, Нанси милостиво соглашалась до своей ванны принять участіе въ пикникѣ. Пѣвился и переливался черезъ край О'Келли. Трясла Диди подстриженными кудряшками — проказливый дѣвчюко-мальчикъ — вытягивала губы, — представляла, какъ викарій Дьюли поцѣловалъ мопса.

И опять — всѣ уже забыли, замолкли, а Кемблѣ — вспомнить и засмѣется. И уже одинъ въ своей комнатѣ, всѣ разошлись — а онъ опять вспомнить и засмѣется.

Все тихо. Душная ночь, нечѣмъ дышать, накрыла съ головой — какъ стеганымъ одѣяломъ. Нѣтъ, не уснуть...

Диди брала съ камина холоднаго мопса. Цѣловала его, пока онъ не становился т-плымъ, живымъ. А Кемблѣ снился электрическій уютъ: громадный, сверкающій, ползетъ и приглаживаетъ все, и не остается ничего — ни домовъ, ни деревьевъ, только что-то плоское и гладкое — какъ зеркало.

Любовался Кемблѣ и думалъ:

— „И только вѣдь десять шиллинговъ!“.

11 Слишкомъ жарко.

Викарій Дьюли не упускалъ случая внѣдрить въ сознаніе Джесмонда свой „Завѣтъ“. Въ субботу онъ выступалъ на митингѣ Арміи Спасенія. Если государство еще коснѣетъ въ упрямствѣ и пренебрегаетъ своими обязанностями, то мы, мы — каждый изъ насъ — должны гнать ближнихъ по стезѣ спасенія, гнать — скорпіонами, гнать — какъ рабовъ. Пусть будутъ лучше рабами Господа, чѣмъ свободными сынами Сатаны...

Рѣчь была потрясающая, и Джесмондскій отдѣлъ Арміи Спасенія рѣшилъ взяться за дѣло немедленно, завтра же.

Это было воскресенье — сіяющее, солнечное, жаркое. Въ половинѣ девятого утра Армія Спасенія тронулась изъ штабъ-квартиры. Со знаменами, гимнами, барабаннымъ боемъ, мѣрнымъ военнымъ шагомъ

двѣсти воиновъ Арміи Спасенія прошли по городу. И у каждой двери длинная, строгая женщина-офицеръ, въ синей лопаухой шляпѣ, останавливалась и колотила молоткомъ:

— Господинъ Христосъ призываетъ васъ въ церковь!

— Гелло! Господинъ Христосъ призываетъ васъ... Гелло, гелло! — колотила до тѣхъ поръ, пока внутри не просыпались, не начинали выглядывать изумленные лица.

Церковь Ст.-Инохъ сегодня была полна. Викарій вернулся домой счастливо-утомленный. За нимъ почтительно слѣдовали Секретарь Корпорации Почетныхъ Звонарей, Макъ-Интошъ, восхищенно покачивая головой: какое краснорѣчіе, какая неистощимая энергія!

— Итакъ, дорогой Макъ-Интошъ, сегодня — ваша очередь, — прощался съ нимъ викарій. — Пусть это — тяжелая обязанность, но это — обязанность...

М-ръ Макъ-Интошъ отправился гулять. Онъ выбралъ для прогулки не очень живописное мѣсто: ту улицу, гдѣ помѣщались меблированные комнаты М-съ Аунти. Повидимому, иногда ему приходили въ голову странныя фантазіи.

А викарій, позавтракавъ, усѣлся въ кресло. Было очень жарко. Сквозь верхнія, граненныя, стекла въ столовую сыпались десятки маленькихъ, отраженныхъ солнць. Викарій любовался: это были удобныя, портативныя и неяркія солнца. Сидя задремалъ: это входило въ воскресное расписаніе. Лицо и во снѣ хранило выраженіе изысканно-вѣжливое; все было готово, чтобы въ любой моментъ открыть глаза и сказать: прекрасная погода, неправда ли?

Армія Спасенія не пощадила, конечно, и артистическихъ меблированныхъ комнатъ М-съ Аунти, переполошила обитателей ни свѣтъ — ни заря.

Диди вышла къ завтраку со сжатыми бровями. За завтракомъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ, какъ будто, видя въ первый разъ — внимательно оглядѣла Кембла, хотя онъ былъ такой же, какъ всегда громадный, непреложный, прочный.

Чтобы поскорѣе добрать не хватающіе тридцать фунтовъ, Кемблъ бралъ теперь частную работу на домъ. Тотчасъ же послѣ кофе отстегнулъ манжеты и отправился въ свою комнату заниматься.

Сдвинувши брови, Диди сидѣла рядомъ и гладила монса. Солнце поднялось и назойливо стучало въ окно. Кемблъ всталъ и задернулъ шторы.

— А я хочу солнца, — вскочила Диди.

— Но, дорогая, вѣдь вы знаете, я работаю для того, чтобы мы могли скорѣе начать покупку мебели — и затѣмъ...

Диди вдругъ засмѣялась, не дослушавъ, и ушла къ себѣ. Поставила мопса на каминъ, посмотрѣла въ очаровательно-безобразную морду:

— Какъ ты думаешь, Джонни?

Джонни явно думалъ то же самое. Диди стала поспѣшно прикалывать шляпу..

А черезъ десять минутъ Макъ-Интошъ стоялъ передъ М-съ Дьюли

— Намъ надо поѣхать въ Санди-Бай, — таинственно подчеркивалъ онъ „надо“.

Пенснэ М-съ Дьюли на секунду вспыхнуло нехрустально:

— Вы — вы увѣрены?

М-ръ Макъ-Интошъ только обиженно пожалъ плечами и взглянулъ на часы:

— Намъ до поѣзда только десять минутъ.

..Не было спасенія отъ солнца и въ Санди-Бай слѣпило, кипятило кровь, кипѣлъ и бился пѣннобѣлый прибой.

О'Келли и Диди лежали на горячемъ пескѣ. Вѣроятно, отъ солнца — у Диди въ вискахъ стучало, и, вѣроятно, отъ солнца — О'Келли съ трудомъ подыскивалъ слова.

— Слишкомъ жарко. Давайте купаться, — встала Диди.

Блѣдножелтый отъ зноя песокъ. Яшмово-зеленая, съ бѣлокишечной оторочкой, шипучія волны. Прыгающія на волнахъ головы въ оранжевыхъ, розовыхъ, фиолетовыхъ чепцахъ. Приглушенные волнами солнце и смѣхъ.

Вода освѣжала, не хотѣлось выходить изъ воды Диди говорила себѣ:

— „Нѣтъ, только выкупаемся — и вернемся домой..“.

Но волны уносили все дальше. Набѣгали, подхватывали, крутили, и такъ хорошо не бороться, не думать, покоряться...

Надъ водою видна была только голова О'Келли — безобразная усмѣхающаяся голова мопса. Выкрикивалъ что-то плохо слышное въ шумѣ волнъ:

— ...всю ночь... хорошо?

Диди — слышала она или нѣтъ? — кивала головой...

Когда послѣ купанья вошли въ кафе пообѣдать — О'Келли за однимъ изъ столиковъ увидалъ М-съ Дьюли и съ ней футбольную, глубокомысленную голову Макъ-Интоша. О'Келли подбѣжалъ къ нимъ

— Какими судьбами — вы — здѣсь? Я такъ радъ, М-съ Дьюли что вы обьизвестились еще не совсѣмъ...

— Обьизвестилась?

— Да, я только что, вотъ, рассказывалъ.. своей дамѣ Черезъ нѣсколько лѣтъ любопытный путешественникъ найдетъ въ Англии

объизвествленныхъ неподвижныхъ людей, известнякъ въ формѣ деревьевъ, собакъ, облаковъ... Если не случится то тѣхъ поръ землетрясенія, или чего-нибудь такого.

Пенснэ М-съ Дьюти холодно блестяло. Она съ усмѣшкой поглядывала на какой-то странный сверточекъ съ ручкой сверточкомъ О'Келли оживленно размахивалъ.

Это и есть. М-ръ О'Келли, вашъ знаменитыи надувной чемоданъ?

О'Келли немного смутился — на четверть секунды.

— О, вы знаете: хорошій охотникъ безъ ружья не выйдетъ. Просто по привычкѣ... Такъ вы въ пять часовъ? Я надѣюсь, въ поѣздѣ встрѣтимся, если не опоздаю.

— Буду очень рада,—стекла М-съ Дьюти сверкали.

Неаккуратность О'Келли хорошо извѣстна: къ пятичасовому — О'Келли, конечно, опоздалъ.

12. Рожденіе Кембла.

Сразу спала жара, стоялъ молочный, мокрый туманъ. Особенно слышно было ночью: о подоконникъ чмокали неумолчно отчетливыя капли — какъ часы, отбивали къ-то положенный срокъ.

И когда этотъ срокъ насталъ — а случилось это какъ разъ въ день рожденія Кембла — было получено письмо въ узкомъ, холодно-вато-голубомъ конвертѣ. Письмо было безъ подписи.

„Милостивый Государь, будучи Вашими друзьями, мы не можемъ не освѣдомить Васъ, что извѣстные Вамъ М-ръ К. и М-съ Д. дурно пользуются Вашимъ довѣріемъ, въ чемъ Вы будете имѣть случай достоверно убѣдиться“.

Голубоватый, узкій конвертикъ былъ чѣмъ-то знакомый, а подумавши — Кемблъ вспомнилъ. Все это было очень просто и ясно: чистѣйшая выдумка, Кемблъ былъ непреложно увѣренъ.

И все-таки — шелъ въ контору и было какъ-то нехорошо. будто выпилъ чашку чаю и увидѣлъ на днѣ муху; муху выкинулъ, но все-таки... А можетъ быть — это просто отъ тумана: душный, какъ вата, и закутанные странно звучать шаги — какъ будто кто-то неостепенно идетъ сзади.

Въ конторѣ — О'Келли встрѣтилъ Кембла шумно и радостно — былъ еще шумнѣй и пестрѣй, чѣмъ всегда. Оказалось, О'Келли не забылъ, что сегодня — день не простой, а день рожденія Кембла, и готовилъ Кемблу какой-то подарокъ, а какой — обнаружится вечеромъ. И затѣмъ Сэсели — съ улыбкой пасхальнаго барашка — поднесла Кемблу букетъ бѣлыхъ тилій. Кемблъ прямо растрогался.

А когда вернулся домой — его ждалъ еще одинъ подарокъ. Диди сама — сама! — предложила пойти по магазинамъ и начать тѣ покупки. И Кемблова муха безъ слѣда исчезла.

Утюгъ... — засіялъ Кемблъ. — Сначала утюгъ, а уже потомъ .

Утюгъ — тяжелый, надо подтѣ конецъ, чтобы не таскать его все время, — резонно возражала Диди.

Но Кемблъ настоялъ на своемъ, купили утюгъ, и Кемблъ радостно его таскалъ, и вовсе не было тяжело: легонькій, какъ пенушко, честное слово.

Зажигались огни, густѣли туманъ. Это былъ день рожденія Кембла — настоящаго рожденія, начиналась новая жизнь. И новый былъ Джесмондъ въ туманѣ — невиданный, незнакомый городъ. Необычно и весело звучали шаги — будто кто-то неотвязно ступалъ, сторожилъ сзади.

И еще непременно хотѣлъ Кемблъ купить бѣлья для Диди. Диди, было, отпѣкивалась, но Кемблъ и слышать ничего не хотѣлъ. Чинче — день его рожденія.

— Для вашей жены?

— Нѣтъ... То есть... — Кемблъ смущенно улыбался приказчику.

Прозрачныя, шелковыя — тѣло черезъ нихъ должно нѣжно ровѣть сорочки и панталоны. Было радостно — стыдно перевертывать и разглядывать все это вмѣстѣ съ нею, съ Диди. Съ каждой новой купленной вещью Диди все больше становилась его женой.

Уши у Кембла горѣли, и онъ замѣтилъ, что Диди прятала лицо. Кемблъ засмѣялся.

— Ну же, Диди, будьте же храброй: посмотрите на меня... — хотѣлось видѣть и у ней тотъ же сладкій стыдъ. Но Диди лица такъ и не показала.

Вечеромъ появился О'Келли съ массой свертковъ и въ сопровожденіи Миссъ Сесили.

— ...Чтобы было, какъ въ Ноевомъ Ковчегѣ, — объяснилъ О'Келли. Повернулся къ камину — и всплеснулъ руками: на каминѣ, рядомъ съ мопсомъ Джонни — красовался сверкающій утюгъ. — Рядомъ съ Джонни? — съ укоромъ посмотрѣлъ онъ на Диди.

Потомъ обернулся къ Кемблу:

— Итакъ, рѣшено: „я твой на вѣки“; неправда ли, Кемблъ? Что касается меня, то я просто глупъ: никогда не могъ понять, какъ можно одну и ту же любить каждый день — какъ можно одну и ту же книгу читать каждый день? Въ концѣ концовъ — это должно сдѣлать малограмотнымъ...

На Диди шампанское сегодня дѣйствовало странно: она сидѣла у стола, вытаскивала изъ блокъ-нота листы почтовой бумаги и

съ наслажденіемъ разрывала ихъ на мелкіе кусочки. Сесили — та раскраснѣлась отъ вина и боролась съ О'Келли изъ-за четвертой пуговицы: три пуговицы на блузкѣ она позволила разстегнуть, но четвертую...

— Нѣтъ, это неприлично, — съ серьезной и невинной физиономіей пасхальнаго барашка отвѣчала Сесили.

— Но отчего же именно четвертую неприлично? — хохоталъ О'Келли. — Отчего же три было можно?

Диди все еще рвала бумагу. О'Келли отобралъ у ней блокъ-ноги и попросилъ тишины. Главное, на что онъ хотѣлъ бы обратить вниманіе слушателей — была почтовая бумага съ линейками. На иной бумагѣ — въ Джесмондѣ писемъ не пишутъ. и это очень хорошо, такъ какъ линейки — тѣ же самые рельсы, а мысль въ Джесмондѣ должна двигаться именно по рельсамъ и согласно строжайшему расписанію. Мудрость жизни въ цифрахъ, а потому онъ привѣтствуетъ трехугольную мораль обожаемой Сесили. И такъ какъ онъ, О'Келли, и никто другой, былъ Зміемъ, соблазнившимъ Кембла сойти съ рельсъ прихода Сэнтъ-Инохъ, то...

О'Келли вытащилъ чекъ на пятьдесятъ фунтовъ и протянулъ Кемблу:

— ...Чтобы вы могли завтра же купить все свои остальные утюги..

И такъ какъ Кемблъ колебался — О'Келли добавилъ:

— Разумѣется — займы. И я требую, чтобы вы сегодня же сейчасъ же — написали мнѣ вексель.

Это было головокружительно хорошо: значить — хоть завтра же. Руки у Кембла дрожали и голосъ дрожалъ:

— ...Я не умѣю говорить, какъ вы, О'Келли.. Но вы понимаете. Вы мой единственный другъ, единственный...

И теперь — это было совершенно нелѣпо — Диди захохотала — и все выше и громче — сорвалось — и сквозь слезы:

— Не смѣйте, Кемблъ! Не хочу, не хочу! Не смѣйте брать деньги!

Впрочемъ, скоро успокоилась и затихла. Вѣроятно, это было просто капризь: никакихъ резоновъ — почему не хотѣла — Диди сказать, не могла.

— Вотъ видите — ваше шампанское, — укоризненно-ласково сказалъ Кемблъ М-ру О'Келли. О'Келли уходилъ съ пасхально-барашковой Сесили подъ руку.

День рожденія Кембла кончился — и завтра начнется новая жизнь: завтра искать маленькій домикъ.

13. Туманные приключенія.

Диди опять обѣщалась зайти къ О'Келли послѣ театра, и О'Келли обѣгалъ по цвѣточнымъ магазинамъ, разыскивая Easter Lilies: Диди ихъ такъ любила. Станный, фарфорово-бѣлый цвѣтокъ, изъ одного громаднаго, небрежно-свернутаго лепестка, и высунуто жало-тычинка. съ сухимъ, сладкимъ, лѣнивымъ запахомъ. Въ асиметріи цвѣтка и въ противорѣчьи фарфоровой бѣлизны и запаха — было что-то раздражающее какъ въ О'Келлиевской манерѣ говорить. Словомъ — Easter Lilies нравились Диди, и надо было ихъ во что бы то ни стало достать. сезонъ ихъ уже проходилъ. И только на Кингс-стритъ О'Келли поспешивилосъ найти послѣднія, уже слегка увядающія, изъ пожелтѣвшаго стараго фарфора.

Со сверткомъ подъ мышкой, насвистывая, выбѣжалъ О'Келли изъ магазина. Мысли весело пѣвились шампанскимъ, и изъ искристой пѣны, какъ Венера, выходила Диди въ черной пижамѣ.

— „Впрочемъ нынѣшняя Венера такой и должна быть въ пижамѣ. Нагота — слишкомъ ужъ добродѣтельна...“ — насвистывая, размышлялъ О'Келли.

— Добрый вечеръ, дорогой М-ръ О'Келли! Неправда ли, прекрасная погода?

О'Келли споткнулся: передъ нимъ сіяли золотые зубы викаря Дьюли.

— Вы, вѣроятно, къ себѣ — въ контору? — чуть примѣтно улыбнулся Дьюли.

— То есть... почему въ контору? — О'Келли немного смутился никто не зналъ о томъ, что дѣлалось по вечерамъ въ конторѣ, и это было очень странно, что Дьюли... — Я не настолько ослино-трудолюбивъ, чтобы работать еще и по вечерамъ. — непринужденно засмѣялся О'Келли.

А — а, такъ, такъ — такъ значить.. — Дьюли поднялъ тарелкообразную, пасторскую шляпу. И О'Келли снова весело покатился, придерживая подъ мышкой свертокъ съ цвѣтами.

Когда О'Келли свернулъ на Гай-стритъ уже темнѣло. Въ безчисленныхъ узкихъ ущельяхъ переулковъ, между старыми домами зажигались, покачивались фонари. Съ рѣки плылъ туманъ, все теряло свой ежедневный обликъ, и легче было жить — легче было обмануться. Въ кузницѣ лязгало желѣзо, фонари красновато дымились — и можно было повѣрить, что внизу, у рѣки, собираются около костра латники Оливера Кромвеля. И что эта черная фигура — прекрасный и несчастный Риччио пробирающійся къ Маріи Стюартъ.. О'Келли задумался, засунувъ руки въ карманы.

Но Риччио обернулся — и О'Келли показалось, что на немъ плоская священническая шляпа. Что за странная встрѣча — или это все туманъ? О'Келли прильнулъ къ витринѣ антикварнаго магазина и усиленно сталъ разсматривать позеленѣлый мѣдный дверной молотокъ — уродливую собаче-человѣческую голову. Потомъ осторожно перебѣжалъ на другую сторону и пошелъ слѣдомъ за Риччио.

Да, это онъ. досчатая фигура, аккуратно сложенные позади руки — и пальцы что-то отсчитывающіе. Это былъ Дьюли, и переулочекъ Сапожника Джона — пожалуй, слишкомъ странное мѣсто для прогулокъ — на викарію.

О'Келли нырнулъ въ ближайшій изъ проходовъ, сбѣжалъ къ лѣвѣ — по темному ущелью — между высокихъ стѣнъ и потомъ за коулками выбрался опять на Книгсъ-стритъ.

Когда, прокружившись по улицамъ съ часъ, О'Келли снова очутился противъ переулка Сапожника Джона — туманъ уже осѣлъ, и было ясно видно нѣтъ никого. Черезъ боковую, окованную желѣзомъ, дверь О'Келли вошелъ въ домъ.

При конторѣ О'Келли была маленькая сводчатая комнатка, окномъ въ переулокъ, окно старое, узкое — бойница съ рѣшеткой. Теперь эту комнатку не узнать было: старые, выцвѣтшіе гобелены по стѣнамъ, два желѣзныхъ, узорчато-кованныхъ фонаря отъ антиквара напротивъ; очень низенькій — на четверть отъ полу — турецкій диванъ во всю стѣну. И переливающиеся, неуловимые огоньки въ каминѣ, и Диди у огня — въ своей черной пижамѣ, такая уютная.

Такъ вотъ лежать — прикованной къ золотой игрѣ огня, прихлебывать золотое, колючее вино и слушать — не слушать колючія слова О'Келли.

— ..Дѣвочка моя, я именно этого и хочу, чтобы поселившись съ утюгами и Кембломъ — вы стали несчастны. Счастье — одно изъ наиболѣе жиробразующихъ обстоятельствъ, а вамъ идетъ быть именно такою, тоненькимъ, стриженнымъ дѣвочко-мальчикомъ ..

Рука О'Келли касалась такъ нѣжно, и откуда-то издали, устало видѣла Диди причудливо-противорѣчивыя *Easter Lilies* и слышала свой голосъ:

— Но это какъ жестоко обманывать Кембла. Онъ — большіе зная.

— Жестоко? — засмѣялся О'Келли. — Дѣтямъ — жестоко говорить правду. Если что меня убѣждаетъ въ милосердіи Божіемъ — такъ это именно дарованная Богомъ ложь, именно то, что...

О'Келли не кончилъ: показалось — скрежеталь замокъ въ боковой двери, въ переулкѣ Сапожника Джона, а потомъ чьи-то шаги по каменной лѣстницѣ. Впрочемъ, О'Келли хорошо помнилъ, что дверь

онъ заперъ на ключъ, просю въ старомъ домѣ бродила гѣнь Сапожника Джона.

— ...Я не удивлюсь, если добрый Джонъ заявится сюда.. — потянулся О'Келли — Сегодня отъ тумана все такъ фантастично.

Диди ушла въ театръ и сказала Кемблу, что изъ театра ей надо кой-куда зайти. Кембль сидѣлъ одинъ, не зажигая огня. За окномъ чокали кацли, отчетливо и правильно, какъ часы. Когда совсѣмъ смерклось — пришла старушка Тэйлоръ и принесла письмо отъ лэди Кембль. лэди Кембль просила сына непременно прійти сегодня вечеромъ. Очевидно, это было, наконецъ, давножданное примиреніе. Все складывалось, какъ нельзя лучше. Кембль мигомъ одѣлся и пошелъ.

Лэди Кембль хотѣла обставить, очевидно, очень торжественно: столовая была ярко освѣщена, и вокругъ стола Кембль увидѣлъ М-съ Дьюли, потиравшаго руки викарія и футбольноголоваго Макъ-Интоша. Кембль радостно подошелъ къ лэди Кембль, но невидимая узда вздернула ея голову еще выше, она сдѣлала величественную жестъ рукой — и сурово показала Кемблу на стулъ:

— Садитесь.. — помолчала и подняла глаза къ портрету сэра Кембль, — въ парикѣ и мантии. — Боже мой, что сказалъ бы вашъ покойный отецъ, сэръ Гарольдъ Кембль

Больше она говорить не могла за нее говорилъ викарій — и кому же, какъ не ему, сказать все, какъ надо?

— Дорогой М-ръ Кембль! Мы пригласили васъ сюда — потому что мы любимъ васъ, ибо Христосъ заповѣдалъ любить и грѣшниковъ. Мы вынуждены прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ для того, чтобы вернуть васъ на правильный путь. И вы послѣдуете сейчасъ за мною и М-ромъ Макъ-Интошъ — и замѣтивъ, что Кембль хочетъ возражать, викарій добавилъ: — хотя бы ради вашей магери, — взгляните на нее

Лэди Кембль молитвенно смотрѣла на портретъ покойнаго сэра Кембль изъ глазъ ея показались двѣ скудныя слезы — это было наибольшее, что она могла себѣ позволить, не нарушая приличій. Рядомъ сидѣла и дрожала въ лихорадкѣ М-съ Дьюли, не поднимая глазъ.

Кембль спокойно сказалъ

— Хорошо, пойдете — все это была, конечно, такая же гнусная продѣлка, какъ письмо въ голубомъ конвертѣ, и разъ навсегда надо было съ этимъ покончить.

Улицы были пустыя Вѣгеръ опять дулъ съ рѣки, нагонялъ туманъ, окутывалъ крыши — и стѣны уходили вверхъ, въ самое небо.

Шли молча въ ущельѣ изъ стѣнъ. Понемногу Кемблѣ понялъ, что идутъ къ конторѣ О'Келли. Ущелье все сдвигалось и давило, и ничего во всемъ мірѣ не было, кромѣ стѣнъ до самаго неба, и никуда нельзя было вырваться изъ стѣнъ. Все идти, идти между стѣнъ — какъ во снѣ. И какъ во снѣ — не зная — зналъ Кемблѣ, что въ концѣ.

Въ переулкѣ Сапожника Джона, у окованной двери остановились. Наверху сквозь узенькую бойницу свѣтилъ огонь.

— Ну-съ? — торжествующе потирая руки, взглянулъ викарія на Кембла.

Какъ слѣпой, ткнулся Кемблѣ въ окованную дверь.

— Заперто... — беспомощно обернулся Кемблѣ. Упрямыи квадратный подбородокъ прыгалъ.

— О, не безпокойтесь, мы припасли ключъ... — выскочила изъ тумана футбольная голова. Ключъ былъ громадный, неуклюжий. — Вотъ французскіе ключи — это, дѣйствительно, культурно, французскаго не подобрать... — добавилъ Макъ-Интошъ.

Слышно было, какъ Кемблѣ сдѣлалъ на каменной лѣстницѣ два шага — и остановился. Секунду было тихо. Потомъ шаги загромыхали по лѣстницѣ, сливаясь въ гулъ: Кемблѣ бѣжалъ вверхъ. Потомъ хлопнула верхняя дверь, секунда тишины — и Кемблѣ уже громыхалъ внизъ, не разбирая дороги, съ грохотомъ промчался мимо викарія куда-то внизъ, какъ огромный взбѣсившійся грузовикъ безъ руля.

14. Перо системы Вотермана.

Утромъ Кемблѣ, какъ всегда, тщательно выбрился и надѣлъ чистый воротничекъ. Въ зеркалѣ съ удивленіемъ замѣтилъ, что онъ совершенно такой же, развѣ только маленькіе слоновые глазки стали побольше: за ночь подъ глазами легла темная тѣнь.

Въ столовой Кемблѣ взялъ газету и механически сталъ проглядывать объявленія о сдающихся въ наемъ домахъ — какъ это дѣлалъ послѣдніе дни. Поималъ себя на этомъ, усмѣхнулся, отложилъ газету. Выпилъ, какъ обыкновенно, двѣ чашки кофе. Мазалъ хлѣбъ масломъ, но почему-то не ѣлъ, а складывалъ аккуратно на тарелкѣ. И только когда замѣтитъ передъ собой цѣлую горку хлѣба — сконфузился и ушелъ.

Было уже время идти въ контору, но Кемблѣ вернулся обратно въ спальню. Заперся на ключъ: еще разъ все передумать и рѣшить все съ самаго начала. Но въ головѣ всѣ колеса были мертвыя и не двигались, и вмѣсто мыслей было одно и то же. До боли ясныя

розово-черныи переплеть на груди у нея — и смѣшныя. кривыя и тоненькія ноги у него.

Когда прозвонили къ завтраку, Кемблѣ очнулся и понялъ: думать было совершенно нечего и нельзя. Все уже рѣшено кѣмъ-то, онъ шелъ теперь между высокихъ — до неба — каменныхъ стѣнъ, и некуда было идти только впередъ, до конца.

Кемблѣ открылъ ящикъ стола и вытащилъ старый, оставшійся отъ отца, револьверъ съ игольчатыми патронами. Потомъ написалъ на имя лэди Кемблѣ чекъ на тридцать фунтовъ, которые у него лежали еще въ банкѣ, порвалъ полученный отъ О'Келли чекъ на пятьдесятъ фунтовъ — и тутъ вспомнилъ: ручка, которою онъ писалъ, была ручка О'Келли, — когда-то ее тутъ оставилъ. Обыкновенная чернильная ручка системы Вотермана — „Watermans' Fountain Pen“ — и теперь ее, конечно, надо было вернуть О'Келли.

Кемблѣ мучительно наморщилъ лобъ: все остальное было определено и просто, а это было страшно трудно — съ ручкой Вотермана. Надо было отдать и что-то сказать при этомъ, и все это очень осложняло положеніе. Кемблѣ сунулъ ручку въ тотъ же карманъ пиджака, гдѣ лежалъ револьверъ, и всю дорогу думалъ о ручкѣ: какъ бы это въ самомъ дѣлѣ...

И такъ — съ озабоченнымъ и наморщеннымъ видомъ, вошелъ въ кабинетъ О'Келли.

О'Келли сидѣлъ у себя въ кабинетѣ съ бумагами такъ же, какъ вчера, и все-таки было въ немъ что-то совершенно новое. Черезъ секунду, приглядѣвшись, Кемблѣ увидѣлъ: О'Келли — не улыбался. Это было такъ же невѣроятно, какъ если бы пересталъ улыбаться фарфоровый мопсъ Джонни. Это былъ не О'Келли...

Растерянно Кемблѣ опустилъ руку въ карманъ, вытащилъ перо Вотермана и положилъ на столъ:

— Вотъ... ваша ручка.. вы ее забыли, я долженъ отдать..

О'Келли изумленно распялилъ глаза и переводилъ ихъ съ ручки Вотермана на растеряннаго Кембла и съ Кембла на ручку. Потомъ сталъ краснымъ, съ минуту наливался смѣхомъ — и лопнулъ:

— Боже ты мой.. перо Вотермана! Кемблѣ — вы — вы — вы недоображаемы..

Теперь это былъ тотъ самый. Кемблѣ, не колеблясь, вытащилъ револьверъ и высрѣлилъ куда-то три раза. О'Келли медленно клонился впередъ, пока не уткнулся лицомъ въ бумаги.

Кемблѣ не слыхалъ ни крика О'Келли, ни крика четырехъ его женъ. Надѣлъ шляпу, вышелъ на улицу и почувствовалъ страшно усталъ, никогда въ жизни не уставалъ такъ. Подошелъ на Гай-Стритъ, къ мирно дремавшему бобби

— Я убилъ М-ра О'Келли, адвоката Пожалуйста, поскорѣи отвѣдите меня куда надо. я очень усталъ

Полицейскій разинулъ ротъ, и всѣмъ своимъ существомъ, и округлившимися глазами такъ явно подумалъ: „сумасшедшій“, что Кемблль добавилъ.

— Ну подите и спросите въ конторѣ, а я подожду. Только, пожалуйста, поскорѣи.

Черезъ минуту полицейскіи и Кемблль шли вмѣстѣ внизъ по переулку саножника Джона. Шли молча между гладкихъ, до неба поднимавшихся стѣнъ и сквозь туманъ вспоминалось Кембллу: такъ—безъ конца—уже шелъ когда-то, между двухъ гладкихъ, нескончаемыхъ стѣнъ

15 Сѣро-бѣлая чешуя.

Осенній вѣтеръ бѣсился, свистѣлъ, сѣлъ. Съ моря насадала огромная сѣрая птица, закрыла крылами полнеба, и все ближе нагибалась, неумолимая, нѣмая, медленная, и все больше темнѣло. И толпа не расходилась: прошелъ слухъ, что убійцу могутъ помиловать. Въ самомъ дѣлѣ, глядишь—имя и заслуги покойнаго сэра Гарольда Кемблль еще не были забыты, и очень легко могло статься что...

— Долой сэровъ! — каркалъ кто-то упрямо и хрипло — Небось этого солдата въ прошломъ году живо вздернули.. Долой сэровъ!

Фонарь у входа въ тюрьму дергался и качался, и бѣлыя стѣны пошатывались, готовыя рухнуть. Правосудіе было въ опасности...

Изъ толпы вынырнула футбольная голова М-ра Макъ-Интошъ. Онъ былъ взволнованъ, его голосъ дрожалъ..

— Господа, правосудіе и культура нераздѣльны. Мы должны стать на защиту культуры. Господа, можно ли себѣ представить что-нибудь болѣе дикое, чѣмъ обдуманное и рассчитанное убійство? И поэтому, къ сожалѣнію, я говорю — къ сожалѣнію мы должны требовать.

— Долой сэровъ!

Вѣтеръ свистѣлъ. Отъ фонаря легла длинная свѣтлая полоса, и въ этой полосѣ пестрой чешуей переливались лица, котелки, воротнички—медленнымъ, безконечнымъ движеніемъ ползущей змѣи. Слово уже было не разобрать: змѣя переливалась и сердито урчала.

Откуда-то, какъ изъ клѣтки выпущенная, пропеслась стая малячишекъ — всѣ босые и всѣ въ бѣлыхъ воротничкахъ.

Джесмондская звѣзда! Экстренное прибавленіе! Помилованіе убійцы адвоката О'Келли!

— Какъ? Уже? Помиловали? — вцѣпились въ бѣлые листки.

Но рѣчь шла только о возможномъ помилованіи, и только прибавлялось, что принимая во вниманіе заслуги покойнаго сэра Кембла, это было бы болѣе чѣмъ...

— Долой сэровъ!

— Господа, правосудіе...

— Долой „Джесмондскую звѣзду“!

Сѣро-бѣлая чешуя переливалась быстрѣе подъ фонаремъ, змѣя зашуршала по асфальту, поползла къ редакціи „Джесмондской звѣзды“ и двадцатью кольцами развернулась передъ темными окнами. Въ редакціи никого не было.

Звякнулъ камень въ стекло, брызнули и задрезжали осколки. Но окна были такія же пустыя и темныя. И темная нѣмая птица сверху нагнулась уже совсѣмъ близко.

Пора было идти по домамъ: въ постеляхъ уже нетерпѣливо ждали голубыя и розовыя жены. Ждали, чтобы, зажмурившись отъ страха и любопытства, спросить:

— Неужели — помилуютъ? Неужели..

И потомъ вздрогнуть и прижаться пылко: какъ хорошо жить..

Къ ночи вѣтеръ неожиданно стихъ. И стало тихо и черно — какъ будто куда-то провалился весь міръ. Бываетъ такъ, что крутится весь день потерянный человѣкъ, вздрагиваетъ отъ звонковъ и смѣется такимъ смѣхомъ, отъ котораго страшно, а глаза западаютъ все глубже, и только объ одномъ мыслить: ткнуться головой въ подушку, провалиться въ черное — уснуть. И вотъ такая была ночь: головой въ черную подушку ткнулся день: провалился — ни свѣта, ни звука.

Къ ночи М-съ Дьюли стало какъ будто легче. Весь день было очень нехорошо: опять пропало пенснэ — и весь день она бродила, какъ слѣпая, спотыкалась и натыкалась на людей. И все будто бѣгала за какими-то покупками, а придетъ въ магазинъ — и покупать ничего не надо, и вовсе не то, а главное — все равно зачѣмъ теперь покупать?

Обѣдъ былъ въ шесть съ четвертью — вмѣсто шести, и викарій острыми треугольниками поднималъ вверхъ брови:

— Дорогая моя, вѣдь это такъ просто: имѣть запасное пенснэ. И тогда у васъ не было бы этого... этого страннаго вида. И былъ бы порядокъ, а вы знаете...

— Хорошо, я куплю завтра... — М-съ Дьюли вздрогнула и поправилась: — послѣзавтра.. Потому что: кто же въ мірѣ будетъ что-нибудь покупать завтра — завтра?

Въ спальнѣ было темно, не надо было смотрѣть, и, можетъ быть, оттого М-съ Дьюли стало легче, и она неожиданно уснула.

Вѣроятно, спала только нѣсколько минутъ. Проснулась, открыла глаза — и увидѣла бѣлый фланелевый колпакъ викарія: викарій, сложивши, согласно предписанію „Завѣта“, руки на груди, мирно похрапывалъ. Все было чѣрно и тихо, провалился весь міръ. Вопить и кричать — никто не услышитъ и ничего не сдѣлаетъ: весь міръ мирно спалъ, похрапывая, во фланелевомъ колпакѣ...

Неизвѣстно, сколько времени спалъ викарій, но только проснулся отъ воплей М-съ Дьюли. Тотчасъ понялъ:

— „Страшный сонъ — скорѣе будить“... — сны никакъ было не подвести подъ расписаніе, викарій очень боялся сновъ.

Вѣроятно, М-съ Дьюли спала очень крѣпко — она кричала все громче и только тогда затихла, когда викарій схватилъ ее за плечо холодной рукой.

— Я думаю, вамъ на ночь не надо ужинать, дорогая...

— Да, я думаю — не надо, — отвѣтила въ темнотѣ М-съ Дьюли.

Черезъ пять минутъ — викарій опять спалъ, мирно похрапывая. Все было чѣрно и тихо.

16. Торжествующее солнце.

Было назначено въ половинѣ десятаго — и совершенно правильно: всякій культурный человѣкъ долженъ имѣть время побриться и позавтракать, и въ томъ, что назначено было въ половинѣ десятаго только сказывалось уваженіе одного культурнаго человѣка къ другому — хотя бы и преступному.

Солнце было очень яркое. Солнце торжествовало — это было ясно для всякаго, и вопросъ былъ только въ томъ, торжествовало ли оно побѣду правосудія — и стало быть, культуры — или же...

Сѣро бѣлая чешуя тревожно шуршала и переливалась:

— Послушайте, господа, ничего еще не извѣстно?

Нѣтъ, вчера ничего не получено, но можетъ быть — сегодня утромъ... Въ концѣ концовъ все рѣшить послѣдній моментъ: прозвонить въ половинѣ десятаго тюремный колоколъ — или промолчать?

Въ тюрьму пробирался аккуратно-выбритый розовый старичекъ, изъ тѣхъ, что имѣютъ видъ вкусный, какъ сдобные, хорошо подрумяненные пирожки.

Старичка пропустили: быть можетъ онъ принесъ извѣстіе — или, быть можетъ, онъ — мастеръ.

— Долой сэрвъ! — каркнулъ голосъ.

И стало еще тише. Чешуя напряглась, замерла, не шевелилась. Бифштексно-румяные посетители боксовъ и скачекъ не отрывались отъ часовъ. Равнодушно блестя мѣдныя трубы Арміи Спасенія. Румяное, упитанное, торжествующее выкатывалось солнце. Иней на крышѣ таялъ, и тикала капель — какъ часы, отчетливо отбивала секунды.

И вотъ капнуло еще, и послѣдняя капля — и половина. Напряженная, стеклянная секунда — и... ничего: колоколъ молчалъ.

Сразу зашевелилась чешуя, заурчала, и все громче. Выплеснулось вверхъ: долой! Всѣ были оскорблены: и любители бокса и скачекъ, и сторонники культуры.

Кипѣли и переливались. Вымахивали руки. Зловѣще свивались и развивались кольца, и все еще что-то ждали, не расходились.

Безъ четверти десять, когда уже больше не на что было надеяться — тюремный колоколъ запѣлъ медленнымъ, мѣднымъ голосомъ: капала съ неба мѣдная, мѣрная капель.

Чешуя бѣшено закрутилась, запестрѣла платками и криками. Солнце торжествовало, розовое и равнодушное. Трубы Арміи Спасенія играли тягучій гимнъ. Облегченно становились на колѣни: помолиться за душу убійцы.

А затѣмъ, когда все стихло, викарій Дьюли произнесъ рѣчь — о необходимости проведенія въ жизнь „Завѣта Спасенія“. Все то, что случилось и замутило тихое теченіе Джесмондской жизни — не было ли, наконецъ, самымъ убѣдительнымъ аргументомъ? Если бы государство насильно вело слабыя души единымъ путемъ — не пришлось бы прибѣгать къ такимъ печальнымъ, хотя и справедливымъ мѣрамъ... Спасеніе приходило бы математически-неизбѣжно, понимаете — математически?

Прокричали sheego въ честь викарія Дьюли, гордости Джесмонда, и единогласно приняли резолюцію. Надо надеяться, что на этотъ разъ билль о „принудительномъ спасеніи“, наконецъ, пройдетъ.

Евг. Замятинъ.

1917. Newcastle-upon-Tyne.

СЕРГѢЙ ЕСЕНИНЪ.

Подъ отчимъ кровомъ.

^ *
*

Подъ краснымъ вязомъ крыльцо и дворъ,
Луна надъ крышей, какъ златъ бугоръ.

На синихъ окнахъ накапанъ ликъ:
Бредеть по тучѣ сѣдой Старикъ.

Онъ смуглой горстью межъ тихихъ дровъ
Бросаетъ звѣзды — озимый сѣвъ.

Взрастаетъ нива и зерна душъ
Со звономъ неба спадаютъ въ глушь.

Я помню время, оно какъ звукъ
Стучало клювомъ въ древесный сукъ.

Я былъ во злакѣ, но костный умъ
Ужъ вѣрилъ въ поле и водный шумъ.

Въ межѣ подъ елью, гдѣ облакъ тынь,
Миѣ снились рѣки златыхъ долинъ.

И слышалъ духъ мой про край холмовъ,
Гдѣ есть рожденье въ посѣвѣ словъ.

Твой гласъ незримый, какъ дымъ въ избѣ.
Смиренымъ сердцемъ молюсь тебѣ.

Овсянымъ ликомъ питаю духъ,
Помощникъ жизни и тихій другъ.

Рудою солнца посѣянъ свѣтъ,
Для вѣчной правды названья нѣтъ.

Считаетъ время песокъ мечты,
Но новыхъ зеренъ прибавилъ ты.

Въ незримыхъ пашняхъ растутъ слова,
Смѣшалась съ думой ковыль-трава.

На крѣпкихъ сгибахъ воздѣтыхъ рукъ
Возводитъ церкви строитель звукъ.

Есть радость въ душахъ топтать твой цвѣтъ,
На первомъ шагѣ свой видѣть слѣдъ.

Но краше кротость и стихшій пылъ,
Склонившихъ вѣки предъ звономъ крыль

Не напрасно дули вѣтры
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихимъ свѣтомъ
Напоилъ мои глаза.

Съ чьей-то ласковости вешней
Отгрустилъ я въ синей мглѣ
О прекрасной, но нездѣшной
Неразгаданной землѣ.

Не гнететь нѣмая млечность,
Не тревожить звѣздный страхъ.
Полюбилъ я міръ и вѣчность,
Какъ родительскій очагъ.

Все въ нихъ благостно и свято,
Все тревожное свѣтло.
Плещетъ рдяный макъ заката
На озерное стекло.

И невольно въ море хлѣба
Рвется образъ съ языка:
Отелившееся небо
Лижетъ краснаго телка.

Ночь, и поле, и звонъ облаковъ,
Съ златной тучки глядитъ Саваоѣ.
Расплескалася пѣгая мгла,
Вижу свѣтъ голубого крыла.

Тихо выплылъ изъ ровныхъ долинъ
Отчій домъ подъ кустами стремнинъ,
И обвѣтреный легкимъ дождемъ
Конскимъ потомъ запахъ черноземъ.

Здѣсь все такъ же, какъ было тогда,
Тѣ же рѣки и тѣ же стада.
Только ивы надъ краснымъ бугромъ
Обветшалымъ трясуть подоломъ.

Кто-то сгибъ, кто-то канулъ во тьму,
Ужъ кому-то не пѣть на холму.
Мирно грезить родимый очагъ
О погибшихъ во мракѣ плечахъ.

Тихо, тихо въ божничномъ углу,
Мѣсяцъ мѣситъ кутью на полу...
Но тревожить лишь поминомъ тишь
Изъ запечья пугливая мышъ.

О, край дождей и непогоды,
Кочующая тишина,
Ковригой хлѣбною подъ сводомъ
Надломлена твоя луна!

За перепаханною нивой
Малиновая лебеда;
На вѣткѣ облака какъ слива
Златится спѣлая звѣзда.

Опять дорогой верстовою,
На перекорь твоей бѣдѣ,
Бреду, и чую яровое
По голубѣющей водѣ.

Клубить и пляшетъ дымъ болотный..
Но и въ кошмѣ пѣвучей тьмы
Неизреченностью животной
Напоены твои холмы.

Т а б у н ь

Въ холмахъ зеленыхъ табуны коней
Сдуваютъ воздрами златой налетъ со дней.

Съ бугра високаго въ синѣющей заливъ
Упала смоль качающихся гривъ.

Дрожать ихъ головы надъ тихою водою
И ловить мѣсяцъ ихъ серебряной уздой.

Храпя въ испугѣ на свою же тѣнь,
Зазастить гривами они ждутъ новын день.

* * *

Весенній день звенить надъ конскимъ ухомъ
Съ привѣтливимъ желаньемъ къ первымъ мухамъ.

Но къ вечеру ужъ кони надъ лугами
Брыкаются и хлопаютъ ушами.

Все рѣзче звонъ прилипшій на копытахъ,
То тонетъ въ воздухѣ, то виснетъ на ракетахъ.

И лишь волна потянется къ звѣздѣ
Мелькаютъ мухи пепломъ по водѣ.

* * *

Погасло солнце. Тихо на лужкѣ.
Пастухъ играетъ пѣсню на рожкѣ.

Уставясь лбами слушаетъ табуны
Что имъ поетъ вихрастый гамаюнъ

А эхо рѣзвое, скользнувъ по ихъ губамъ,
Уноситъ думы ихъ къ невѣдомымъ лугамъ.

Любя твой день и ночи темноту
Тебѣ, о родина, сложилъ я пѣсню ту.

Не отъ холода рябиனுшка дрожитъ,
Не отъ вѣтра море синее кипитъ.

Напоили землю радостью снѣга,
Снятся дѣду іорданскіе брега.

Видитъ въ долахъ онъ озера да кусты,
Черезъ озера перекинута мосты.

Какъ по мостику кудрявъ и желторусъ
Бродитъ отрокъ, сынъ Іосифа, Исусъ.

Отъ восхода до заката въ хмарѣ водъ
Кличетъ утиць онъ и рыбешекъ зоветъ:

„Вы сходитесь ко мнѣ твари за корму,
Научите меня разуму-уму“.

Какъ по бережку межъ вымоинъ и горъ
Тихо льется ихъ бесѣда-разговоръ.

Мелка рыбешка, сплеснувшись на песокъ,
Подаетъ ли свой подводный голосокъ.

„Ужъ ты чадо, мило дитятко Христось,
Мы пришли къ тебѣ съ поклономъ на допросъ.“

„Ты иди учись въ пустыняхъ да лѣсахъ;
Наша тайна отразилась въ небесахъ“.

Пѣсня, лугъ, рѣки затоны, —
Эта жизнь мнѣ только снится.
Свѣтъ отъ розовой иконы
На золотыхъ моихъ рѣсницахъ.

Пусть не я тотъ нѣжный отрокъ,
Въ плескъъ крыльевъ голубиныхъ.
Сонъ мой радостенъ и кротокъ
На рукахъ твоихъ невинныхъ.

Мнѣ не нуженъ вздохъ могилы,
Слову съ тайной не обняться.
Научи, чтобъ можно было
Никогда не просыпаться.

Алый мракъ въ небесной чѣрни
Начертилъ пожаромъ грань.
Я пришелъ къ твоей вечернѣ,
Полевая глухомань.

Не легка моя кошица,
Но глаза синѣе дня.
Знаю, мать земля черница,
Всѣ мы тѣсная родня.

Разошлись мы въ даль и шири
Подъ лазоревымъ крыломъ.
Но сзоветъ насъ изъ псалтыри
Заревой зарѣ псаломъ.

И придемъ мы по равнинамъ
Къ правдѣ сошьяго креста
Свѣтомъ книги голубиной
Напоить свои уста.

Гляну въ поле, гляну въ небо,
И въ поляхъ и въ небѣ рай.
Снова тонетъ въ копнахъ хлѣба
Незапаханный мой край.

Снова въ рощахъ непасенныхъ
Неизбывные стада,
И струится съ горъ зеленыхъ
Златоструйная вода.

О, я вѣрю, знать за муки
Надъ пропащимъ мужикомъ —
Кто то ласковыя руки
Проливаетъ молокомъ.

Успенье 1917 г.

Заря надъ полемъ — какъ красный тынь.
Плыветъ на тучкѣ превѣчный сынъ.

Вотъ вышла бабка кормить цыплятъ.
Горить на небѣ святой окладъ.

— Здорово внучекъ!

— Здорово свѣтъ!

— Зайди въ избушку.

— А дома-ль дѣдъ?

— Онъ чинить неводъ ловить ершей.

— А много-ль дѣду отъ роду дней?

— Ужъ скоро девять десятковъ зимъ.

И вспорхнулъ внучекъ, какъ бѣлый дымъ.

Съ душою дѣда поплылъ въ туманъ,
Гдѣ зрѣетъ полдень незримыхъ странъ.

Тамъ, гдѣ вѣчно дремлетъ тайна
Есть нездѣшныя поля.
Только гость я, гость случайный
На горахъ твоихъ, земля.

Широки лѣса и воды,
Крѣпокъ взмахъ воздушныхъ крылъ.
Но вѣка твои и годы
Затуманилъ бѣгъ свѣтилъ.

Не тобой я поцѣлованъ,
Не съ тобой мой связанъ рокъ.
Новый путь мнѣ уготованъ
Отъ захода на востокъ.

Суждено мнѣ изначально
Возлетѣть въ нѣмую тьму.
Ничего я въ часъ прощальный
Не оставлю никому.

Но за миръ твой, съ выси звѣздной,
Въ тотъ покой, гдѣ спитъ гроза,
Въ двѣ луны зажгу надъ бездной
Незакатныя глаза.

Проплясалъ, проплакалъ дождь весенній,
Замерла гроза.

Скучно мнѣ съ тобой, Сергѣй Есенинъ,
Поднимать глаза...

Скучно слушать подъ небеснымъ древомъ
Взмахъ незримыхъ крылъ:

Не разбудишь ты своимъ напѣвомъ
Дѣдовскихъ могилъ!

Привязало, осаднило слово

Даль твоихъ временъ.

Не въ вѣтрахъ, а знать въ томахъ тяжелыхъ
Прозвенить твой сонъ.

Кто-то сядетъ, кто-то выгнетъ плечи,
Вытянетъ персты.

Близокъ твой кому-то красный вечеръ,
Да не нуженъ ты.

Всколыхнетъ онъ Брюсова и Блока,
Востормошитъ другихъ.

Но все также день взойдетъ съ востока,
Также вспыхнетъ мигъ.

Не измѣнять ликъ земли напѣвы,
Не страхнуть листа...

Навсегда пригвождены ко древу.
Красные уста.

Навсегда простеръ глухія длани
Звѣздный твой Пилать.

Или, или, лима Савахѣани, —
Отпусти въ закатъ!

Покраснѣла рябина
Посинѣла вода.
Мѣсяць, всадникъ унылыи,
Уронилъ повода.

Снова выплылъ изъ роши
Синимъ лебедемъ мракъ
Чудотворныя мощи
Онъ принесъ на крылахъ.

Край ты, край мой родимый.
Вѣчный пахарь и вой...
Словно Волга подъ ивой
Ты поникъ головой.

Встань, пришло исцѣленье,
Навѣстилъ тебя Спасъ!
Лебединое пѣнье
Нѣжить радугу глазъ.

Дня закатаго жертва
Искупила весь грѣхъ.
Новой свѣжестью вѣтра
Пахнетъ зрѣющій снѣгъ.

Но незримыя дрожди
Все теплѣй и теплѣй.
Помяну тебя въ дождикъ
Я, Есенинъ Сергѣй

Николаю Клюеву

*И вѣрю: подъ одной звездой
Съ тобой мы были рождены*

М Л

О Русь, взмахни крылами
Поставь иную крѣпь!
Съ иными именами
Встаетъ иная степь.

По голубой долинь,
Межъ телокъ и коровъ,
Идетъ въ златой раднинь
Твой Алексѣй Кольцовъ.

Въ рукахъ—краюха хлѣба,
Уста—вишневый сокъ
И вызвѣдило небо
Пастушескій рожокъ.

За нимъ, съ снѣговъ и вѣтра,
Изъ монастырскихъ вратъ,
Идетъ одѣтый свѣтомъ
Его середній братъ.

Отъ Вытегры до Шуи
Онъ избродилъ весь край,
И выбралъ вличку—Клюевъ
Смиренный Миколай.

Монашья мудръ и ласковъ
Онъ весь въ рѣзбѣ молвы,
И тихо сходитъ пасха
Съ безкудрой головы

А тамъ, за взгорьемъ смолымъ,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый
Такой разбойный я.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны горъ;
Но даже съ тайной Бога
Веду я тайно споръ.

Сшибаю камнемъ мѣсяць,
И на нѣмую дрожь
Бросаю, въ небо свѣсясь,
Изъ голенища ножъ.

За мной незримымъ роемъ
Идетъ кольцо другихъ,
И далеко по селамъ
Звенить ихъ бойкій стихъ.

Изъ травъ мы вяжемъ книги,
Слова трясемъ съ двухъ полей.
И сродникъ нашъ, Чапыгинъ,
Пѣвучъ, какъ снѣгъ и доль.

Сокройся, сгинь ты племя
Смердящихъ сновъ и думъ!
На каменное темя
Несемъ мы звѣздный шумъ.

Довольно гнить и ноешь,
И славить взлетомъ гнусь—
Ужъ смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь,

Ужъ повела крылами
Ея нѣмая крѣпь!
Съ иными именами
Встаетъ иная степь

Сергѣй Есенинъ

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

Gloria in excelsis.

I.

Зорко старцу Амуну на его дикой недоступной скалѣ.

Кю его видить? Кю его слышитъ?

Тамъ, гдѣ когда-то гнѣздилися пещерныи орель, пещера старца
А видить его только небо, только солнце, только звѣзды — пробѣ-
жить вѣтеръ, шелестя горько, и другой, черныи, что подымаетъ бѣду,
вѣстникъ напасти, шуршитъ, кукуетъ и дальше — — и третій весенній,
осыпая пещеру бѣло-алымъ цвѣтомъ, какъ его братъ бѣлый, пороша
снѣгомъ, поетъ безумныя пѣсни. Да еще видятъ его дикіе звѣри: по
ночамъ приходятъ звѣри къ пещерѣ и старецъ ихъ поить.

Зорко старцу Амуну и ясно.

Обрѣзано сердце его.

Его подвигъ великъ и труды неподъемны. Подъ дождемъ и
вѣтромъ, рѣзче вѣтра и хлестче дождя его бичъ терновый.

Трижды въ годъ опускаетъ старецъ глаза въ долину на тѣ
трубы и башни, на черепицу — на дымящійся, съ синей адовой пастью
въ темныя noci, тѣсныи городъ, что повисъ надъ моремъ И трижды
въ годъ осѣняетъ старецъ крестомъ городъ и море.

Море плещется, размываетъ скалу.

И съ гудомъ и гуломъ волнь — звонъ долины

На звонъ выходитъ старецъ изъ пещеры на молитву.

Небо надъ нимъ и звѣзды.

Никто не помнитъ, когда возшелъ онъ на гору и поселился въ
дикой пустынѣ. Разъ въ годъ съ дарами крестной тропой поды-
мается старикъ священникъ пріобщать старца. И въ сумеркахъ вечера,
когда спускается старикъ назадъ въ долину, видно съ горы сіяніе
чаши — бѣлый небесныи свѣтъ.

Зорко старцу Амуну и ясно

Обрѣзано сердце его и уши отверсты.

Въ который часъ, въ какую напасть вотъ вереницей, какъ упорныи змѣй, тянутся на гору жены, дѣти и старики, кусками и кольцами ползуть по острымъ камнямъ, о камни — на колѣняхъ, глаза туда и руки простерты — —

— Помолись за нашихъ мужей и сыновъ, они пошли на войну. Жестокій Антиохъ объявилъ нашему королю Аспиду войну. Помогни долѣть врага. Дай Боже вернуться имъ цѣлымъ! Помолись! Попроси!

Выглянулъ старецъ:

— Горемыки! Не могу я молиться за проливающихъ кровь.
И скрылся въ пещеръ.

И крестная тропа, какъ отъ снѣга подъ вешнимъ солнцемъ, шумно опросталась отъ горемычныхъ

Сердце ходило — проклятiя вышентывали поблекшия осиротѣлыя рубы и другiя запекшияся, какъ земля подъ зноемъ

— Жестокій, онъ не любилъ никого.

— Черствое сердце, оно не рвалось отъ тоски.

— Забылъ онъ отца и мать! Намъ ничего не надо, не для себя и живемъ, только бы сына намъ сохранить! Заглохло сердце его

— О, если бы зналъ онъ дни и ночи, память мою! Не мигъ мнѣ свѣтъ и звѣздная ночь постыла. Тоска выѣла сердце. Глаза мои гаснутъ отъ слезъ.

— Лицемѣръ! Поить звѣрек, а мы?

— Нѣтъ, онъ никого не любилъ, не думалъ ни о комъ, мертвецъ проклятый!

Проклятiе и жалоба, какъ море въ погоду, взывало и взвивалось по опустѣлой долиинѣ — изъ городскихъ воротъ выходили вооруженные мужи и юноши, покидая стариковъ и семью.

Да, какое рѣзкое слово открытому сердцу, въ страхъ и тревогѣ за близкихъ, — сухой песокъ въ просяще глаза. Или и вправду забылъ онъ отца и мать? Или, не любя никого, его сердце, какъ окаменѣвшая въ мiрѣ когда-то нѣжная вѣтвь?

Такъ выговаривало сердце, и слѣпло отъ горя

Вооруженные мужи и юноши, покидая стариковъ и отрываясь отъ любимой семьи, шли умирать за короля и землю — не пощадить жестокин Антиохъ родную ихъ землю.

И кричало сердце ожесточаясь:

— Какъ? Проливающiе кровь? Кто же насъ защититъ? И нѣтъ молитвы за нихъ? Путь къ Богу закрытъ? Видитъ Богъ, проклиная я часъ, въ который зачала меня мать, проклиная день, въ который увидѣла бѣлый свѣтъ, проклиная звѣзды и ночь моей любви, не надо мнѣ жизни! Мужа верни мнѣ!

Желѣзная крыша повисла надъ долиной — надъ городомъ, выбрасывающимъ въ небо изъ своихъ красныхъ трубъ сине-адово пламя, и, какъ отбитыя, опустились руки
— Мертвецъ проклятыи!

II

Нѣтъ, жива душа у старца Амуна. II сердце его не было глухо, онъ прозрѣвалъ свѣтъ небесныи, слышалъ плачь сердца человѣческаго, и вопль звѣриный не былъ закрытъ отъ него.

Одни живутъ, какъ звѣри, имѣя только шкуру, мясо кости кишки, другіе мятутся и чаютъ, третьи предстоятъ Богу

Старецъ, идя по пути чистоты и духа, отрѣшившись отъ страстей — ими движется жестокая жизнь наша! — и освободившись отъ гнета хотѣнія и воли, творя волю Божью, пилъ чашу живой воды и были руки его чисты и чистое сердце мудро.

Люди, живущіе звѣринымъ обычаемъ, а такихъ больше полмира, люди съ душой закрытой проходятъ кровавый кругъ жизни на семъ свѣтѣ и пролитіе крови для нихъ законъ, но въ царствѣ духа кровь безвластна.

Нѣтъ, не могъ старецъ молиться за проливающихъ кровь.

И зналъ онъ то, что было скрыто отъ нашихъ смертныхъ глазъ, онъ прозрѣвалъ судьбы міра, судьбу человѣческую, обрекавшую человека и даже цѣлый народъ по его дѣламъ прошлымъ на жизнь и смерть

И о своемъ народѣ зналъ онъ правду.

II прозрѣвая судьбы міра и провидя судьбу въ глазахъ приходящихъ къ нему, какъ далеку былъ онъ отъ мысли, что онъ выше другихъ, и знаетъ, и дано ему больше. Опъ не полагался на себя и въ душѣ его не рождалась безпечность

Съ бодростью вставалъ онъ отъ сна, прилежно стоялъ на молитвѣ и много трудился.

II за долгие подвиги онъ достигъ почти безтѣлесной жизни, все желаніе свое устремивъ къ Богу въ ожиданіи часа, когда возвант будетъ отъ міра сего на отдыхъ отъ муки жизни здѣшней.

Труды, молитва и созерцаніе, — такъ проводилъ онъ свои дни.

II тѣло его не слабѣло, душа не теряла бодрости, и свободный духъ его раскрылся.

Божьимъ свѣтомъ озарена была его душа.

Отпустивъ пришедшихъ къ нему на Гору съ мольбой горемычной, онъ сталъ на молитву и всю ночь молился о чающей твари

III.

По немаломъ времени опять приходятъ на гору скорбныя.

Лицъ ихъ не видно, одни испуганные и воспаленные глаза. глаза устремлены къ пещерѣ, и сквозь стонъ едва слышенъ голосъ.

Вышелъ изъ пещеры старецъ.

— Отецъ! — и руки тянутся къ послѣдней защитѣ, — война разгорается. Наши мужья и отцы ушли. Ихъ призвалъ король противъ Псаммiя. Жестокiй полководецъ Псаммiй присталъ къ Антиоху. Мы воюемъ со многими властителями. Кровь заливаешь наши поля.

И скорбныя не хотятъ уходить, моля о пощадѣ и о побѣдѣ надъ врагомъ.

А тамъ на поляхъ обагряемыхъ кровью, рядомъ съ воинами Аспида умирали воины Антиоха и Псаммiя. И въ Сирiи стонали, какъ въ Александрiи.

Матери говорили:

„Намъ ничего не надо, не для себя и живемъ мы, намъ только бы сохранить нашего сына!“

Отцы съ горестью вспоминали свои надежды, больше не вѣря въ возвращенiе сыновей.

Жены рвали на себѣ волосы отъ тоски по мужьямъ.

И какъ въ Александрiи, такъ и въ Сирiи, слово въ слово одна подымалась къ небу молитва о пощадѣ и о побѣдѣ надъ врагомъ.

А небо было одно.

И сердце человѣческое — горяющее и стонящее.

И этого не видѣли люди, живя звѣринымъ обычаемъ своимъ во власти крови.

Старецъ ничего не сказалъ и скрылся въ пещерѣ.

И возстонала гора — скорбныя, не проклиная ужъ, всѣ слова давно перегорѣли въ горечи напрасныхъ ожиданiй и думъ безпокойныхъ, поползли убито со скалы въ долину въ пустыя дома свои оплакивать злую долю.

— Нѣтъ, безбожное говорится въ мiрѣ, гнѣвается старецъ.

А старецъ по отшествiи скорбныхъ сталъ на молитву и всю ночь молился за своихъ братьевъ, достигшихъ свободы духа.

IV.

Люди приходятъ въ мiръ не по желанiю своему и душа ихъ несетъ въ себѣ ту мѣру силъ, какая досталась имъ отъ прошлой земной жизни ихъ и участь каждаго по дѣламъ его.

У однихъ кожаный покровъ покрываетъ душу, ихъ глаза устремлены въ землю, — кожа, мясо, кости, кишки — и обычай ихъ жизни звѣринный и такихъ больше полміра, другіе, они еще не узрѣли неба, имъ оно грезится въ снахъ. окликанные и душа ихъ, сграница, нѣжна, какъ цвѣтъ. и третьи — сыны духа, имъ отверсто небо.

Рожденные въ кожаной одеждѣ не могутъ стать чающими, и чающимъ никогда въ явь не откроется небо. Но трудами и жертвою каждый можетъ дойти до своей грани: и восплакавшіе звѣри возстанутъ къ новой жизни чающими, и чающіе — сынами духа, сыны же духа раскрыляются въ мѣру своего подвига.

Старець Амунь родился, какъ и всѣ родятся, отъ матери — не оскорбляйте женъ, берегите нашу землю-мать! — и избранный среди позванныхъ еще въ юности услышалъ въ своемъ сердцѣ голосъ. Онъ росъ и учился, какъ его сверстники, и родители его гадали о его будущемъ, желая ему чести, славы и покоя. А голосъ, звучащій въ сердцѣ его, не сулилъ никакого покоя. Все, къ чему стремится душа въ звѣриномъ обычаѣ живущихъ, — богатство, власть, слава, отвращали его душу. И затосковать онъ по какой-то другой жизни, не этой съ богатствомъ, властью и славой, и рѣшилъ по голосу сердца. оставилъ онъ домъ, родителей своихъ и пошелъ искать свою родину. И такъ скитаясь по свѣту и терпя большую нужду и скорби, — не гоните странныхъ, берегите большихъ братьевъ своихъ! — онъ пришелъ въ пустыню, и привела его тропа къ пещерѣ египетскаго подвижника-духовосца. Въ пустынѣ онъ и остался. Онъ прошелъ долгій искусь подъ началомъ учителя своего и, укрѣпивъ духъ свой, взошелъ на дикую гору и поселился одинъ въ пещерѣ, чтобы испытать искушеніе отъ демоновъ. И живя въ борьбѣ съ демонами, онъ покорилъ ихъ и дана ему была власть, какъ надъ низшими, такъ и надъ начальными, ибо былъ высокъ въ вѣрѣ и смирененъ сердцемъ.

V

Въ Намосѣ жизнь замирала.

Война все разстроила: и хозяйство и самый строй жизни. Не хватало работниковъ — война требовала живой силы и вотъ людей искусныхъ отрывали отъ ихъ прямого полезнаго дѣла и угоняли на охоту за человѣкомъ — не стало кому и пахать, не было и лучниковъ, и шакалы, не стѣсняясь, подступали къ самому городу.

Тамъ на поляхъ, обогрязаемыхъ кровью, умирали отъ ранъ и заразы, а тутъ за стѣною — и жрать нечего и одѣться не во что — голодная, холодная смерть.

Въ Петровки подошли кочевники къ городской стѣнѣ и примкнули шатры свои къ лачугамъ пригорода, и некому было отогнать ихъ. А на Ильинъ день пришли посланные отъ короля Аспида и забрали дѣдовъ и отроковъ, способныхъ наляцать лукъ, а за одно трихватали и здоровыхъ кочевниковъ

Вой и проклятiя дикихъ разрывали душу.

И въ городѣ остались геперь лишь немощные да слабые.

Все, что можно, все повибрали, и двухъ послѣднихъ поповъ увели съ собой посланные короля, одного — Галкина, а другого — забылъ.

Остался Евагрій, старикъ разбитый ногами, давно жившій на покое, въ нему и приступили скорбные.

— Погодите, то ли еще будетъ, — сказалъ Евагрій. — придутъ нечестивые воины Антиоха и истребятъ всякую тварь и настанетъ конецъ.

И былъ глухой плачь, какъ собачи вой.

И изъ плача, какъ изъ колодца:

— Спросите старца Амуна долго ли намъ терпѣть такую муку?

Но Евагрій отвѣчалъ:

— Старецъ пребываетъ въ святости во все дни, не будетъ онъ разбирать проклятiя наши дѣла.

Извѣстiя одно другого страшнѣй приходили съ войны.

Говорили, что королевское войско погибло у песчаной скалы, а другiе, что въ болотѣ. Говорили также, что сами въ плѣнъ сдались, а кто уперся, все равно не сдобровать.

А тутъ увидѣли ополченiе дикихъ стрѣлковъ: они шли по улицамъ съ дубинами и туками, шли на помощь королевскому войску. Они никого не обидѣли, только попросили горсть финиковъ на обѣдъ. Но внезапность появленiя ихъ и дикiи обликъ ужаснули.

— Спросите у старца! — просили тѣ, кто ужъ больше не могъ подняться.

По ночамъ среди блѣдныхъ спасовыхъ гумановъ какiя-то птицы шарахали о землю крыломъ, и вдругъ подымались вихри и сносили верхи башенъ и кресты церквей, являлись два мѣсяца, показались три солнца.

— Спросите у старца! — просили обреченные въ свои послѣднiя минуты.

И вотъ вереницей по крестнымъ камнямъ поползли на колыняхъ жены и доживающiе останные дни старики и лица ихъ были темъ и зелень, а глаза, какъ отцвѣтшiй цвѣтъ.

— О мирѣ! О мирѣ! — шептали они, какъ тѣни.

И шопоть ихъ сливался въ скрѣбъ.

— Не могу я молить о мирѣ — сказалъ старецъ, — взявши мечъ мечомъ и погибнетъ.

— О мирѣ! О мирѣ! ради малютокъ, не обагрившихъ кровью рукъ.

— О мирѣ! О мирѣ! ради полей, обагряемыхъ кровью.

И шопоть сливался въ скрѣбъ.

— Нѣтъ, — сказалъ старецъ, — но и до седьмого колѣна отмѣщается грѣхъ.

VI.

Когда удалились скорбные, раздумался старецъ: дѣти, не обагрившіе рукъ, и поля, обагряемыя кровью, стали у него въ глазахъ. Живые, измученные — голодные дѣти со своимъ плачемъ ужаснымъ и словами не нашими, поля, гдѣ умирали затоптанные цвѣты, — вошли въ его душу. И скрѣбъ отъ стона и плача стоялъ въ ушахъ. И онъ не могъ побѣдить жалости и отвлечь умъ свой, чтобы съ чистымъ сердцемъ приступить съ молитвою къ Богу.

И вдругъ въ темнотѣ пещерной явился свѣтильникъ и свѣтомъ яркимъ озарилъ пещеру, и старецъ увидѣлъ себя, провелъ по щекамъ мокрой отъ слезъ, и тоска залила его душу.

Онъ сидѣлъ, согнувшись надъ начатой плетушкой, и какой ненужной показалась ему вся его работа. Ненужныя валялись на землѣ прутья. И уныніе впилося въ его душу. И умъ выговорилъ всѣми словами ясно о ненужности труда его жизни.

Онъ сидѣлъ, опустившійся весь, немощный, и вѣки, истомленные слезами и свѣтомъ, тяжелѣли.

И на минуту онъ забылся

И вдругъ какъ отъ сильнаго толчка онъ вздрогнулъ, открылъ глаза и осѣнилъ себя крестомъ.

И тотчасъ свѣтильникъ исчезъ.

И понялъ старецъ, что это дьяволъ, и, положивъ клятву, твердо вышелъ изъ пещеры.

Звѣздная ночь была — звѣзды большія крылили.

— Господи, прости миръ! — шепталъ старецъ и, ступая на острие камня, началъ молитву, прося за миръ слѣпой и страждущей, за поля, обагряемыя кровью, за дѣтей, не обагрившихъ рукъ, за цвѣты полевые, за землю, за звѣрей, за камни. — Господи, прости миръ!

И сердце его наливалось любовью, какъ полнощныя звѣзды свѣтомъ.

Звѣзды большія, разгораясь, крылили, вознося въ небеса молитву.

— Господи, прости миръ!

И вотъ на зарѣ солнца донесся до вершины звонъ — звониль Евagriй.

И понялъ старецъ, что исполнились сроки — чудомъ показалъ Богъ свою милость — и миръ прощень.

И увидѣлъ онъ надъ моремъ: ликъ его былъ, какъ лучъ, одежда какъ снѣгъ, по бѣлому звѣзды, алая чаша на груди, въ рукѣ опущенный мечъ, закаляющій звѣря, а изъ крови звѣря знакъ, а вокругъ, какъ змѣй, водныя волны.

И исполненный духа, воскликнулъ старецъ.

— Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!

И шелестомъ травъ донесся голосъ его въ долину.

И тѣ, кто бодрствовали, посмотрѣли на небо — оно было ясно, а тѣ, кто спалъ, пробудились отъ сна, и свѣтъ наполнилъ ихъ душу

Чего-то ждали, надѣялись.

Говорили о чудѣ: старикъ Евagriй, столько лѣтъ прожившій недвижимъ съ разбитыми ногами, теперь поднялся и ходилъ, какъ безумный, возвѣщая о мирѣ.

И вѣрили и боялись вѣрить.

А сердце играло

Духъ занимался.

Собирались на площадяхъ, взбирались на холмы и смотрѣли туда — — И глаза оживали, цвѣтились, какъ политые цвѣты.

Въ полдень, подымая пыль по дорогѣ показались вѣстники короля: они несли желанную вѣсть.

И заглохшій Намось огласился пѣсней.

По зову Евagriя всѣ, кто только могъ, пошли на скалу въ пещерѣ. И крестный путь не былъ труднымъ, не рѣзали камни и не колола колючка.

Легко подымались на гору, славословя подателя свѣта и мира

Пещера была раскрыта, а у дверей пещеры на острии камня стоялъ, какъ поддерживаемый крыльями, старецъ Амунъ, онъ былъ мертвъ, и кровь ручейками бѣжала изъ его ногъ, уходя въ трудную землю.

Слава въ вышнихъ Богу

и на землѣ миръ.

Алекси Ремизовъ

АЛЕКСѢЙ ГАНИНЪ

Причастье Тайны

*..Вся высоты Твоя и волны Твоя
на мнѣ преидоша*

Псал. 41

Изъ облачной рощи, съ небесныхъ полей,
Гдѣ звѣздные гроздья горятъ средь вѣтвей —
Четыре великіе Вѣтра-Огня
На крыльяхъ могучихъ умчали меня.

Мы мчались надъ царствомъ, гдѣ вѣщая Ночь
Въ угрюмыхъ хоромахъ упрятала Дочь,
Гдѣ Вечеръ-привратникъ у звѣздныхъ воротъ,
Ключами играя, поетъ приворотъ,
А плѣнница Дочь на жемчужную нить
Поймать золотые ключи норовить,
И плачетъ въ досадѣ, и гаснетъ въ тоскѣ,
Что таютъ ключи въ запоздалой рукѣ.

Мы мчались надъ царствомъ лазурныхъ озеръ.
Гдѣ Мѣсяць-кудесникъ раскинулъ шатеръ
И съ берега бѣлую прядь бороды
Полощетъ на синемъ затонѣ воды,
Гдѣ внукъ его, Утро, въ ладѣ расписной
Плыветъ и смѣется съ поющей волной
И сѣтъ золотую въ озерную зыбь
Бросаетъ и ловитъ серебряныхъ рыбь

Мы плыли надъ царствомъ градушаго Дня,
Гдѣ стражи сѣдые въ кольчугахъ огня
На бѣлыхъ утесахъ, у синихъ морей,
Блюдутъ златохолмыя шири полей.
Гдѣ золотомъ крыты дворець и изба,
На кровляхъ пѣтухъ, у окошекъ рѣзьба
Тамъ царь и холопы усталость трудовъ
Слагаютъ, какъ нѣгу, подь тѣнью садовъ
И братски вкушаютъ за бранымъ столомъ
Медовые хлѣбы подь птичій псаломъ.

Я видѣлъ послѣднюю грозную сѣчь:
Металися копья и солнечный мечъ --
То витязи Дня въ солнцезарныхъ броняхъ,
На огненно-рыжихъ, крылатыхъ коняхъ
Преслѣдуютъ Змія и черную рать,
Пришедшихъ, чтобъ свѣтлое царство забрать;
Я слышалъ, какъ Вѣчность побѣду поетъ
И Время кончаетъ губящій полеть.

Носили великіе Вѣтры меня
Гдѣ нѣту ни Ночи, ни Утра, ни Дня,
И съ пѣснями вихревой славы снесли
Въ зеленое царство любезной земли, —
Но въ бурѣ полета все память сожгла,
Чтобъ пѣсня и сказка во вѣки жила.

Облачные кони

I

Земля и небо въ тихомъ звонѣ,
Въ гробахъ поютъ уста живыхъ
И вышли облачные кони
На склоны пастбищъ голубыхъ.

Ушами прядаютъ игриво
На сладкій зовъ вторыхъ небесъ,
И льются золотыя гривы
На землю въ задремавшій лѣсъ

И оживаютъ въ теплыхъ прядяхъ,
Слѣпыя лапы хвойныхъ рукъ,
Встаютъ кресты въ цвѣтныхъ нарядахъ
На холмахъ человѣчьихъ мукъ

И вдаль на солнечныя горы
Восходятъ бѣлые кресты,
И сыплютъ на луга въ просторы
Живые, пѣвчіе цвѣты

II

Зачувъ смерть. Драконъ треглавыи
Изъ безднъ исторгъ послѣдній крикъ
И поднялъ факеломъ кровавымъ
Надъ міромъ огненный языкъ.

Изъ моря бездны многоликіи
Змѣящійся раскинулъ хвостъ,
И заскрипѣлъ отъ злобы дикои
Желѣзной чешуей хребетъ.

Вздынулся хвостъ до храмовъ горнихъ,
Свернулся у крестовъ въ браслетъ.
Помчались кони стадомъ чернымъ,
Зажегся пламецвѣтный слѣдъ

Подъ небомъ раскатилось ржанье
И вихри огневыхъ подковъ,
И горы въ сумрачномъ дрожаньи
Точили звонъ колоколовъ.

III

Въ утихшей безднѣ утопаетъ
Израненный, глухой Драконъ,
И радостиѣй земля вздыхаетъ,
И ласковѣй небесный звонъ

И кони изъ очей въ тревогѣ
Бросають жемчуга и синь
Въ оцѣпенѣвшую дорогу,
На обожженный ликъ пустынь.

Подъ чудодѣинымъ конскимъ взоромъ
Пустыня нарядилась вновь
Въ зеленый платъ съ лѣснымъ узоромъ,
И стерла желтый зной и кровь

Дорога синевой умылась,
Утерлась травяной фатой,
На холмы мукъ перекрестилась
Цѣлуясь съ далью голубой.

И въ полы жемчуга собирая,
Молясь на рощи и кусты,
Ушла искать иного Рая
Творить иныхъ скорбей кресты

IV.

Исчезла навсегда тревога,
У коней вновь ясны глаза;
И снова серебрятся ноги,
И льнетъ къ копытамъ бирюза.

Отъ зубьевъ солнечной скребницы
Исчезнуль грозовой налетъ.
Молитвой въ небеса струится
Воздушный, ароматный потъ.

Пышнѣе распустились гривы;
И отогрѣлась мать-земля,
И въ теплоемъ золотомъ разливѣ
Нетлѣннымъ цвѣтомъ расцвѣла

Изъ гробовой подземной глуши
На склоны солнечныхъ холмовъ
Воскреснувшія птицы-Души
Плывутъ подъ сѣнь своихъ крестовъ.

И кони тихо къ звѣзднымъ яслямъ,
Ведя потайную молву,
Идутъ за зоревья прясла
Жевать лазурную траву..

Алексеѣй Ганинъ.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

Слово о гибели Русской Земли.

I.

Широка раздольная Русь, родина моя, принявшая много нужды, много страсти, вспомнать невозможно, вижу тебя, оставляешь свѣтъ жизни, въ огнѣ поверженная.

Были будни, трудъ и страда, а бывалъ и праздникъ съ долгой всенощной, съ обѣдями, а потомъ съ хороводомъ громкимъ, съ шумомъ, съ качелями.

Былъ голодъ, было и изобиліе.

Были казни, была и милость.

Былъ застѣнокъ, былъ и подвигъ: въ жертву приносили себя ради счастья народнаго.

Гдѣ нынѣ подвигъ? гдѣ жертва?

Гарь и гикъ обезьяній.

Было униженіе, была и побѣда.

Безумныи ѣздокъ, хочешь за море прыгнуть изъ желтыхъ тумановъ гранитаго любимаго города, несокрушимаго и крѣпкаго, какъ Петровъ камень, — надъ Невой, какъ вихрь, стоишь, вижу тебя и во снѣ и въ явь.

Братъ мой безумный — несчастливъ часъ! — твоя Россія погибла.

Я кукушкой кукую въ опустѣломъ лѣсу твоёмъ, гдѣ гниетъ палый листъ: Россія моя погибла.

Было лихолѣтье, былъ Разстрига, былъ Воръ. замутила смута русскую землю, развалилась земля, да поднялась, снова стала Русь стройна, какъ ниточка, — поднялись русскіе люди во имя русской земли, спасли тебя: брата родного выгнали, краснозвонный Кремль очистили — не стерпѣлось братнино иго иновѣрное.

Была вѣра русская искони изначальная.

Много знаютъ поволжскіе лѣса до Желѣзныхъ воротъ, много слышали горячихъ молитвъ, какъ за вѣру русскую въ срубахъ сжигали себя.

Гдѣ ты, родная твердыня, Последняя Русь?

Я не слышу твоего голоса, нѣтъ, не доносить и гари срубной изъ поволжскихъ лѣсовъ.

Или въ мать-пустыню, покорясь судьбѣ, ушли твои вѣрные сыны?

Или нѣтъ больше на Руси — Последней Руси безстрашныхъ вольныхъ костровъ?

Быль на Руси Каинъ, креста на немъ не было, своихъ предавалъ, а и онъ любилъ въ проклятомъ грѣхѣ своемъ свою мать Россію, сложилъ пѣсни неизбывныя:

„У Троицы у Сергія было подъ Москвою...“

Или другую — на костеръ пойдешь съ этой пѣсней:

„Не шуми, мати, зеленая дубровушка...“

II.

Широка раздольная Русь моя, вижу твой краснозвонный Кремль, твой бѣлоснѣжный, какъ непорочная дѣвичья грудь, златокровельный соборъ Благовѣщенья, а не вѣститъ миѣ серебряный ясакъ, не звонитъ красный звонъ.

Или заглушаетъ его свистъ несносныхъ пуль, обезпощаившій сердце міра всего, всей земли?

Одинъ слышу обезьяній гикъ.

Ты горюшь — запылала Русь — головни летятъ.

А до вѣка было такъ: было увѣрено — стоишь и стоять тебѣ, Русь широкая и раздольная, неколебимою во всей нуждѣ, во всѣхъ страстяхъ.

И покрой твое тѣло короста шелудивая, буйный вѣтеръ сдуетъ съ тебя и коросту шелудивую, вновь свѣтла, еще свѣтлѣй, вновь радостна, еще радостнѣй возстанешь надъ лѣсами своими дремучими, надъ степью ковылевою, взбульливою.

Такъ пошло, такъ думали, и такая крѣпла вѣра въ тебя.

Человѣкоборцы безбожные, на землѣ мечтающіе создать рай земной, жены и мужи праведные въ любви своей къ человѣчеству, вожди народные, только счастья ему желавшіе, вы, дѣлая дѣло свое, вы по кусочкамъ вырывали вѣру, не замѣтили, что съ вѣрою гибла сама русская жизнь.

Нынѣ въ сердцевиנѣ подточилась Русь.

Вожди слѣпые, что вы надѣлали?

Кровь, пролитая на братскихъ поляхъ, обезпощадила сердце человѣческое, а вы душу вынули изъ народа русскаго.

И вотъ слышу обезьяній гикъ.

Русь моя, ты горишь!

Русь моя, ты упала, не поднять тебя, не подынешься!

Русь моя, земля русская, родина беззащитная, обезпощаженная кровью братских полей, подожжена горишь!

III.

О, моя родина обреченная, пошатнулась ты, неколебимая, и твоя багряница царская упала съ плечъ твоихъ.

За какой грѣхъ или за какую смертную вину?

За то ли, что клятву свою сломала, какъ гнилую трость. и потеряла вѣру послѣднюю, или за кровь, пролитую на братскихъ поляхъ, или за кривду — сердце открытое не разъ на крикъ крпчало на всю Русь: „нѣтъ правды на русской землѣ!“ — или за исконное безумное свое молчаніе?

Ты и нынѣ, униженная, затоптанная, когда пинають и глумятся надъ святыней твоей, ты и нынѣ безгласна.

Безумное молчаніе вѣрныхъ сыновъ твоихъ вопіеть къ Богу, какъ смертный грѣхъ.

О, моя родина поверженная, ты руки свои простираешь —

Или тебя посѣтилъ гнѣвъ Божій — Богъ послалъ на тебя мечъ свой?

О, моя родина безсчастливая, твоя бѣда, твое разореніе, твоя гибель — Божье посѣщеніе. Смирись до послѣдняго конца, прими бѣду свою — не бѣду, милость Божью, и страсти очистятъ тебя, обѣлятъ душу твою.

Скажу тебѣ со всей болью моею — не лиха, только добра и тишины я желаю тебѣ — духа нѣтъ у меня: что я скажу въ защиту народа моего? И стыдно мнѣ — я русскій, сынъ русскаго.

О, моя родина горемычная, мать моя униженная.

Припадаю къ ранамъ твоимъ, къ горящему лбу, къ запекшимся устамъ, къ сердцу, надрывающемуся отъ обиды и горечи, къ глазамъ твоимъ изсѣченнымъ — —

Я не разъ отрекался отъ тебя въ тѣ былые дни, грознымъ словомъ Грознаго въ отчаяніи задохнувшагося сердца моего проклиналъ тебя за крамолу и неправду твою.

„Я не русскій, нѣтъ правды на русской землѣ!“

Но теперь — нѣтъ, я не оставляю тебя и въ грѣхѣ твоёмъ, и въ бѣдѣ твоей. вольную и плененную, свободную и связанную, святую и грѣшную. свѣтлую и темную.

И мнѣ ли оставить тебя. — я русскій, сынъ русскаго, я изъ самыхъ нѣдръ твоихъ

На звѣзды твои молчаливыя я смотрѣлъ изъ колыбели своей, слушалъ шумъ лѣсовъ твоихъ, тосковалъ съ тобой подъ завываніе снѣжныхъ бурь твоихъ, я леталъ съ твоей воздушной нечистью по дикимъ горамъ твоимъ, по гоголевскимъ необозримымъ степямъ.

Какъ же мнѣ покинуть тебя?

Я несъ тебѣ уборы драгоценныя, чтобы стала ты свѣтлѣе и радостнѣе. Изъ твоихъ же камней самоцвѣтныхъ, изъ жемчуговъ — словъ твоихъ, я низалъ бѣлую рясу на твою нѣжную грудь.

О, родина моя обреченная, покаранная, жестокой милостью надѣленная ради чистоты сердца твоего, поверженная лежишь ты на муравѣ зеленой, вижу тебя, въ гари пожаровъ подъ пулями, и косы твои по землѣ рассыпались.

Я затеплю лампаду моей вѣры страдной, буду долгими ночами трудными слушать голосъ твой, сокровенная Русь моя, твой ропотъ, твой стонъ, твой жалобы.

Ты и поверженная, искупающая грѣхъ свой, навсегда со мной останешься въ моемъ сердцѣ.

Ты канешь на дно свѣтлая.

О, родина моя обреченная, Богомъ покаранная, Богомъ посѣщенная!

Сотрутъ имя твое, сгинешь, и стояла ты или не было, кто вспомнеть? Я душу сохраню мою русскую съ вѣрой въ правду твою страдную, сокрою въ сердцѣ своемъ, сокрою память о тебѣ, пока слово мое, рѣчь твоя будутъ жить на трудной крестной землѣ, замолкающей безъ подвига, безъ жертвы, въ безпѣсеньи.

IV.

Ободранный и нѣмой стою въ пустынѣ, гдѣ была когда-то Россія.

Душа моя запечатана.

Все, что у меня было, все растащили, сорвали одежду съ меня.

Что мнѣ нужно? — Не знаю.

Ничего мнѣ не надо. И жить не зачѣмъ.

Злоба кипитъ въ душѣ, кипитъ безсильная: вѣдь, полжизни сгорѣло изъ-за той Россіи, которая обратилась теперь въ ничто, а могла бы быть всѣмъ.

Хочу неволи вмѣсто свободы, хочу рабства вмѣсто братства, хочу узъ вмѣсто насилія.

Опостылѣла бездѣльность людская, похвальба, залетное пустое слово.

Скорбь моя безпредѣльная.

Нѣтъ вѣры въ Россіи, нѣтъ больше церкви. это ли церковь, гдѣ восхваляютъ временное?

И время пропало, нѣтъ его, кончилось время.

Не гибель страшна, но нельзя умереть челоуѣку во имя себя самого. Ибо не за что больше умирать, все погибло.

И изъ бездны подымается ангелъ зла — серебряная пятигранная звѣзда надъ головой его съ семью лучами и страшень онъ.

— Погибни во имя мое!

И нѣтъ спасенія свыше.

Злость моя лютая.

И тянется замкнутая слѣпая душа, нѣмыми руками тянется въ безпредѣльность — —

И не проклиная я никого, потому что знаю часъ, знаю предѣлъ, знаю исполненіе сроковъ судьбы.

Ничто не избѣжитъ гибели

О, если бы избѣжать ее!

Каждый самъ въ одиночку несетъ бремя проклятія своего — души своей закрытую чашу, боясь расплескать ее.

Тьма вверху и внизу.

И свилось небо, какъ свитокъ.

И нѣту Бога.

Скрылся Онъ въ свиткѣ со звѣздами и съ солнцемъ и луною.

Черная бездна разверзлась вверху и внизу.

И дьяволъ потерялъ смыслъ бытія своего, повисъ на осинѣ Іуды.

А всѣ зачѣмъ-то еще живутъ.

И чѣмъ громче кричитъ челоуѣкъ, тѣмъ страшнѣе ему.

Какъ дѣти они, потерявшія мать.

И не понимаютъ той скорби, которая дана имъ.

Скоро настанетъ послѣдній часъ, скоро пробьетъ онъ.¹

Безъ четверти двѣнадцать

Слышите! Нѣтъ ничего, ни Кремля, ни Россіи — ровъ и гладь.

Приходи и строй! Приходи, кому охота, и дѣлай дѣло свое, — воздвигай новую Россію на мѣстѣ горѣломъ.

А про старое, про бывалое — забудь.

Ты весь Китежъ изводи сѣтями² — пусто озеро, ничего не найти.

Единый конецъ безъ конца.

V.

Русскій народъ, что ты сдѣлалъ?

Искалъ свое счастье и все потерялъ. Одураченный, плюхнулся свиньей въ навозъ.

Повѣрилъ — —

Кому ты повѣрилъ? Ну, пеняй теперь на себя, расплачивайся.
Землю ты свою забылъ колыбельную.

Гдѣ Россія твоя?

Пусто мѣсто.

Русскій народъ, это грѣхъ твой непрощаемый.

И гдѣ совѣсть твоя, гдѣ мудрость, гдѣ крестъ твой?

Я гордился, что я русскій, берегъ и лелеялъ имя родины моей,
молился святой Руси.

Теперь презираемъ со всѣмъ народомъ несу кару, жалокъ,
нищъ и нагъ.

Не смѣю глазъ поднять.

— Господи, что я сдѣлалъ!

И одно утѣшеніе, одна надежда: буду терпѣливо нести бремя
дней моихъ, очищу сердце мое и умъ мой помутнѣлый и, если суждено,
возстану въ Свѣтлый день.

Русскій народъ, настанетъ Свѣтлый день.

Слышишь хралъ коня?

Безумный ѣздокъ, что хочетъ прыгнуть за море изъ желтыхъ
тумановъ, онъ сокрушилъ старую Русь, онъ подыметъ и новую,
новую и свободную изъ пропада.

Слышу трепеть крыльевъ надъ головой моей.

Это новая Русь, прекрасная и вольная, царевна моя.

Русскій народъ, вѣрь, настанетъ Свѣтлый день.

VI.

Сорвусь со скалы темной птицей тяжелой, полечу неподвижно
на крыльяхъ, стеклянными глазами буду смотрѣть въ безпредѣль-
ность, въ черный мракъ полечу я, только бы ничего не видѣть.

Поймите, жизнь наша тянется черезъ силу.

Остановитесь же, вымойте руки, — онѣ въ крови, и лицо, — оно
въ дыму пороха!

Земля ушла, отодвинулась.

Земля уходитъ — —

Лечу въ запредѣльности.

На трехъ китахъ жила земля. Былъ беспорядокъ, но и былъ
устой: купцы торговали, земледѣльцы обрабатывали землю, солдаты
сражались, фабричные работали.

Все перепуталось.

Лечу въ запредѣльности.

Отказаться отъ жизни осязаемой, пуститься въ мѣръ воздушныи, кто это можетъ? И остается упасть червемъ и ползти.

Обгоняю аэропланы.

Стукъ мотора стучить въ ушахъ.

Закукурекаль бы, да головы нѣтъ: давно оттяпана!

Поймите же, быть пришельцемъ въ своей, а не чужой землѣ, это проклятіе.

И это проклятіе — удѣлъ мой.

VIII.

Все разорено, пусто мѣсто, остался столъ — во весь ростъ человѣчій великъ сдѣланъ.

Обнаглѣлые жадно съ обезьяньимъ гикомъ и гоготомъ рвутъ на куски пирогъ, который когда-то испекла покойница Русь — прощальный, поминальный пирогъ.

И рвутъ, и глотають, и давятся.

И съ налитыми кровью глазами грызутъ столъ, какъ голодная лошадь ясли. И норовятъ до чиста слопать все до прихода гостей, до будущихъ хозяевъ земли, которые сядутъ на широкую русскую землю.

Въ-въ-въ-чъ н а-я н а-а м я т ь.

Алексѣй Ремизовъ.

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ.

Двѣ Россіи.

..И вотъ слышу одинъ обезьяній гикъ.
Русь моя, ты горишь!
Русь моя, ты упала, не поднятъ тебѣ,
не подымешься!

Алексѣй Ремизовъ.

...И ты, огневая, стихія,
Безумствуй, сжигая меня.
Россія, Россія, Россія—
Мессія грядущаго дня!

Андрей Бѣлый.

1.

Безкровно родилась въ дни февральскихъ вьюгъ „великая русская революція“. Безкровно? А миллионы жизней, уготовившихъ ей крестный путь за безумные годы мировой войны, за столѣтіе жертвенной занародной борьбы? Правда. Но вѣдь и радостное рожденіе Сына Человѣческаго („Христосъ рождается — славите!“) подготовилось вѣками человѣческихъ мукъ.

Февральская русская революція родилась безбольно, при всенародномъ ликованіи и радости; родилась къ миру всего міра она, революція крестьянская, рабочая, народная, родилась подлинно въ пастушьихъ ясляхъ, родилась безкровно, безбольно, беззлобно — подлинно къ миру всего міра.

За корявыми словами, русской революціей всемірно провозглашенными: „миръ безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ“ — только душевно глухой могъ не слышать словъ вдохновенныхъ, когда-то провозглашенныхъ міру: „на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе“... Это слышали народные наши поэты,

они разслышали „пѣвущій зовъ“ новаго благовѣстія — и воспѣли рожденную въ вилеємскихъ ясляхъ русскую революцію:

Радуйтесь!
Земля предстала
Новой купели!
Догорѣли
Синія метели,
И змѣя потеряла
Жало.
.....
Въ мужичьихъ ясляхъ
Родилось пламя
Къ миру всего міра!
Новый Назаретъ
Передъ вами.
Уже славятъ пастыри
Его утро.
Свѣтъ за горами..

2.

Вѣчная мечта міра о мирѣ воплотилась въ жизнь въ первые дни горѣнія русской революціи. Пусть слова были косныя, глиняныя, временныя, но за ними стояла мысль пламенная, мѣдная, вѣчная. Не та-ли же мысль металломъ гудѣла когда-то въ пророчествахъ Библии?

„...Ибо будетъ въ послѣдніе дни явлена гора Господня и домъ Божій на верху горы, и возвысится превыше холмовъ, и придутъ къ ней всѣ народы. И пойдутъ народы многи и рекутъ: прїидите и взыдемъ на гору Господню... И раскуютъ мечи свои на ораля, и копя свои на серпы, и не возьметъ народъ на народъ меча, и не будетъ научаться воевать... И отдохнетъ каждый подъ лозою своею, каждый подъ смоковницею своею, и не будетъ устрашающаго... И изобличитъ Господь сильныя народы даже до земли дальней... Пути его видѣль, и исцѣлилъ его, и утѣшилъ его, и далъ ему утѣшеніе истинное: миръ на миръ далече и близъ сущимъ“...

Съ огненными словами пророковъ, съ религіозной вѣрой ихъ въ Градъ Новый — перекликается черезъ два тысячелѣтія своеобразный голосъ философіи XVIII вѣка. Слова — переходящія, мысль — вѣчная; и когда Руссо, Сень-Пьеръ и Кантъ философски рѣшаютъ „проблему о вѣчномъ мирѣ“, то сила все той же вѣчной мысли

сквозить за ихъ слабыми словами. И когда Кантъ въ трактатѣ „Zum ewigen Frieden“ требуетъ созданія изъ всей Европы „федерациі свободныхъ республикъ“, когда всемірное гражданство онъ ограничиваетъ лишь „всеобщимъ гостепріимствомъ“, когда сухо перечисляетъ онъ „отрицательныя и положительныя условія вѣчнаго мира на землѣ“, то не та-же ли вѣчная мысль плѣняетъ все-же его душу?

Столѣтіемъ позднѣе та-же мысль вспыхиваетъ еще разъ въ чело-вѣчествѣ, но на этотъ разъ уже не въ религиозномъ обликѣ, и не въ философскомъ, а въ социальномъ. Когда „интернаціоналистическія бредни“ начинаютъ все больше и больше проростать въ міръ, когда безумная міровая война безжалостно давитъ эти ростки въ своемъ побѣдномъ злобномъ шествіи, когда, наконецъ, пламенемъ вспыхиваетъ русская революція и въ первые же побѣдные дни свои провозглашаетъ миръ всему міру — то лишь духовно глухой, повторяю, можетъ не слышать за случайными, временными словами вѣчной, всемірной мысли.

На языкѣ социальномъ — „да здравствуетъ Интернаціональ!“; на языкѣ философскомъ — „проблема вѣчнаго мира“; на языкѣ религиозномъ — „чаемъ Града Новаго“: въ пылающемъ клубкѣ первыхъ дней великой революціи сочтались всѣ смыслы, слились всѣ ожиданія. Разными словами всѣ, душевно не извращенные міровой бойней люди, думали одно и то-же: „слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ челоуѣкахъ благоволеніе“...

3.

Но въ мирныхъ мужичьихъ ясляхъ Христосъ родился не къ миру всего міра: нѣтъ мира тамъ, гдѣ есть тяжелый крестный путь. Самъ о себѣ сказалъ онъ: „не миръ пришелъ я принести, но мечъ“; не миръ, но раздѣленіе. И еще сказалъ: „тотъ, кто упадетъ на этотъ камень — разобьется, а на кого онъ упадетъ — того раздавить“. Такъ и съ русской революціей...

Да, не миръ, но мечъ; не миръ землѣ, но раздѣленіе. И мечъ этотъ многимъ „прошелъ душу“: въ концѣ крестнаго пути — стоитъ Голгоа. И крестный путь этотъ сталъ путемъ русской революціи: не къ нашимъ-ли днямъ примѣнимы вѣчныя слова о всеобщемъ раздѣленіи? „Огонь пришелъ Я низвести на землю, и какъ хочу, чтобы онъ уже возгорѣлся!“ Часто уже возгорался онъ въ душахъ челоуѣческихъ — и послѣшно тушился онъ водою болотной. И вотъ — снова онъ возгорѣлся.

„Будутъ отнынѣ пятеро во единомъ дому раздѣлены, трое противъ двухъ и двое противъ трехъ. Отецъ будетъ противъ сына, и

сынъ поидеть на отца, мать на дочь, и дочь на мать"... И все, что сказано въ вѣчной книгѣ о крестномъ пути — все отъ слова до слова повторить можно теперь о крестномъ пути Народа въ великіе и страшные дни русской революціи.

Пусть всѣ слова „благой вѣсти“ — только Символь; но символъ этотъ — поистинѣ вѣчный, безмѣрно реальнѣйшій многихъ скудныхъ дѣяній міра и жизни. Да, великую революцію, великій Народъ — книжники и фарисеи снова повели по извѣчному крестному пути.

И много Понтійскихъ Пилатовъ,
И много предателей Іудъ
Христа своего распинаютъ
Отчизну свою предають...

Снова болотная вода тушитъ пламя, охватившее, было, міръ. Снова засыпають ученики. Снова Іуда предаетъ Сына Человѣческаго. Снова Симонъ Петръ, въ послѣдній часъ, безвольно отрекается отъ своей вѣры. Снова Анна и Каиафа судятъ Вѣчное „по буквѣ закона“ временнаго, жалкаго. Снова Понтій Пилать умываетъ свои руки, предавая безвиннаго на пропятіе...

И вотъ — довели мы уже революцію крестнымъ путемъ до Голгофы. Наступають тяжелые, страшные, страстные часы и дни: кажется, подлинно преданъ уже великій Народъ на казнь торгашами и книжниками, напоенъ оцтемъ и желчью, сопряченъ къ разбойникамъ, поднятъ на крестное древо, увѣнчанъ терновымъ вѣнцемъ, и объ одеждѣ его уже мечуть жребій... И стихъ каликъ переходящихъ о распятіи жуткимъ отзвукомъ слышится въ наши дни:

А мы били-мучили Исуса Христа,
Яже бивше-мучивше, въ темницу всады,
Въ шестомъ часу въ пятницу распяли Его,
Въ ноги и во длани прибиша гвоздьми,
Вѣнецъ наложили на главу Его,
Мученія и ранъ невозможно и счесть,
Исуса копіемъ ребра прободи
И земля обогрися отъ крови Его...

А „мимоходящіе“ — злословятъ. „покиваяюще главами своими“: хотѣтъ міръ спасти, а себя не спасъ! Обѣщаль воздвигнуть разрушенное братство между народами, а самъ отданъ на пропятіе! „Уа! разрушающій храмъ и въ три дня созидающій — спасися самъ!“ И книжники, и фарисеи тутъ же у подножія креста глумятся: „другихъ

спасалъ — себя ли не можетъ спасти?.. Пусть сойдетъ съ креста — и увѣруемъ въ Него!“

Лгутъ: и тогда не увѣруютъ.

4.

...И тогда не увѣруютъ, ибо уже поздно: мечъ прошелъ черезъ душу человѣческую, раздѣленіе совершилось. Стоять толпами у креста злословящіе и „мимоходящіе“, стоятъ и немногіе „вѣрные“: и между двумя станами этими — пропасть. Поистинѣ — насталь уже девятый часъ, уже слышны послѣднія слова со креста: „Или, Или, лима савахоани!..“ Между двумя станами — подлинно пропасть, уже завѣса во храмѣ раздралась надвое, съ верхняго края до нижняго, и земля потряслась, и камни распались.

Да, мечъ прошелъ черезъ наши души, да, всѣ мы раздѣлились на два стана, и пропасть между нами. И по одной сторонѣ провала — остались всѣ люди Ветхаго Завѣта, обитатели Стараго Міра, озабоченные спасеніемъ старыхъ цѣнностей: вѣками, вѣдь, складывались цѣнности эти — государство, церковь, бытъ... А по другой сторонѣ — стоятъ тѣ, кто не боятся душу погубить, чтобы спасти ее, стоятъ люди Новаго Завѣта, стоятъ чающе Міра Новаго. И нѣтъ перехода, нѣтъ пониманія, нѣтъ примиренія — нѣтъ и не будетъ надолго.

Не днями, не мѣсяцами, даже не годами создается Новый Міръ: долгимъ путемъ человѣческихъ страданій, путемъ творчества и строительства горящихъ душою людей созиждется онъ на развалинахъ Міра Стараго. И стоятъ сплоченной стѣною всѣ обитатели стараго міра, съ ужасомъ и съ ненавистью глядятъ на разверзшуюся подъ ногами землю, на распавшіеся камни, на разодранную завѣсу.

Много среди нихъ всесвѣтныхъ мѣщанъ, злобно хватающихся за ускользающія блага стараго міра; но есть среди нихъ и подлинно „взыскующіе Града Новаго“, не могущіе лишь примириться съ мыслью, что новое построится неизбежно на развалинахъ стараго, и потому идущіе по старому пути; обращены они лицомъ къ закату солнца, и не чуютъ за спиной солнца новаго, восходящаго...

И по другую сторону пропасти разные стоятъ люди: есть среди нихъ лишь словесно чтущіе Новый Міръ, а сердцемъ далеко отъ него отстоящіе, есть и „тати духовные“, пытающіеся торопливо оторвать себѣ тканый золотомъ кусокъ разодранной завѣсы, есть и подлинно „Града Новаго взыскующіе“, обращенные лицомъ не къ закату, а къ восходу Солнца, ибо —

Новый путь имъ уготованъ:

Отъ заката на востокъ...

Повернуться бы лицомъ другъ къ другу имъ, чающимъ, протянуть бы другъ другу черезъ пропасть братскія руки! Вѣдь ближе люди эти другъ къ другу, чѣмъ къ тѣмъ, съ которыми бокъ о бокъ стоятъ они! Нѣтъ, не обернутся: мечъ прошелъ черезъ ихъ души. И какъ повернуться имъ — стать каждому спиною съ своему Солнцу!

И вотъ — двумя вершинами стоятъ въ жизни эти люди прошлаго и будущаго, эти чающіе рожденія новаго и ожидающіе сохраненія стараго. Одна вершина освѣщена темными лучами заката — и въ лучахъ этихъ съ ужасомъ, со злобой, съ болью душевной глядятъ люди ветхаго завѣта на развалнины того, что имъ дорого было въ старомъ мірѣ. Другую вершину золотятъ лучи зари еще далекаго восхода — и въ лучахъ этихъ съ надеждою, съ вѣрою и все же съ болью душевной (крестный путь — и радостенъ и тяжекъ) люди новаго завѣта глядятъ на вырисовывающіеся берега новаго міра.

Два завѣта, два міра, двѣ Россіи.

5.

Разные по разному видятъ новые берега; разные по разному оплакиваютъ берега старые.

Пусть среди первыхъ — и „христіанинъ-эсхатологъ“, презирающій „позитивное строительство“, и „позитивный социалистъ“, отрицающій въ корнѣ все „сверхразумное“: оба они, каждый по своему, могутъ быть по духу — подлинными сынами революціи, оба могутъ стоять — и стоятъ — по одной сторонѣ разодранной завѣсы.

Пусть среди вторыхъ — и крупный художникъ слова, скорбящій за старое, негодующій на новое, хотя и ненавидящій все „мѣщанское“, и рядомъ съ нимъ — всесвѣтнѣйшій мѣщанинъ, презирающій все выходящее за предѣлы его паюсной массы: оба они, каждый по своему, могутъ быть по духу — яркими врагами революціи, могутъ быть жестокими „контръ-революціонерами“, говоря временнымъ, глинянымъ словомъ.

Но развѣ въ словѣ дѣло? Дѣло въ той глубокой, косной духовной сплѣ, которая цѣпко держится за старый міръ, которая плачетъ о немъ, борется за него — хотя бы и по разному плакалась она, хотя бы и за разное боролась. Ясно одно: духовному революционеру на „той“ сторонѣ пропасти — на „этой“ противостоятъ духовный старовѣръ.

Одинъ — работаетъ для близкаго или далекаго будущаго, воздѣваетъ руки къ восходящему солнцу: другой — оплакиваетъ близкое

или далекое прошлое, летить душою къ солнцу заходящему. Одинъ знаетъ, что путь революціи — подлинно крестный путь, жестокая милость судьбы; другой — идетъ мимо, „покиваяюще главою своею“: Богъ его — не здѣсь, не на этомъ крестѣ, а уже давно даль сѣрижали завѣта, на вѣки нерушимаго.

Два завѣта, два міра, двѣ Россіи: взыскующе Града Новаго и взыскующе Града Стараго...

Такъ въ жизни, такъ въ религіи, въ философіи, въ художественномъ творествѣ. И если творчество художника подлинно есть зеркало міра, зеркало и отражающее и созидающее, то и въ немъ увидимъ мы ясно пропасть между двумя Градами, ясно увидимъ душу, разсѣченную мечомъ надвое. И если одинъ художникъ отдѣленъ отъ другого развершейся пропастью, то пересѣкутся лучи ихъ зеркалъ и разными красками расцвѣтятъ они намъ міръ, народъ, Россію, взыскуемый Градъ.

6

„Слово о погибели Русской Земли“ Алексѣя Ремизова — одно изъ самыхъ сильныхъ, самыхъ удивительныхъ произведеній, написанныхъ нынѣ на „этой“ сторонѣ пропасти. Ремизовъ здѣсь — не одинокъ; многіе и многіе идутъ за нимъ и рядомъ съ нимъ, но лишь съ меньшимъ дарованіемъ, съ меньшей внутренней болью, съ меньшимъ мастерствомъ и, наконецъ, съ меньшей искренностью, откровенностью и смѣлостью. И именно потому объ ихъ произведеніяхъ не хочется и говорить; и именно потому нельзя пройти мимо прямого, хотя и „искусно слаженнаго“ слова Ремизова. Въ этомъ „Словѣ“ онъ нашелъ такія слова, которыя переживутъ горы литературной нашей современности; ибо „Слово“ это — не только „литература“, а и большой силы „человѣческій документъ“.

Слово это идетъ къ намъ съ „этой“ стороны, съ „этого“ берега пропасти, гдѣ плотно затертъ авторъ его въ толпѣ озлобленныхъ и перепуганныхъ революціей всесвѣтныхъ мѣщанъ. И съ какой же радостью, съ какимъ восторженнымъ „обезьянимъ гикомъ“ встрѣтятъ они это „Слово“, гдѣ въ крестную могилу преданной мѣщанами революціи онъ такъ рачительно вбиваетъ осиновый колъ!

О, я знаю — онъ будетъ отрицаться отъ этого сосѣдства, отъ радостнаго обезьяняго гика обывательскаго стада, отъ похвалъ духовно безкрылыхъ своихъ сосѣдей; но жизнь сильнѣе его словъ. Хочетъ онъ или не хочетъ, но отъ этого сосѣдства — ему не уйти, отъ этихъ похвалъ — ему не очиститься. И въ этомъ — кара его. Ибо онъ, духовно крылатый, льетъ здѣсь воду на мельницу

безкрылыхъ людей, ибо онъ, взыскующій Града Новаго, предаетъ здѣсь высшія свои и человѣческія цѣнности той самой „обезьянѣ“. о которой такъ много и такъ безпощадно самъ же онъ писалъ. Между „Святой Русью“ и „обезьяной“ — такимъ было всегда художественное творчество Ремизова; но только теперь, въ этомъ своемъ удивительномъ по силѣ „Словѣ о гибели Русской Земли“, предалъ онъ Святую Русь — обезьянѣ...

И предалъ — думая, что спасаетъ; предалъ, думая, что обороняетъ ее, эту Русь, родину свою обреченную, покаранную, жестокой милостью крестнаго пути надѣленную. Обезьянѣй гикъ услышалъ онъ только на другой сторонѣ пропасти — и не услышалъ его рядомъ съ собою; обезьянѣ стадо увидѣлъ онъ только вокругъ борцовъ за революцію — не увидѣлъ его вокругъ себя.

Въ одномъ онъ правъ: въ обоихъ станахъ, на обѣихъ сторонахъ пропасти есть своя „обезьяна“; и среди людей новаго завѣта, среди людей, погибающихъ за новую создаваемую Россію есть „тати духовные“, обманно стоящіе за новую правду, обдирающіе подъ шумъ грозы и бури золотую парчу разодранной завѣсы. „Обнаглѣлые жадно, съ обезьянимъ гикомъ и гогогомъ, рвутъ на куски“... Да, это — по-длинно *есть*. Но увидѣть *только это* во всей грозѣ и бурѣ революціи — не значитъ ли быть „мимоходящимъ“ революціи и хулить ее, „покиваяще главою“?

Онъ не увидѣлъ и не услышалъ вихря надвигающейся мировой революціи, а если и увидѣлъ, то счелъ его только „бѣснованіемъ“. Ни подвига, ни жертвы не увидѣлъ онъ въ революціи. И глубоко враждебны ему слова, приводимыя имъ въ теперь же написанной „Огневицѣ“:

„На Руси крутитъ огненный вихрь. Въ вихрѣ соръ, въ вихрѣ пыль, въ вихрѣ смрадъ. Вихрь несетъ весеннія сѣмена. Вихрь на Западъ летитъ. Старый Западъ закрутитъ, завьетъ нашъ скиѣскій вихрь. Перевернется весь міръ“..

Враждебенъ ему этотъ вихрь — старыя, старовѣрскія, исконныя, дѣдовскія, любимыя цѣнности сметаетъ вихрь этотъ; и видитъ онъ въ немъ только соръ, только пыль, только смрадъ — и не видитъ испепеляющаго огня, не видитъ весеннихъ сѣмянъ. Ржавь душитъ его. О пыли, о сорѣ, о смрадѣ и написано все „Слово о гибели Русской Земли“.

Огненный вихрь революціи ненавистенъ Ремизову. сметаетъ и испепеляетъ вихрь этотъ самое дорогое, самое исконное, самое любимое,

чѣмъ жила его душа: „Святую Русь“. Испепеляетъ старое, но не рождаетъ ли новое? Что ему до того? На старое устремлена его душевная боль: „гдѣ ты, родная твердыня, Последняя Русь?.. Россія моя погибла!“

Какія же міровыя цѣнности „Святой Руси“ сметаешь этотъ враждебный вихрь? Или это камни, дерево, краски, претворенныя въ чудо человѣческимъ творчествомъ? „Краснозвонный Кремль“? „Бѣлоснѣжный, какъ непорочная дѣвичья грудь, златокровельный соборъ Благовѣщенья“? Нѣтъ не это; не только это. Дорогъ Ремизову каждый камень стѣны краснозвоннаго Кремля, но еще дороже тѣ духовныя цѣнности, духовныя силы, которыя этотъ камень клали, которыя эти стѣны освящали, которыя поддерживали не каменную и деревянную, а душевную и духовную „Святую Русь“. Какія же это цѣнности?

Смѣло и откровенно отвѣчаетъ на это Ремизовъ: самодержавіе, православіе, народность.

Трудно вѣрится сразу, что именно *здѣсь* его цѣнности, что таковъ внѣшній политическій смыслъ „Слова о погибели Русской Земли“, но сомнѣнія невозможны: именно это хочетъ сказать и говорить Ремизовъ, именно эти цѣнности „Святой Руси“ ему дороги, за сокрушеніе ихъ ненавидитъ онъ революцію, въ ихъ гибели видитъ гибель Россіи и служить по ней тяжелую свою панихиду, возглашаетъ ей безвоскресную „вѣчную память“.

„На трехъ китахъ жила земля“ — и нѣтъ этихъ трехъ китовъ, выброшены на мель вихремъ революціи, и въ гибели ихъ — гибель земли русской. Отчего однако художникъ не хочетъ быть откровеннымъ до послѣдняго конца и назвать своихъ китовъ поименно?

„Быль безпорядокъ, но былъ и устой“ — отчего не сказать явно: устой кита самодержавія? „Было униженіе, была и побѣда“: какая побѣда — на поляхъ Галиціи и въ другія войны? „Были казни, была и милость“ — отчего же не договорить до конца: милость царская? „Были будни, трудъ и страда, а бывалъ и праздникъ съ долгой всенощной, съ обѣднями, а потомъ съ хороводомъ громкимъ, съ шумомъ, съ качелями. Быль голодъ, было и изобиліе“. Да, все это было, но было отъ самодержавія или помимо него? и пожрано это вихремъ революціи, или смерчемъ міровой войны, „обезпощадившимъ сердце міра всего, всей земли“? И когда оплакиваетъ Ремизовъ родину, когда плачетъ онъ, что „багряница царская упала съ плечъ ея“ — то мы теперь видимъ: о багряницѣ не только родины, но и царя скорбитъ онъ. И когда въ проникновенномъ „Дѣйствѣ о Георгіи Храбромъ“ плачутся „старцы вавилонскіе“, что безъ царя никакъ со „Змѣемъ“ не управится, что „не стало въ городѣ управителя, всѣ въ раздоръ пошли; поскорѣе бы вернулся царь: съ царемъ думу

думать и мысли мыслить“ — когда мы слышимъ все это, то знаемъ теперь: вкупѣ и влюбѣ Ремизовъ со старцами вавилонскими. И когда въ „Словѣ“ своемъ говоритъ Ремизовъ: „хочу узъ, вмѣсто насилія“ — то мы понимаемъ, что говоритъ онъ о насиліи социалистическомъ и тоскуеть объ узахъ самодержавія.

„Быль безпорядокъ, но былъ и устой: купцы торговали, земледѣльцы обрабатывали землю, солдаты сражались, фабричные работали. Все перепуталось“. Вотъ она, ненависть „старовѣрія“ къ революціи, подкосившей исконный укладъ жизни! И какъ жутко читать эти слова, которыми большой художникъ стираетъ грань между собой и мелкодушнымъ обывательствомъ, всесвѣтнымъ мѣщанствомъ! И не видитъ онъ, что именно во всѣхъ его словахъ этихъ — подлинный „обезьяній гикъ“, что между „Святой Русью“ и „обезьяной“ стирается здѣсь послѣдняя черта!

Такъ о „самодержавіи“ скорбитъ художникъ, который самъ о себѣ говоритъ: „я всѣми грѣхами грѣшенъ, но родинѣ и свободѣ я никогда не измѣнялъ“ („Огневица“). Родинѣ — да, но свободѣ? Или не измѣна ей этотъ плачъ о китѣ самодержавія? Или самодержавіе, чье бы то ни было, совмѣстимо со свободой? Или въ революціи видитъ онъ только то-же самодержавіе? Да, для него свобода внѣшняя, свобода политическая — отъ дьявола. Недаромъ въ чудесномъ его „Бѣсовскомъ дѣйствѣ“ демонъ Тимѣлихъ возвращается побѣдоносно въ адъ съ земли, на которой гдѣ-то кому-то успѣшно помогъ сдѣлать революцію: „наши взяли верхъ! Воля, равенство, тьма темъ свободъ!..“ Какой же свободѣ Ремизовъ послѣ этого „никогда не измѣнялъ“?

8.

И дальше, еще дальше развивается нить плача, больнѣй, еще больнѣе скорбитъ сердце „старовѣра“ о двухъ другихъ вѣчныхъ цѣнностяхъ, пожранныхъ вихремъ революціи: православіе! народность!

„Была вѣра русская искони изначальная“. Была. Но вотъ налетѣлъ вихрь революціи и — „нѣтъ вѣры въ Россіи, нѣтъ больше церкви, это-ли церковь, гдѣ восхваляютъ временное?“.

Нѣтъ церкви. А раньше, за день до революціи — была? Когда вмѣсто временного „Временнаго Правительства“ прославляли на вѣки нерушимаго „благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго“ — тогда церковь существовала? Тогда для вѣрующаго сердца лучше было? Тогда жило православіе, жива была церковь?

Да, съ легкостью постыдной измѣнила церковь самодержавію, „клятву свою сломала, какъ гнилую трость“. Всего за нѣсколько дней

до революціи убѣжденнѣйшіе „идеологи православія“ (свящ. Флоренскій и тысячи безвѣстныхъ пастырей) прославляли идею самодержавія, царскую власть, говорили о глубочайшемъ и святѣйшемъ мистическомъ источникѣ этой власти. А черезъ нѣсколько дней они же прославляли въ церкви „благовѣрное Временное Правительство“.

Да, ниже пасть нельзя. Гдѣ среди нихъ люди, твердо рѣшившіе не измѣнить правдѣ своей? „Гдѣ ты родная твердыня, Последняя Русь? Я не слышу твоего голоса, нѣтъ, не доносить и гари срубной изъ поволжскихъ лѣсовъ... Или нѣтъ больше на Руси — Последней Руси — безстрашныхъ вольныхъ костровъ?“ Да, не было мужества и безстрашія, не было мученичества за правду свою; трусливо переметнулась церковь на сторону сильнаго

Но только-ли въ наши дни совершилось это? А гдѣ же были въ церковномъ православіи вольные безстрашные костры за послѣдніе двѣсти лѣтъ? Были они — *внѣ* церкви, ибо дымъ гари срубной доносился съ поволжскихъ лѣсовъ не во имя церкви, а съ проклятіемъ церкви, не во имя царя, а противъ царя. Сжигали себя въ срубяхъ „старовѣры“ тѣхъ дней, ибо церковь гнала ихъ; сжигали себя, ибо не принимали они власти „Звѣря“ — мистической, священной власти петровскаго самодержавія. Разрушена эта власть — и нѣтъ и не будетъ костровъ въ поволжскихъ лѣсахъ; но гдѣ же теперь вольные костры эти на Москвѣ рѣкѣ?

Нѣтъ и не будетъ. Церковь гонительница не могла стать церковью гонимой; двѣсти лѣтъ она была въ союзѣ со „Звѣремъ“ — ей ли удостоится мученическаго вѣнца? А вѣдь за эти же два вѣка — сколько было мучениковъ внѣ церкви въ борьбѣ за народъ противъ „Звѣря“! Мученичество же — всегда побѣждаетъ. И съ кѣмъ былъ Христосъ распинаемый — неужели темно это автору панимиднаго „Слова“? И какъ не видеть онъ, что уже двѣсти лѣтъ тому назадъ погибъ въ вихрѣ петровской революціи китъ церковнаго православія, что и тогда и теперь одинаково „пусто мѣсто“, что одинаково мерзко зрѣлище церкви, какую бы государственную власть она не прославляла — самодержавиѣйшую или демократичнѣйшую, ибо обѣ онѣ — одинаково „временныя“. Эту-ли церковь цѣнить авторъ „Слова“? за это-ли православіе скорбить?

9.

Нѣтъ царскаго самодержавія, нѣтъ церковнаго православія; остается одна „народность“.

Быть можетъ Ремизовъ видитъ въ церкви только внѣшнюю „церковь“, только внѣшній чудесный обликъ, „Рублевскую Русь“, и дорогъ

ему въ церкви только этотъ обликъ, только бытовой укладъ, только сложившаяся вѣками красота, а значить въ православіи дорога ему лишь „народность“, третій китъ? Но какъ же не видитъ онъ въ такомъ случаѣ, что этотъ „третій китъ“ есть подлинно и первый и послѣдній, что „народность“ пребудетъ вѣчно, пока есть „народъ“?

Неужели же „слово иноземное, залетное“ показалось художнику сильнѣе „народности“? И какъ не увидѣлъ онъ за „иноземнымъ“ — подлинно русскаго, за „залетнымъ“ — вѣчнаго? Или „обезьяній языкъ“ современности такъ испугалъ художника, всю жизнь низавшаго народныя слова изъ старыхъ книгъ, бусу по бусинкѣ? „О, родина моя обреченная... Изъ твоихъ же камней самоцвѣтныхъ, изъ жемчужовъ-словъ твоихъ я низалъ бѣлую рясу на твою нѣжную грудь“.. Или онъ не вѣритъ что „обезьяній языкъ“ минется, а лежащая за нимъ правда останется? Или онъ не знаетъ, что „обезьяній языкъ“ время петровской революціи миновался давно, а плодами той революціи двѣсти лѣтъ жила Россія?

Въ пушкинскомъ „Архипъ Петра Великаго“ дура Екимовна передразниваетъ и представляетъ русскихъ „заморскихъ обезьянъ“: шаркаетъ, кланяется, кривляется и приговариваетъ — „мусье... мамзель... асамблея.. пардонъ“. Простительно не видѣть за смѣшной виѣшностью глубокой сущности шутихъ Екимовиѣ, но не творцу „Крестовыхъ сестеръ“ и мудрой Акумовны. Или и петровская революція ему такъ же ненавистна?

Да, ларчикъ открывается въ этомъ простомъ мѣстѣ: „Святая Русь“ Ремизова, исконнаго „старовѣра“, лежитъ „объ-онъ-поль“ петровской революціи, ибо лежитъ по ту сторону *всякой* революціи. Но всетаки — понимаетъ ли онъ, что въ своей революціи Петръ былъ въ тысячи и тысячи разъ болѣе взыскующимъ Града Новаго, чѣмъ девяносто изъ сотни старовѣровъ, сожигавшихъ себя въ срубахъ во имя „Святой Руси“?

Подлинно пропасть разверзлась между всѣми нами, если даже такихъ простыхъ истинъ не понимаютъ стоящіе рядомъ съ Ремизовымъ, имя же имъ легионъ. Здѣсь у насъ съ ними нѣтъ общаго языка, здѣсь взаимно царить подлинно „обезьяній языкъ“, здѣсь подлинно человѣкъ человѣку не волкъ, не бревно, а обезьяна. „Гикъ обезьяній“ слышатъ взыскующе на обѣихъ сторонахъ пропасти — и не знаютъ, не понимаютъ, что это *на ихъ сторону* раздается гикъ. И величайшіе смѣшиваются здѣсь съ ничтожнѣйшими: съ какимъ восторженнымъ гикомъ присоединится мелкѣдушный всесвѣтный мѣщанинъ къ ремизовскому заушенію революціи!

И здѣсь, повторяю — кара Ремизова. Ибо нельзя безнаказанно заушать распинаемую идею, нельзя смѣшиваться съ „мимоходящими“

и злорадствующими, какая бы боль душевная ни вызывала эту ненависть и злобу. Вѣдь и среди хулящихъ Распятаго были, вѣроятно, искренніе сторонники старозавѣтнаго „Святого Израиля“; вѣдь и среди книжниковъ были люди, твердо вѣрившіе въ свою правоту. Бѣда ихъ была лишь въ ослѣпленности ихъ: вожди слѣпые, они не предвидѣли, что распятая ими идея воскреснетъ и побѣдитъ міръ.

10.

Всякая революція враждебна духу ветхозавѣтнаго „Святого Израиля“ — „Святой Руси“; и когда приходитъ она, то видятъ въ ней старовѣры лишь гордыню дьявольскую, лишь „похвальбу“, которую надо отринуть и сопричестъ къ разбойникамъ.

Какъ ненавидитъ Ремизовъ петровскую революцію! Какъ ненавидитъ Петра! — хотя чаще всего и таитъ это. Но когда герой „Крестовыхъ сестеръ“ въ отчаяніи и злобѣ обращается къ Мѣдному Всаднику съ безсвязными обвинительными горькими словами: „Петръ Алексѣвичъ, Ваше Императорское Величество! Русский народъ настой изъ лошадинаго навоза пьетъ и покоряетъ сердце Европы за полтора рубля съ огурцами.. Больше я ничего не имѣю сказать“... — это Ремизовъ прокликаетъ въ тайнѣ души Петра и революцію.

И когда теперь, въ своемъ „Словѣ“, говоритъ онъ о Мѣдномъ Всадникѣ — прежнее проклятіе и отчаяніе звучатъ въ новыхъ словахъ. „безумный ѣздокъ, хочешь за море прыгнуть изъ желтыхъ тумановъ гранитаго любимаго города, несокрушимаго и крѣпкаго, какъ Петровъ камень, — надъ Невою, какъ вихрь, стоишь, вижу тебя и во снѣ и въ явь“... Ибо не вѣритъ Ремизовъ, что вихрь этотъ за море на Западъ летитъ, что вихрь этотъ несетъ весеннія сѣмена. На Западъ? Покорять сердце Европы? — За полтора рубля съ огурцами! Весеннія сѣмена? — Настой изъ лошадинаго навоза!

И вотъ почему нѣтъ вѣры къ другимъ, свѣтлымъ словамъ, которыми хочетъ сгладить Ремизовъ свою „вѣчную память“ .. „Русскій народъ, настанетъ Свѣтлый день! Слышишь храпъ коня? Безумный ѣздокъ, что хочетъ прыгнуть за море изъ желтыхъ тумановъ, онъ сокрушилъ старую Русь, онъ подыметъ и новую, новую и свободную, изъ пропада“...

Да, такова вѣра наша — но не Ремизова, безсиленъ здѣсь его голосъ, самъ же онъ заглушаетъ его своимъ плачемъ, своими проклятіями. Да, это для народнаго поэта Клюева —

Поле Марсово — красный курганъ,
Храмъ побѣды и крови невинной,

а Ремизовъ въ вѣщемъ снѣ своемъ („Обезьяны“, собр. соч. т. III) недаромъ видѣлъ себя на Марсовомъ полѣ только предводителемъ шимпанзѣ, подвергаемыхъ смертной казни... „Когда же Марсово поле насытилось визгомъ и стономъ, а земля взбухла отъ пролитой обезьяньей крови“ — на Марсово поле прискакалъ, какъ вѣтеръ, Мѣдный Всадникъ и стянулъ арканомъ горло „предводителя шимпанзѣ“. И тогда, дерзко глядя въ ненавистное лицо страшнаго Всадника, онъ „прокричалъ гордому Всаднику трижды пѣтухомъ“... Да, вотъ это — подлинный Ремизовъ! И въ „Словѣ“ своемъ онъ не отрицается отъ себя; одна бѣда: „закукурекалъ бы, да головы нѣтъ: давно оттяпана“!

Нѣтъ вѣры Ремизову благословляющему, ибо слишкомъ искрененъ и силенъ голосъ Ремизова проклинающаго. Какъ неубѣдительно и слабо звучитъ прекрасно сдѣланный его рассказъ „Gloria in excelsis“, свѣтлый кликъ его: „слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ..“! Какъ искренне и сильно удивительное „Слово о гибели Русской Земли“, похоронный плачь его: „вѣчная память“!

Когда къ Николаю Угоднику (въ „отреченной повѣсти“ Ремизова) явился ангелъ Господень и повелѣлъ идти истребить русскую землю, русскій народъ — „прощай народъ: воръ на ворѣ, разбойникъ на разбойникѣ, грабятъ, жгутъ, убиваютъ, братъ на брата, сынъ на отца, отецъ на сына, дочь на мать!“ — то ослушался Никола, не истребилъ, не проклялъ русскую землю, но „трижды благословилъ ее великимъ благословеніемъ“... И это — не удѣлъ Ремизова: хочетъ благословить — и обвиняетъ, хочетъ принять — и отвергаетъ. А вѣдь и онъ когда-то зналъ отъ мудрой Акумовны, что „обвиноватить никого нельзя“!

11

„Слово о гибели Русской Земли“ — одновременно и панихида по „Святой Руси“ и анагема русской революціи — революци, а значитъ и народу русскому, предавшему святыни стараго устоя, стараго строя. Конечно, камень, брошенный вверхъ, падаетъ обратно на голову бросившаго; конечно, панихида эта — не по живой России, а лишь по „Святой Руси“ Ремизова, панихида его по своей вѣрѣ, по самомъ себѣ. И именно потому такое жуткое, такое сильное впечатлѣніе производитъ она. Поистинѣ, „Слово“ это есть готъ самый „обвинительный актъ всему русскому народу“, который когда-то (въ „Пятой язвѣ“) писалъ о самомъ себѣ судебный слѣдователь Бобровъ, писалъ рукою Ремизова.

Была у слѣдователя Боброва „завѣтная тетрадь“, „крестъ трудовъ“ его, „плачь“ надъ раззоромъ русской земли, плачь о гибели

русскаго народа. Тетрадь эта нынѣ передъ нами: воскресъ Бобровъ и дописалъ свой „плачъ“, написалъ „Слово о гибели Русской Земли“. Да и многое ли пришлось ему добавить? И тогда говорилъ и теперь говоритъ онъ одно и то же, говоритъ тѣми же словами.

Что тогда говорилъ онъ, старовѣръ, о революціи, о революціонерахъ? „Нищѣ душой, слѣпые недоноски, голыши духомъ, не находящіе ничего другого для культуры Россіи, для русскаго народа, какъ хулить и ругать Россію“ — Россію тогда царскую, самодержавную... „Нашли занятіе! нашли себѣ русское дѣло!“ И теперь прежними словами судить и осуждаетъ онъ ихъ. „человѣкоборцы безбожные!.. вожди слѣпые, что вы надѣлали?.. Вы душу вынули изъ народа русскаго“!

И тогда видѣлъ онъ въ идеѣ революціи, въ идеѣ виѣшеніи свободы — только гордыню бѣсовскую, ликъ обезьяній: „силы курячья, душонка воробьиная, что сдѣлаешь, что выдумаешь, чего достигнешь, кому поможешь?... Всякая обезьяна чудеса нынче творить хочетъ... Обезьяна чудотворить полѣзла и слѣпой слюнявой мерзенышъ хозяйствуется“... А теперь — не тѣми-ли самыми словами говоритъ онъ о революціи?

И тогда отрекался онъ отъ Россіи, проклиналъ ее за крамолу и неправду: „я не русскій, нѣтъ правды на русской землѣ!“. И теперь отрекается онъ отъ нея, ибо послѣ революціи — „что скажу я въ защиту народа моего? И стыдно мнѣ — я русскій, сынъ русскаго!.. Теперь презираемъ со всѣмъ народомъ несу кару, жалокъ, нищъ и нагъ“.

И хотя тутъ же говоритъ онъ, что не огречется онъ нынѣ отъ „грѣшной“ Россіи — „нѣтъ, я не оставляю тебя и въ грѣхѣ твоемъ. и въ бѣдѣ твоей... И мнѣ-ли оставить тебя, — я русскій, сынъ русскаго, я изъ самихъ нѣдръ твоихъ“... — хотя онъ и говоритъ это, однако не видитъ, что все „Слово“ его есть сплошное отреченіе. Говоритъ одно, дѣлаетъ другое; силенъ и твердъ Ремизовъ осуждающій, слабъ и немощенъ Ремизовъ благословляющій. И если нельзя обвинить его въ томъ, что отрекается онъ отъ революціи теперь, когда уже

... третью пѣсню

Пропѣлъ пѣтухъ, —

то лишь потому нельзя, что отъ революціи онъ отрекся до революціи, давнымъ давно. Ибо во всякой революціи, а въ этой особенно — видитъ онъ не Христа, а Ангела Зла, который „подымается изъ бездны“... „Серебряная пятигранная звѣзда надъ головой его съ семью лучами, и страшенъ онъ“...

Такъ думаютъ, такъ вѣрятъ, такъ чувствуютъ на „старой“ сторонѣ пропасти люди Ветхаго Завѣта, люди Стараго Мира.

И вѣрятъ, и чувствуютъ, и знаютъ на „другой“ сторонѣ пропасти, люди чающие Мира Новаго, что распинаемая нынѣ революція—свѣтла по конечному духу своему, что если въ смерчѣ мировой войны подлинно „Демоны вышли изъ адской норы“, то въ вихрѣ возставшей противъ войны революціи — „Мессія грядущаго дня“ открываетъ новыя міровыя дали.

Два завѣта, два міра, двѣ Россіи И непереходимой пока пропастью отдѣлены онѣ одна отъ другой

„.. И вотъ слышу одинъ обезьяній гикъ. Русь моя, ты горишь! Русь моя, ты упала, не поднять тебя, не подымешься!“ — такъ видитъ Россію, народъ, революцію большой художникъ со своего края пропасти. И съ другого берега доносится до него голосъ поэта, иную Русь взыскающаго:

. И ты, огневая стихія,
Безумствуй, сжигая меня,
Россія, Россія, Россія —
Мессія грядущаго дня!

Два подлинныхъ народныхъ поэта противостоятъ Ремизову и приснымъ его—и сталкиваются двѣ Россіи, два міра, двѣ революціи. Клюевъ и Есенинъ — каждый изъ нихъ подлинно „русскій, сынъ русскаго“, каждый изъ нихъ подлинно „отъ самыхъ нѣдръ“ Россіи, отъ самыхъ нѣдръ „Святой Руси“. Но ихъ „Святая Русь“ — не позади, а впереди; все старое до крупинки приняли они въ свои души, „Рублевская Русь“ дорога имъ не меньше, чѣмъ Ремизову, но впереди видятъ новое Солнце они, подлинно народные поэты. И не проклинаютъ они, а благословляютъ, не приходятъ въ отчаяніе, а вѣрятъ въ будущее, не Ангела Зла видятъ въ мировой революціи, а Мессію грядущаго дня, не ужасъ бессмыслицы видятъ вокругъ, а трагедію Голгофы.

Ремизовъ — на одной сторонѣ пропасти, Клюевъ и Есенинъ — на другой ея сторонѣ. Темными лучами заката освѣщенъ онъ, поэтъ Старой Руси; первые золотые лучи зари восхода начинаютъ падать на головы поэтовъ новой Россіи. „Слово о погибели“ могильно звучитъ у Ремизова, „Пѣвущій зовъ“ и „Пѣснь Солнценосца“ побѣдно

слышатся у Есенина и Клюева. Онъ провозглашаетъ скорбную „вѣчную память“ Святой Руси и народу, они возглашаютъ „многая лѣта“ грядущей Россіи и революціи; на его панихиду они отвѣчаютъ молебномъ. Два завѣта, два міра, двѣ Россіи. Изъ глубины народной поднялись обѣ эти Россіи, и пропасть между ними; одна — Россія прошлаго, другая — Россія будущаго, Градъ Старый и Градъ Новый.

У Ремизова — „злоба кипитъ въ душѣ, кипитъ безсильная: вѣдь полжизни сгорѣло изъ-за той Россіи, которая обратилась теперь въ ничто..“. И не одинокъ онъ теперь въ своей злобѣ — густая толпа злобящихся съ нимъ и за нимъ. Но беззлобна радость народныхъ поэтовъ: „Радуйтесь! Земля предстала новой купели!..“

О, Родина
Мое Русское поле,
И вы, сыновья ея,
Остановивше
На частоколѣ
Луну и солнце —
Хвалите Бога!

Ремизовъ прокликаетъ — и: „не проклиная я никого, потому что знаю часъ, знаю предѣлъ, знаю исполненіе сроковъ судьбы... Ничто не избѣжитъ гибели.“ И отвѣчаетъ ему поэтъ (Есенинъ, въ поэмѣ „Октоихъ“) сильными и полными вѣры словами:

Возстань, прозри и вижди!
Неосказуемъ рокъ
Кто все живить и зиждетъ —
Тотъ знаетъ часъ и срокъ.
Вострубятъ Божьи клики
Огнемъ и бурей трубъ..

Для Ремизова русский народъ погибъ: „одураченный, плюхнулся свиньей въ навозъ.. землю свою забылъ колыбельную“ — на трехъ китахъ стоявшую. „Русскій народъ, это грѣхъ твой непрощаемый“. Такъ погибъ („грѣхъ непрощаемый“) русский народъ для Ремизова — и воскресъ для поэта Клюева:

Сбылись думы и давніе слухи,
Пробудился Народъ-Святогоръ!
.....
Ослѣпительнѣй ризъ серафима
Заревой Святогоровъ кафтанъ...

И этотъ народъ-Святогоръ для поэта — подлинно воскресъ къ жизни новой, къ тяжелому, тернистому, крестному пути „Онъ — воскресенный Иисусъ, Народъ родной страны“ ..

Двѣ Россіи, двѣ правды, двѣ революціи. „свинья“ и „Ангель Зла“ для одной—„Святогоръ“ и „воскрешенный Иисусъ“ для другой. И большому старомосковскому художнику книжнику противостоятъ здѣсь еще болѣе древняя, народная, глубинная правда — правда о воскресшемъ въ революціи Народѣ, вновь обреченномъ на крестный путь и крестныя муки

14

„Воскрешенный Иисусъ, Народъ родной страны“ — вновь рождается нынѣ въ огнѣ войны, въ грозѣ и бурѣ революціи. Къ старому — возврата нѣтъ. „она загорѣлась, звѣзда Востока! Не погасить ее Ироду кровью младенцевъ“... Не погасить, но и намъ — не измѣнить предначертаннаго міровой исторіей крестнаго пути возрожденнаго народа къ новой исторической Голгоѣ. Это — горькая чаша, но, повидимому, неизбежная, насъ она не минуетъ, принимая ее, мы не должны забывать однако, что Голгоѣа для идеи — грядущее ея воскресеніе „въ силѣ и славѣ“. И потому — будемъ готовы къ дальнѣйшему тяжелому, тернистому пути, по которому уже идемъ съ самаго начала „великой русской революціи“

Крестный путь этотъ ясно видятъ отъ народныхъ глубинъ оба нашихъ поэта: оба знаютъ, что

Чашу съ кровью — всемірнымъ причастьемъ
Намъ испить до конца суждено

Но знаютъ они и то, что „за чернымъ ненастьемъ блещетъ солнце — Господне окно“ (Клюевъ); знаютъ, что настанетъ пора, когда мы „красное солнце миллионами рукъ подыдемъ надъ Міромъ печали и мукъ“, знаютъ, что нынѣшняя революція наша — грядущій даръ и міру и родинѣ „тебѣ, твоимъ туманамъ, и овцамъ на поляхъ, несемъ коровьимъ чаномъ мы солнце на рукахъ“ („Октоихъ“) Но солнцу этому навѣрное суждено еще погаснуть, для того чтобы, вновь воскреснувъ, побѣдить мракъ

Впереди — крестный путь. Снова Сынъ Человѣческій отдается книжникамъ на поруганіе, снова онъ одинокъ — быть можетъ еще болѣе одинокъ, чѣмъ прежде.

. Снова мнѣ, о Боже мой,
Предстоитъ твой Сынъ!

По тебѣ молюся я
Изъ мужичьныхъ мѣстъ.
Изъ прозрѣвшей Русси
Онъ несетъ свой крестъ.
Но предъ тайной острова
Безначальныхъ словъ —
Нѣтъ за нимъ апостоловъ,
Нѣтъ учениковъ...

(С. Есенинъ, „Пришествіе“).

И снова „рыжій Іуда цѣлуетъ Христа“; снова спятъ ученики — всѣ мы, попустительствомъ своимъ восемь мѣсяцевъ предававшіе революцію „воинамъ первосвященника“; снова „отрицается“ Симонъ Петръ, снова „съ шеста Созвѣздя поетъ пѣтухъ“. И подъ тяжелыми ударами рабовъ первосвященника падаетъ Народъ, падаетъ революція на своемъ тяжкомъ пути:

Подъ снѣжною ивой
Упалъ твой Христосъ,
Опять Его воя
Стегаютъ плетями
И бьютъ головою
О выступы тьмы

(„Пришествіе“).

Да, еще въ первые дни и часы революции говорилъ поэтъ о томъ, какъ „паль, сраженный пулей, младенецъ Іисусъ“. Съ тѣхъ дней — прошли года и года, революція, преданная рабами „справа“, губится учениками „слѣва“. Но не все-ли равно, какимъ путемъ идти къ Голгоѣ? Лишь бы не путемъ „злости лютой“ и „злости безсильной“. Лишь бы съ сознаниемъ великой правды происходящаго.

15.

Но и въ тяжкомъ пути этомъ разное видятъ люди двухъ становъ, двухъ мировъ, двухъ завѣтовъ, раздѣленные пропастью. Для однихъ — ужасенъ бессмысленностью своею мракъ, простершійся надъ землею „отъ шестого часа до девятаго“, и проклинаяютъ они его:

„Тьма вверху и внизу. И свилось небо, какъ свитокъ. И нѣту Бога. Скрылся онъ въ свиткѣ со звѣздами, и солнцемъ и луною. Черная бездна разверзлась вверху и внизу. И дьяволъ потерялъ смыслъ бытія своего, повисъ на осинѣ Іуды. А всѣ зачѣмъ-то еще живутъ“ .

И не видятъ они, что среди этой тьмы на лобномъ мѣстѣ воз-
вышается Крестъ И видятъ это тѣ, которые стоятъ на другой сто-
ронѣ пропасти.

Ей, Господи,
Царю мой!
Дьяволы на рукахъ
Укачали землю
Снова пришествію Его
Поднять крестъ.
Снова раздирается небо.

О Саваоѣ!
Покровомъ твоимъ рѣкъ и озеръ
Прикрой Сына!
Подъ ивой бьютъ его вои
И голговеятъ снѣга твои
О ланиту дождей преломи
Лезвие заката!
Трубами вьюгъ
Возвѣсти языки!

Но не въ судъ или во осужденіе

(„Пришествіе“)

Такъ безконечно разнo чувствуютъ происходящее въ мирѣ
двѣ наши Россіи Для одной — черная бездна революціи разверзлась
вверху и внизу; и дьяволъ повѣсилъ, и Бога нѣтъ — ибо пришелъ
Ангель Зла, пришла революція, и до конца свершитъ свой путь
Для другой — снова „раздралось небо“, церковная завѣса, снова
„дьяволы на рукахъ укачали землю“, и Богъ безмолвствуетъ — ибо
распинается народъ, ибо не дадутъ революціи свершить пути до
конца, ибо „снова пришествію Его поднять Крестъ“ Какъ понять
другъ друга этимъ людямъ двухъ разныхъ мировъ? Какъ протянуть
имъ другъ другу руки съ двухъ сторонъ пропасти?

Когда-то Ремизовъ, въ потрясающемъ по силѣ апокрифѣ „О
страстяхъ Господнихъ“ рассказалъ намъ, какъ распятый Христосъ
никогда не воскресалъ, а сталъ добычею тлѣнья и Сатанаила. осквер-
нили и истерзали бѣсы — „сила несмѣтная изъ темныхъ ямъ“ — мерт-
вое тѣло Христа. посадили бездушнаго, истерзаннаго мертвеца на
престоль славы, и возгласили „всѣмъ народамъ подлунной, всѣмъ
бывшимъ и грядущимъ въ вѣкахъ“ „се — Царь вашъ!“

„Тогда высоко, въ удольномъ мѣстѣ⁶ надъ яримъ солнцемъ, въ
яркихъ лучахъ, послѣднимъ обѣтованіемъ возникъ на небеси Крестъ,

а на Крестѣ пригвожденный обезображенный трупъ. — Се Царь вашъ! — возвѣстилъ Сатанаиль, гордо возсѣдая на крыльяхъ вѣтряныхъ и дунулъ Сатанаиль въ Крестъ. И Крестъ съ трупомъ обратились въ прахъ“...

Вотъ подлинная вѣра Ремизова. Много писалъ онъ о Христѣ, но не всѣ до сихъ поръ понимаютъ, что его Христосъ — не воскресъ. Чтожъ удивляться тому, что и революція для него есть лишь „беззаконство“ несмѣтной бѣсовской силы „изъ темныхъ ямъ“? Этому отношенію къ революціи еще „Бѣсы“ Достоевскаго положили начало. Чтожъ удивляться и тому, что нѣтъ и не можетъ быть взаимнаго пониманія между такимъ отношеніемъ къ міровой вѣсти, — и вѣрою въ то, что нынѣшняя и грядущая міровая трагедія есть не беззаконство темной силы, а тяжелый, тернистый свѣтлый путь человѣческаго освобожденія, что свѣтлая побѣда — впереди, что

...ни единый камень,
Черезъ пращу и лукъ,
Не подобьетъ надъ нами
Подъятье Божьихъ рукъ.

(„Октоихъ“).

16.

И тутъ — начинается самое трудное, трудное для души, для сознанія, для вѣры многихъ и многихъ.

Какъ!? Свѣтлый и тяжкій путь революціи? Радость народнаго освобожденія? Сотни и тысячи невинно убитыхъ и пострадавшихъ — это ли радость! Гражданская война, взаимная ненависть — „пятеро во единомъ дому раздѣлены, три противъ двухъ и два противъ трехъ“ — это ли Христосъ! Народъ убійца, грабитель и насильникъ — это ли „воскрешенный Иисусъ“! Подлинно, не мертвый ли, дьяволомъ созданный трупъ, возсѣдаетъ нынѣ „на престолѣ славы“? Можетъ ли быть „радость“ въ эти мрачные, темные дни?

Такъ съ ненавистью, съ „лютой злостью“ говорятъ на одной сторонѣ пропасти; многіе и многіе на другой ея сторонѣ падаютъ подъ бременемъ тяжелаго этого сомнѣнія. Понятна ихъ душевная боль, но непонятна ихъ душевная слабость: развѣ ждали они отъ революціи — царства Божія на землѣ? И развѣ слова о раздѣленіи „пятерыхъ въ единомъ дому“ Христосъ не о себѣ сказалъ? И развѣ имѣютъ другой смыслъ уже не разъ повторенныя выше слова: „не миръ, но мечъ“?

А съ „лютой злостью“ вопрошающіе — пусть сами дадутъ отвѣтъ. Не они ли, не изъ ихъ ли нынѣшняго стана взывали — еще

такъ недавно! — къ войнѣ „во имя любви Христовой“? Не изъ ихъ ли усть раздавались кощунственно примѣняемыя къ міровой войнѣ великія слова: нѣтъ большей любви, какъ положить душу за братьевъ своихъ? Не благословляли ли изъ ихъ стана пастыри крестомъ Христовымъ людей на бойню человѣческую? И если революція принесла многимъ тысячамъ смерть и гибель, то на какихъ вѣсахъ расчислить и взвѣсить — сколько тысячъ по иному погибло бы за это время отъ бичей стараго строя, стараго уклада, такъ любезныхъ сердцу ревнителей „Святой Руси“? Какой мѣрой измѣрить — гдѣ, когда и на чьей сторонѣ больше быто человѣческаго горя, человѣческихъ страданій? И развѣ, наконецъ, этой мѣрой опредѣляется правда или неправда, въ основѣ міра лежащая?

Взаимная ненависть и вражда? Да, она вылилась теперь наружу, затопила улицы городовъ, разлилась по всей землѣ. Но вѣдь вылилось въ одинъ годъ, что копилось вѣками — какъ не понять этой простой истины людямъ, копящимъ нынѣ „злость лютую“? А когда ихъ „лютая злость“ изъ „безсиьной“ станетъ силой, когда выльется она въ дѣянія во имя „закона“, „порядка“, „во имя Христа“ — кровью по колѣно насытится русская земля! Погодите, дайте имъ только съ силами собраться да выждать удобное время — висѣлицами, во имя Христа, уставятъ они русскую землю, потоки крови прольютъ во имя подавленія революціоннаго „беззаконства“! Тогда то уже навѣрное Христосъ будетъ посреди нихъ...

Народъ грабитель и насильникъ — „воскрешенный Іисусъ“? Нѣтъ, не народъ грабитель, а народъ освободитель, не народъ убивающій, а народъ умирающій. И поистинѣ слѣнь тотъ, кто не видитъ вокругъ себя этого, кто не видитъ вокругъ себя подвига и жертвы. Отвратительны на верхахъ политическія партіи, губящія революцію дразгами, духовнымъ грабежемъ народныхъ цѣнностей, омерзительна въ низахъ темная вѣками вскормленная злоба, но развѣ злобы этой не вдесятеро больше на верхахъ? И развѣ непонятно, что *народъ* въ цѣломъ — ни тутъ, ни тамъ, что не можетъ душа народная быть сопрячена къ разбойникамъ и убійцамъ! Пусть эту хулу на духа произносятъ съ лютой злостью на одной сторонѣ пропасти — не поколеблетъ она того, что видимъ мы своими глазами. Видимъ мы и грабежъ, и насиліе, и душевное паденіе, но видимъ и жертву, и подвигъ, и душевное горѣніе — видимъ и то и другое *на обѣихъ сторонахъ* пропасти, раздѣлившей на два стана Россію. Велика наша скорбь, негодование наше — о паденіи; велика наша радость, ликование наше — о горѣніи человѣческой души.

И все это — чувствуютъ, все это — осязаютъ народные поэты. Радостна для нихъ народная свобода, праведенъ для нихъ народный гнѣвъ: „обручились мы съ пламеннымъ гнѣвомъ“ (Клюевъ) Ибо гнѣвъ этотъ — начало свободы:

Пролетѣла надъ Русью Жарь-Птица
Ярый гнѣвъ зажигае въ груди...
Богородица наша Землица —
Вольныи хлѣбъ мужику уроди!

Пришла народная свобода и въ ея бурныхъ волнахъ „погибаютъ корабли — Неволя, Лихо, Сглазь“... Улягутся волны, утихнутъ бури — и твердо станетъ Новый Градъ на землѣ свободы; и ужъ тогда —

Не сломать штыкъ, чугунный громъ
Ржаного Града стѣнь,
Не осквернятъ палящій ликъ
Свободы золотой...
Красноголосый вѣчевикъ —
Ликуй, народъ родной!

И въ то время, какъ ревнители старинныхъ устоевъ „Святой Руси“ съ трепетомъ и горечью прислушиваются къ чуждымъ для нихъ шагамъ свободы, плачутъ о старомъ, боятся новаго — народный поэтъ твердо и смѣло глядитъ въ лицо быть можетъ еще темному и черному будущему; онъ знаетъ и вѣритъ, что „алмазный плугъ подыметъ ярь волхвующихъ бороздъ“. И другой поэтъ созвучно первому повторяетъ: „пой, зови и требуй скрытые брега!“ — знаетъ онъ, что „гибельной свободы въ этомъ мѣрѣ нѣтъ“..

И въ то время, какъ поэтъ „Старой Руси“, Стараго Града, въ ужасѣ отъ „беззаконства“ свободы, въ ужасѣ отъ самой свободы: — „свобода! Былъ человекъ связанъ и скованъ — освободили: иди, куда знаешь! дѣлай, что хочешь! Ну, веревку и прячешь, а то неровень часъ, вонъ крюкъ на поголкѣ крѣпкій“... („Огневица“) — въ это самое время поэтъ Града Новаго въ глубинныхъ словахъ складываетъ гимнъ восходящему солнцу свободы:

Три желудя-солнца достались намъ —
Засѣвный подарокъ взалкавшимъ полямъ:
Свобода и Равенство, Братства вѣнецъ,

Живительный выгонъ для ярыхъ сердець:
Тучнѣйте отары голодныхъ умовъ,
Прозрѣній телицы и кони стиховъ!

Да, только съ великой радостью въ душѣ можно написать такія строки!

Но въ чемъ же эта радость, на чемъ стоитъ она? Неужто только на камнѣ „политической свободы“: было у насъ любезное сердцу ревнителѣй „Святой Руси“ самодержавіе, а нынѣ — „спокойно звенитъ за окномъ, то погаснувъ, то вспыхнувъ снова, желѣзное слово. рре-ес-пуу-ублика!“? Да, эта первая, самая малая ступень на лѣстницѣ свободы. Но неужели весь путь оканчивается ступенью второй, „соціальной свободой“: „матка-земля, бають, вся отойдетъ въ руки народа“?.. Да, и эта вторая ступень твердо заложена въ народной душѣ. Но когда этими двумя ступенями ограничивается лѣстница свободы, поэтъ не можетъ тогда подняться по ней до вершины духа:

Лѣстница къ саду Твоему —
Безъ приступокъ...
Какъ взойду, какъ подымусь по ней
Съ кровью на отцахъ и братьяхъ?..

(„Пришествіе“).

И кровь эта — не только „гражданской“ войны, но и войны „мировой“, ибо для народной души нѣтъ свободы безъ третьей ея ступени — свободы мировой, всенародной и „международной“, „интернаціональной“, какъ говорятъ теперь временнымъ, глинянымъ словомъ. Но за временнымъ словомъ этимъ народные поэты чуютъ вѣчное: „на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе“...

18.

Всемирность русской революціи — вотъ что пророчески предвидятъ народные поэты, и въ этомъ ихъ послѣдняя, глубокая радость, въ этомъ ихъ вѣра въ новое воскресеніе распинаемой правды, вѣра въ то, что „за чернымъ ненастьемъ свѣтитъ солнце, Господне окно“.. Революція будетъ или всемирной, или временно погибнетъ. И русскій народъ идетъ ко всему міру съ открытой душой и съ благой вѣстью о всемирной свободѣ.

Всѣхъ зовешь ты на пиръ,
Тепля кличъ, какъ свѣчу,

Прижимаешь къ плечу
Нецѣлованный міръ.
Святъ и миренъ твой даръ,
Синь и пѣсня въ рѣчахъ.
И горитъ на плечахъ
Необъемлемый шаръ!

Удастся ли закинуть его въ небо? поставить на столпы? —
удастся или нѣтъ, лишь бы не уставала въ насъ воля къ всемір-
ности, лишь бы не измѣняло намъ сознаніе всечеловѣчности, лишь
бы помнили мы вѣчныя слова, что зажженную свѣчу не прячутъ въ
сокровенномъ мѣстѣ. И это сознаніе всемірности радостно поэту
Клюеву:

Хлѣбъ да соль, Костромичъ и Волынецъ,
Олончанинъ, Москвичъ, Сибирякъ!
Наша Волюшка — Божій гостинецъ,
Человѣчеству свѣтлый маякъ...

И свѣтлый маякъ этотъ освѣщаетъ человѣчеству дорогу въ
Градъ Новый, въ тотъ Ржаной Градъ, который объединитъ въ своихъ
стѣнахъ всѣ народы:

То кровью выкупленный край,
Земли и Воли градъ;
Многopleменный каравай
Подѣлятъ съ братомъ братъ...

Всемирность грядущей революціи ясно провидится нашими поэ-
тами; и не съ ужасомъ, а съ радостью ждутъ они грядущую въ
міръ свободу, возглашаютъ ей „Осанну въ вышнихъ“ („Октоихъ“).
Началась она на Руси, и нынѣ — „великою рѣкою текутъ твои уста“;
дерзко и съ титаническими замыслами начата была она: „плечми
трясемъ мы небо, руками зыбимъ мракъ, и въ тощій колосъ хлѣба
вдыхаемъ звѣздный злакъ“ („Октоихъ“). И вѣрятъ поэты, что наста-
нетъ часъ, быть можетъ еще и далекій, когда весь міръ отзовется
на нашъ призывъ, когда на звонъ мірового колокола, на свѣтъ лу-
чей краснаго солнца Братства придутъ всѣ народы, откликнется все
сущее въ мірѣ:

На каменный зыкъ отзовутся Міры,
И Демоны выйдутъ изъ адской норы,
Въ потиръ отольются металловъ пласты,
Чтобъ солнца вкусили Народы-Христы.

О, Демоны-братья, отпейте и вы
Громовыхъ сердець, поцѣлуйной молвы!
Мы — рать солнценосцевъ, на пупъ земномъ
Воздвигнемъ стобашенный, пламенный домъ
Китай и Европа, и Сѣверъ и Югъ
Сойдутся въ чертогъ хороводомъ подругъ:
Чтобъ Бездну съ Зенитомъ въ одно сочетать
Имъ Богъ — воспріемникъ, Россія-же — мать...

Глубже, мощнѣе и прекраснѣе всѣхъ этихъ словъ нашихъ народныхъ поэтовъ — нѣтъ ничего въ современной поэзіи; кто ихъ не разслышитъ — не услышатъ тому и братской вѣсти о всемірности русской революціи.

19.

Вѣра во всемірность русской революціи, въ далекое торжество ея — вѣра наша. И только вѣра эта поможетъ намъ пережить тяжелые надвинувшіеся и грядущіе дни распятія и „положенія во гробъ“ русской свободы — подобно тому, какъ вѣра въ воскресеніе Распятаго оживляла сердца вѣрующихъ христіанъ. Вѣра въ грядущее поможетъ пережить надвигающееся настоящее. Впереди — темные дни торжества черныхъ силъ, которыя нынѣ собираются на одной сторонѣ пропасти вмѣстѣ съ ревнителями „Святой Руси“.

Я знаю, что Старый Міръ еще соберетъ свои силы и поведетъ ихъ въ бой противъ Міра Новаго — и побѣдитъ въ этой борьбѣ, и завалитъ камнемъ гробъ народной свободы, и приставитъ ко гробу стражу, воиновъ и рабовъ архіерейскихъ. И радоваться будутъ книжники, законники и фарисеи, радоваться будутъ съ ними и сторонники „Святой Руси“. И издѣваться будутъ надъ вѣрующими въ воскресеніе: „уже смердитъ, ибо уже три дня, какъ онъ во гробѣ“! Еще мало пройдетъ — и черви могильные закопошатся...

Да, закопошатся. Придетъ, приползетъ могильный червь революціи во образѣ торжествующаго и всепоѣдающаго всесвѣтнаго Хама — всесвѣтнаго мірового Мѣщанина. И трагедія всѣхъ искреннихъ сыновъ „Святой Руси“ — въ томъ, что они теперь въ одномъ станѣ съ могильными червями... Какъ всесвѣтный Мѣщанинъ ненавидитъ Новый Міръ, какъ ненавидитъ онъ революцію, какъ жадно будетъ разлагать ее — кто же изъ насъ этого не знаетъ? Но немногіе изъ насъ хотятъ видѣть, что ему въ этой борьбѣ уготована пока несомнѣнная побѣда.

Я знаю это, но знаю и другое: я знаю также, что вновь созиждется „черезъ три дня“ разрушенный Храмъ, хотя и неизвѣстно сколько времени будутъ длиться „три дня“ вселенской исторіи. Сколько бы ни длились — но въ міровой жизни не было случая, чтобы золотые лучи восхода были побѣждены темными закатными лучами. Остановить солнце на нѣсколько міровыхъ часовъ — это все, чего могутъ достигнуть Іисусы Навины ветхаго завѣта, стараго міра. Но не Іисусу Ветхаго завѣта побѣдить Іисуса завѣта Новаго, не старому міру суждена конечная побѣда въ міровой борьбѣ.

Это знаютъ, это чувствуютъ, въ это вѣрятъ наши поэты — и вѣра ихъ въ новое „Пришествіе“ — горяча и искренна:

О вѣрю, вѣрю — будетъ
Телиться Твой Востокъ!
Въ моря овса и гречи
Онъ кинетъ намъ телка...
Но дологъ срокъ до встрѣчи.
А гибель такъ близка!
Уйми Ты ржанье бури,
И топъ громовъ уйми,
Пролей ведро лазури
На ветхое деньми!
И дай дочерпать волю
Медвѣдицей и сномъ,
Чтобъ вытекшей душою
Удобрить черноземъ..

Да, въ этомъ будущая наша судьба. Намъ дана была великая радость — увидѣть пришедшую въ міръ свободу, и намъ же дана великая скорбь — крестный путь свободы; „чашу съ кровью, всемірнымъ причастіемъ, намъ испить до конца суждено“... Грязь мірового ливня покроетъ теперь поля — если еще не близко чудо всемірной революціи. Свое мы сдѣлали — мы боролись, и впредь до конца будемъ бороться за свою правду; полна была ею наша жизнь. И если мы погибнемъ, „дочерпавъ волю“, то погибнемъ не напрасно; мы „вытекшей душою удобримъ черноземъ“, и взойдутъ на ней весеннія сѣмена, которыя разбрасываетъ теперь по всему міру русскій вихрь.

Раздѣлилась отъ огненнаго вихря сама на себя Россія — и вотъ двѣ Россіи передъ нами. Политически, соціально, духовно — на два

стана дѣлится она и сметаеть съ пути все промежуточное, дряблѣе, примиренческое, соглашательское. И то, что свято на одномъ берегу пропасти — грѣховно на другомъ; божественное тамъ — здѣсь демонично; Христосъ одного стана — Сатанайлъ для другого. И еще долго нѣтъ и не будетъ моста, нѣтъ и не будетъ взаимнаго пониманія, довѣрія, общаго языка. Нѣтъ и не можетъ быть.

Странно раскололись двѣ Россіи, линія излома ихъ могла быть создана поистинѣ только землетрясеніемъ — такъ причудливо перемѣшались глубинные земляные и сухіе поверхностные слои. Былые наши мистики и эсхатологи отъ интеллигенціи — Бердяевы, Булгаковы, Мережковскіе и подобные имъ — всѣ оказались теперь на той же сторонѣ провала, гдѣ и злѣйшіе ихъ бывшіе враги, а нынѣ союзники: всѣ умѣренныя и аккуратныя мѣщане отъ социализма, всѣ благоразумныя и кабинетныя государственники отъ „буржуазіи“. И тутъ же съ ними — рачители „Святой Руси“, о себѣ же служащіе панихиды. И на звукъ заупокойнаго плача — поползъ къ нимъ, предвкушая поживу, Могильный Червь революціи; вѣдь и ревнителю Святой Руси теперь „остается упасть червемъ и ползти“...

И на другой сторонѣ провала, наряду съ подлинными представителями „революціоннаго социализма“ оказались подлинныя наши „старовѣры“ отъ земли, едва-ли не „двуперстники“, подлинныя эсхатологи, не кабинетныя, а земляныя, глубинныя, народныя. Такъ старовѣры оказались въ „революціонерахъ“, а былые революціонеры — въ „старовѣрахъ“. И на этой сторонѣ пропасти тоже кишатъ духовныя мѣщане, мелкіе хищники, примкнувшіе къ революціи только для поживы; они первые предадутъ ее, первые присоединятся къ пиру могильныхъ червей.

Но что бы ни было на одной сторонѣ пропасти — нѣтъ перехода на другую сторону: слишкомъ глубоко раздѣленіе между двумя Россіями, слишкомъ широко и далеко разверзлась земля. „Между нами и вами — пропасть великая утверждена: хотящіе перейти отсюда къ вамъ не возмогутъ, ни оттуда къ намъ не переходятъ“.

И въ то время, какъ на одной сторонѣ служатъ панихиды по „Святой Русси“, отпѣваютъ самихъ себя, копятъ „злѣбу безсильную“ и „злость лютую“, ропщутъ, кричатъ проклятія во мракъ и видятъ во всемъ происходящемъ лишь „бѣсовское дѣйство“, лишь жалкій преходящій мигъ исторіи, безъ корней въ прошломъ, безъ правъ на будущее — съ другой стороны пропасти народный поэтъ отвѣчаетъ всѣмъ имъ исповѣданіемъ своей вѣры, отрицаніемъ ихъ панихиднаго плача ..

О, горе, кто ропщеть
Не снявши оковъ!

Кричащему въ мракъ
И бьющему лбомъ,
Подъ тайные знаки
Мы вратъ не сомкнемъ...
Но сгибни, кто вышелъ
И узрѣлъ лишь мигъ!
Мы звѣздною крышей
Придавимъ слѣпыхъ...

Такъ раздѣлилась русская литература, раздѣлилось русское общество и вся русская земля; такъ быть можетъ скоро раздѣлится весь міръ... И каждый изъ насъ долженъ твердо знать, за какую правду онъ готовъ стоять до конца.

И если правда Ремизова мнѣ чужда, темна и враждебна, то правда народныхъ поэтовъ мнѣ свѣтла, близка и радостна.

21.

Если бы Правда измѣрялась количествомъ исповѣдующихъ ее — въ русской литературѣ правда книжная задавила бы теперь правду народныхъ поэтовъ. Ибо если въ жизни съ ними — многіе и многіе, то кто съ ними въ литературѣ? Никто, или почти никто. Ибо испытанія въ грозѣ и бурѣ революціи не выдержала русская литература, испытанія жизнью не выдержала она — и почти вся очутилась въ станѣ злобствующихъ, оплакивающихъ, паникующихъ, хихикающихъ, таящихъ безсильную пока злобу; почти вся она очутилась въ станѣ того испуганнаго „утиного стада“, о которомъ говоритъ Андрей Бѣлый въ статьѣ о „Пѣснѣ Солиценосца“ Клюева.

Утиное стадо многочисленно, утиное стадо раздражено: Россія — „родила богатыря“! Не подмѣнить ли его „невѣдомой Звѣрушкой“? Не сказать ли, что это подымается „Звѣрь изъ бездны“? Не сказать ли, что это не лебедь, а „гадкій утенокъ“ родился? „Бабы старья, Бабарихи — всѣ мы: Парки, старья бабы, бормочутъ, пророчутъ и глазятъ всѣхъ „гадкихъ утятъ“; и отъ вѣка до вѣка такъ водится; царство утокъ — всеильно“...

И знаю я: во мглѣ міровъ
Ты злая, лающая Парка,
Въ лѣсу пугающая совъ,
Меня лобзающая жарко...

И многие изъ насъ зацѣлованы теперь ею, этой „лающей Паркой“, озлобленные, въ злобѣ безумствующіе на обѣихъ сторонахъ пропасти... Всѣхъ лебедей злобно щиплетъ утиное стадо, какъ и всегда щипало; „но величайшаго среди всѣхъ — оно распяло“. И распинаетъ вѣчно.

Утиное стадо видитъ, что рушится небо надъ его головой — привычное, обычное, личное небо, небо яйца стараго міра, стараго строя и уклада, „Святой Руси“, вѣчнаго „Святого Израиля“. Что ему до восхода новыхъ небесъ, если небо яичной скорлупы разрушено?

Утиное стадо испугано грозой и бурей революціи; въ грохъ оно видитъ только грязь, не чуетъ за грязью живительнаго ливня и вихря, несущаго весеннія сѣмена. „Такъ гроза человѣчества, ураганъ, все метущій и зрѣвшій въ вѣкахъ — не вызываетъ въ насъ мысли, что нынѣ завѣсою ливней закрыть мигъ рожденія... въ ясли: грядущей культуры; что маги прошли за звѣздой... и пастухи отвѣчаютъ на пѣсни вѣковъ славословіемъ, перемогающимъ миллионы убитыхъ, терзаемыхъ, поднимающихъ руки горѣ: пастухи славословятъ Звѣзду“... И видитъ Андрей Бѣлый, что „мужичьи ясли“, надъ которыми утиное стадо подыметъ гомонъ, раскрыты въ сердцѣ русскаго народа: „сердце его — ясли, а въ ясляхъ — Христосъ, соединитель народовъ“...

Такъ перекликаются „глубиннѣйшіе“ народные поэты наши съ „нагорнѣйшимъ“ русскимъ поэтомъ, такъ замыкается цѣпь между глубинами мудрости Востока и вершинами достижений Запада, преломившимися въ хрустальномъ озерѣ русской души. И радостно за русскую литературу, которая не останавливается на надгробномъ рыданіи о погибающемъ старомъ мірѣ, но провидитъ за тучами и вихрями — новые міры.

Тѣ, кому страшенъ міровой вихрь — запираются отъ него въ четырехъ стѣнахъ, не идутъ на работу жизни, плачутъ о гибели Русской Земли. И отдаются этому вихрю тѣ, которые знаютъ и вѣрятъ, что онъ несетъ міру новое слово и благу вѣсть:

И ты, огневая стихія,
Безумствуй, сжигая меня,
Россия, Россия, Россія —
Мессія грядущаго дня!

Въ этой благой вѣсти, которую русская революція несетъ съ собою въ міръ — наша вѣра и наша надежда на свѣтлое грядущее. Какая бы тьма ни упала теперь на землю, какой тернистый, крестный путь ни суждено будетъ пройти русскому народу — мы за распятой

видимъ воскресшую свободу, мы за тьмою видимъ восходящее Солнце

Да, на Руси крутитъ огненный вихрь. Въ вихрѣ соръ, въ вихрѣ пыль, въ вихрѣ смрадъ. Вихрь несетъ весенняя сѣмена Вихрь на Западъ летитъ. Старый Западъ закрутитъ, завѣтъ нашъ скиѣскій вихрь. Перевернется весь міръ И у кого есть крылья—тотъ перелетитъ въ Міръ Новый. Безкрылыя же утки Стараго Міра сметены будутъ вихремъ и разбиты о камень мировой революци. Пусть будетъ это черезъ года и вѣка, но это—будетъ „Тотъ, кто упадетъ на этотъ камень—разобьется, а на кого онъ упадетъ—того раздавить“.

Борьба безкрылыхъ съ крылатыми—исторія Міра, исторія человечества, исторія революци И этой борьбой раздѣлены мы всѣ теперь несоединимо. Два стана, два завѣта, двѣ правды, двѣ Россіи

1917
Ноябрь

Ивановъ-Разумникъ.